

Раздел V. МОТРЕВИЧ В.П.
ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СССР В 1939-1956 гг.:
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ / УРАЛЬСКИЙ ИНСТИ-
ТУТ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА.
– ЕКАТЕРИНБУРГ, 2014.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В ходе Великой Отечественной войны согласно документам Генерального штаба частями Советской армии было пленено 4377,3 тыс. иностранных военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось ещё на 639,6 тыс. человек. Кроме того, в целях пресечения террористических актов в тылу продвигающейся Красной армии были интернированы 208,2 тыс. человек, «годных к физическому труду и способных носить оружие», а также 61,6 тыс. арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200 тыс. граждан Советского Союза, принимавших участие в войне на стороне Германии и её союзников.

В годы войны жертвами конфликтов становятся как мирные жители, так и военнослужащие. Не исключением из этого явились и военнопленные. Правовой статус данной категории лиц был определен нормами международных гуманитарных конвенций и советскими нормативно-правовыми актами, однако неясность в вопросе о международных обязательствах СССР привела к научной дискуссии о содержании иностранных граждан в военном плену. Одной из главных проблем дискуссии был вопрос о том, соответствовали ли условия советского плена нормам международного гуманитарного права. В результате в настоящее время в отечественной историографии существуют диаметрально противоположные оценки правового статуса иностранных военнопленных в Союзе ССР. Одни исследователи считают, что все попавшие в плен иностранные военнослужащие имели статус военнопленных, и их содержание в плену в целом соответствовало нормам международного гуманитарного права. Другие пишут о том, что по существу после Сталинградской битвы попавшие в русский плен немцы и их союзники были лишены статуса военнопленных.¹ Актуальность темы исследования определяется и тем, что историко-правовые аспекты содержания военнопленных в основном рассматривались на уровне центральных органов, а деятельность региональных структур анализу не подвергалась. Между тем именно на региональном

¹ *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД. – М.: Грааль, 1997. – С. 10; *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 гг.). – Сыктывкар: СГУ, 1998. – С. 121.

уровне можно проследить за механизмом ведомственного регулирования обращения с военнопленными, обнаружить явные нарушения и отклонения от международно-правовых установлений по этим вопросам. Поэтому весьма уместным становится исследование не только декларируемых международно-правовых и национальных нормативных актов, но и конкретной практики советского государства и его органов в отношении военного плена в отдельном регионе.

Степень изученности проблемы. Характеризуя историографию истории военного плена в нашей стране можно выделить два периода ее развития. Это 1950-е – 1980-е гг. и 1990-е – первое десятилетие 2000-х гг. В работах исследователей первого периода в основном освещались история антифашистского движения в лагерях военнопленных и вопросы уголовной ответственности военнопленных за совершенные ими преступления на территории Советского Союза. Значительное место в советской историко-правовой литературе занимал вопрос об уголовной ответственности лиц, совершивших военные преступления. Однако в советский период историки права объективно не могли заниматься исследованием правового статуса иностранных военнопленных, так как нормативные акты были засекречены, а сама тема закрыта для обсуждения.

Второй этап изучения темы военнопленных и интернированных начался с 1990-х гг. В этот период в России были опубликованы научные и научно-публицистические статьи, монографии, посвященные истории военнопленных и интернированных иностранных граждан. Кроме исследований общего характера, работы, вышедшие в этот период можно систематизировать по определенным критериям. Среди них – географический критерий (работы, посвященные военнопленным на региональном уровне); национальный (исследования касались военнопленных определенных государств); проблемный (рассматривались вопросы продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания военнопленных, их трудового использования и репатриации, состояния захоронений), правовой (статус иностранных военнопленных в СССР, режим иностранных воинских захоронений). Одним из первых обратился к данной теме В.П. Галицкий. Им опубликовано несколько монографий, посвященных истории военного плена, а также большое количество научных статей, как в России, так и за рубежом.¹

Большую работу в этом направлении проделал В.Б. Конасов, который

¹ Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 6 – С. 115-123; *Он же*. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 39-46; *Он же*. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Соц. иссл. – 1991. – № 10 – С. 48-63; *Он же*. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 10 – С. 44-54; и др.

попытался воссоздать целостную картину пребывания немецких военнопленных в СССР. Он рассматривал дипломатические, правовые, политические и социально-психологические аспекты военного плена, судебное преследование военнопленных, их численность в лагерях НКВД-МВД.¹ К исследованиям С.С. Букина, А.А. Долголюк, А.А. Киселева, В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых, В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой, Е.Н. Чудиновских и др. авторов, можно применить географический критерий, поскольку в них рассматриваются проблемы содержания военнопленных и интернированных на региональном уровне – в Сибири, на Урале и других регионах Союза ССР.² Крупный массив исследований посвящен истории военнопленных определенных этнических групп. Различные аспекты пребывания в СССР иностранных военнопленных – финнов, шведов, испанцев, французов, чехов и словаков – изучаются в исследованиях В.Б. Конасов, А.Л. Кузьминых, С.И. Кузнецова, Ю. Рыбалкина, А.С. Смыкалина и др.³

Организация продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания военнопленных и интернированных, антифашистская работа среди них, материально-бытовое положение заключенных рассматривается в работах Н.В. Баранова, С.С. Букина, А.А. Долголюк, И.В. Горбунова, С.И. Кузьмина, Б.А. Нахопетова, С.Г. Сидорова, Н.В. Суржиковой.⁴ Отдельные исследования российских авторов освещают трудовое использование военнопленных и интернированных на восстановлении народного хозяйства СССР. Эта тематика нашла своё отражение в работах И.В. Безбородовой, В.П. Галицко-

¹ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. – Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1996. – 318 с.; *Он же.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М.: Ин-т воен. истории, 1998. – 163 с.; и др.

² *Баранова Н.В., Ерин М.Е.* Немецкие военнопленные в Ярославской области // Отечественная история. – 1995. – № 6 – С. 133-142; *Букин С.С.* Сибирские острова архипелага ГУПВИ // Проблемы истории Второй мировой войны. – Вологда: [Б. и.], 2000. – С. 98-109; *Вьцлан М.* Они все-таки прошли по Москве... // Диалог. – 1995. – № 4 – С. 21-25; *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен. 1942-1956 годы (Немецкие военнопленные в СССР). – М.: Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. – Кн. 2. – 324 с.; *Суржикова Н.В.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.). – Екатеринбург: ГУ, 2006. – 500 с.; и др.

³ *Галицкий В.П.* А действительно, куда исчезли 20 000 американцев? // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 8 – С. 8-81; *Рыбалкин Ю.* Шведские летчики в советском плену (советско-финская война 1939-1940 гг.) // Родина. – 1998. – № 7 – С. 17-19; *Он же.* Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена. Ч. 2. С. 247-251; и др.

⁴ *Долголюк А.А.* Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч. 2. – С.73-76; *Кузьмин С.И.* К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 132-142; и др.

го, С.Г. Сидорова, Н.В. Суржиковой.¹ Ряд публикаций российских учёных посвящен причинам и анализу смертности среди военнопленных и касается судьбы мест захоронений военнопленных на территории Советского Союза. Проблема воинских захоронений получила развитие в исследованиях С.С. Букина, А.Е. Елифанова, В.И. Лебедева, С.И. Кузнецова, В.П. Мотревича.² В последние годы вышел и ряд работ, посвященных репатриации иностранных граждан.³

Большой вклад в изучение проблемы военнопленных внесли историки права, исследующие различные аспекты правового положения иностранных военнопленных в СССР в военные и послевоенные годы. Объективное исследование правового статуса иностранных военнопленных и в зарубежной, и в отечественной историко-правовой науке стало возможным только в настоящее время. Основной источник правовых исследований – советские нормативно-правовые акты до недавнего времени были не доступны для учёных. В результате освещение зарубежными учеными юридических аспектов пребывания военнопленных в СССР было не достоверным, так как их работы были написаны на основе мемуарной литературы. В начале 1990-х гг. в центральные и местные архивы были переданы документы, до этого хранившиеся в архивах МВД и КГБ СССР. Доступ исследователей к ним стимулировал появление новых работ. В связи с этим важной особенностью периода историографии можно назвать попытку историков права и специалистов по отечественной истории проанализировать фундаментальные проблемы, связанные с пребыванием на территории СССР военнопленных Второй мировой войны (правовые основы военного плена, ответственность за военные преступления, правовой статус военнопленных и др.).

Глубокой проработке юридических аспектов содержания военного плена посвятили свои труды такие известные исследователи, как В.П. Галицкий, А.Е. Елифанов, С.И. Кузьмин, С.А. Лобанов Н.А. Морозов, А.В. Нау-

¹ *Галицкий В.П.* Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. – М.: Памятники ист. мысли, 1997. – С. 63-72; *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939-1956 гг. – Волгоград: ВГУ, 2001. – 503 с.; и др.

² *Букин С.С.* В чужой земле. Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944-1948 гг. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. – 310 с.; *Мотревич В.П.* К вопросу о захоронениях военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области // Двенадцатые Бирюковские чтения. Тезисы научно-практической конференции. – Челябинск: ЧГУ, 1996. – С. 188-190; и др.

³ *Бондаренко Е.Ю.* Долгое возвращение из плена (К истории репатриации японских военнопленных из СССР) // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 4 – С. 102-107; *Бугай Н.Ф.* Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на Родину из СССР (1940-1950-е годы). Докл. факты, комментарии. – М.: Готика, 2001. – 302 с.; и др.

мов, А.С. Смыкалин, Т.А. Щелокаева.¹ Прежде всего, следует отметить вклад в разработку многих правовых аспектов темы работ Т.А. Щелокаевой, предметом анализа которых стал правовой статус иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР. Данная проблема исследуется автором в контексте международных обязательств Советского Союза по обращению с узниками войны. Т.А. Щелокаева считает, что факты осуждения пленных по сомнительным обвинениям не были характерны для советского правосудия, а практика судебного преследования военнопленных вражеских армий в целом не противоречила ни международному праву, ни национальному законодательству СССР. И если первое из приведённых утверждений Т.В. Щелокаевой достаточно спорно, то второе совершенно справедливо, поскольку международные конвенции, действительно, не освобождали пленных от ответственности за преступления, совершенные как в годы войны, так и по её окончании. Другой вопрос, насколько нормы советского права соответствовали нормам Гагской и Женевской конвенций? В этой связи необходимо отметить близкое к нашей тематике исследование А.В. Наумова. Его работа посвящена изучению сформулированных в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала оснований уголовной ответственности за преступления против мира и человечности. В ней рассматриваются процедурные вопросы судопроизводства по делам о международных преступлениях.

Н.А. Морозов обращается к проблеме правового статуса иностранных военнопленных, рассматривая вопрос о статусе осуждённых военнопленных. Исследователь полагает, что с мая 1943 г. НКВД стал делить военнопленных на категории по степени их опасности для советского режима, а именно на военных преступников, служивших в войсках СС и лиц, склонных к побегу.

¹ *Епифанов А. Е.* Дела иностранцев, осужденных по обвинению в военных преступлениях, в современной реабилитационной практике // *Право и политика.* – 2001. – № 2 – С. 107-112; *Он же.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). – Вологда: ВЮИ, 1997. – 214 с.; *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М.: Ин-т воен. истории, 1998. – 163 с.; *Кузнецов С.И.* Участие японских военнопленных в Токийском и Хабаровском процессах // *Историческое, культурное и природное достояние (состояние, проблемы, трансляция).* Вып. 2. – Улан-Удэ, 1997. – С. 65-73; *Молодяков В.Э.* «Правосудие победителей»? // *Проблемы Дальнего Востока.* – 1994. – № 3 – С. 98-107; *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 гг.). – Сыктывкар: СГУ, 1998. – 156 с.; *Наумов А.В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // *Государство и право.* – 1995. – № 6 – С. 49-55; *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941-1946 гг. // *Проблемы военного плена...* Ч. 2. – С. 83-85; *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург: УрГЮУ, 1997. – 364 с.; *Щелокаева Т.А.* О международных обязательствах СССР по обращению с военнопленными в годы Второй мировой войны // *Юридический вестник.* – 1999. – № 19-20 – С. 27-35; и др.

Работы автора содержат интереснейший материал по истории лагерей на территории Коми края. А.Е. Епифанов на основе «открытых» архивных документов вновь возвращается к проблеме осуждения советскими судебными органами военнопленных вермахта за нарушение законов и обычаев войны. Автор не только обосновывает деятельность компетентных органов, но и отмечает недостатки в их работе, вследствие которых многие военнопленные были осуждены необоснованно, а часть настоящих военных преступников избежали наказания. Ряд авторов, изучая историю пребывания японских военнопленных на территории СССР, рассматривает также правовые аспекты вопроса. С.И. Кузнецов не только анализирует международно-правовой статус военнопленных, но и национально-правовой. Заслуга исследователя в том, что он попытался разграничить понятия «плен» и «интернирование». Учёный достаточно подробно рассматривает основания и правомерность осуждения японских военнопленных.¹

Исследования Н.В. Петрова о применении внесудебных репрессий по отношению к иностранцам, и военнопленным в их числе, основаны на материалах Центрального архива ФСБ РФ. Автор подчеркивает, что в 1941-1942 гг. расстрелы военнопленных немцев без суда по решениям Особых отделов фронтов были незаконными даже в глазах руководителей НКВД, так как не имели под собой никакой нормативной базы. А.А. Крупенников пишет о последнем этапе судебного преследования военнопленных, совершивших военные преступления. Однако нельзя согласиться с мнением автора о том, что военнопленные, осуждённые за шпионаж, имели статус военных преступников.² Следует отметить, что в современной исторической литературе по данной теме очень часто допускаются ошибки, обусловленные непониманием таких юридических категорий как «военное преступление», «политическое преступление» и «воинское преступление». Вопросы правового режима иностранных воинских захоронений на территории советского государства рас-

¹ *Базаров О.Д.* «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.). – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. – 92 с.; *Бондаренко Е.Ю.* Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. – Владивосток: Изд-во Владивосток. ун-та, 1997. – 67 с. *Кузнецов С.И.* Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). – Иркутск: ИГУ, 1997. – 261с.; *Кузьмина М. А.* Плен: японские военнопленные в Хабаровском крае. – Комсомольск-на-Амуре: КнАГПИ, 1996. – 156 с.; *Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. – Красноярск: КГПИ, 2001. – 276 с.; и др.

² *Крупенников А.А.* К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947-1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Тез. межвуз. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – С. 83-86; *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941-1946 гг. // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 83-85.

смачивает В.П. Мотревич. Исследователь полагает, что фактически впервые захоронения военнопленных становятся объектом международно-правовой охраны только в Женевской конвенции 1949 г.¹

Различные аспекты военного плена впервые в нашей стране обсуждались на международной научной конференции «Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства», состоявшейся в июне 1992 г. в Екатеринбурге в Уральском государственном университете. Данной проблеме была посвящена специальная секция, привлекавшая пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В дальнейшем этой проблеме была посвящена научная конференция, проведённая в октябре 1997 г. в Вологде.² Несколько специальных семинаров, посвященных германским воинским захоронениям периода Второй мировой войны, провёл в Берлине Народный Союз Германии по уходу за военными захоронениями.³

Исследуемая тема всегда вызывала живой интерес и за рубежом. В 1957 г. в ФРГ была создана научная комиссия для изучения истории немецких военнопленных под руководством Э. Машке. В результате деятельности комиссии появилось 15-томное издание «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны». С начала 1990-х гг. зарубежные исследователи получили возможность работать в российских архивах с рассекреченными документами. Тема военного плена успешно разрабатывается руководителем австрийского Института Людвиг Больцмана по изучению последствий войн С. Карнером. Его книга «В архипелаге ГУПВИ. Военный плен и интерниро-

¹ Мотревич В.П. Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Курганской области // Емельяновские чтения. – Курган: КГУ, 2006. – С. 126-129; *Он же*. Иностраные воинские захоронения Второй мировой войны в Удмуртии: численность, дислокация и проблема благоустройства // Россия и Удмуртия: история и современность. – Ижевск: УдГУ, 2008. – С. 744-754; *Он же*. Правовой статус иностранных воинских захоронений в России // Актуальные вопросы историко-правовой науки. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2009. – С. 232-237; *Он же*. Благоустройство мест захоронений военнопленных и интернированных на Урале в 1995-2009 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. – Екатеринбург: УрГУ, 2011. – С. 193-201; и др.

² Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Международная научная конференция. Екатеринбург, 10-14 июня. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 99 с.; Проблемы военного плена: история и современность: материалы международной научно-практической конференции, 23-25 окт., г. Вологда: [в 2 ч.] / [редкол.: Е.А. Поромонов (пред.) и др.]. – Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – Ч. 1. – 205, [1] с.; Ч. 2. – 205, [1] с.

³ Воинские захоронения Второй мировой войны: современное состояние, проблемы восстановления и сохранности». Международный семинар. – Берлин: Народный Союз Германии по уходу за военными захоронениями, 1992; Воинские захоронения Второй мировой войны: современное состояние, проблемы восстановления и сохранности». Международный семинар. – Берлин. Народный Союз Германии по уходу за военными захоронениями, 1994.

вание в СССР 1941-1956 гг.» в своей основе была написана на источниках, взятых им из советских архивов.¹ Немаловажная роль в изучении проблемы принадлежит Ассоциации военнопленных, объединившей в своих рядах бывших финских пленников. Под эгидой этой организации проводились исследования об их пребывании в СССР. Изучение проблемы иностранных военнопленных в СССР ведется и учеными бывших советских республик. Среди них – работы А.В. Потыльчака и А.С. Чайковского на Украине, Л.В. Михеевой – в Казахстане.²

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной литературе поставленная проблема исследована недостаточно, в связи, с чем она нуждается в дальнейшей разработке. В историографии до настоящего времени отсутствует исследование, содержащее комплексный анализ избранной автором темы. Данная работа является попыткой внести ясность в вопросы правового статуса иностранных военнопленных Второй мировой войны и правового режима их захоронений в Советском Союзе на материалах одного из регионов Союза ССР. Это, в свою очередь, будет способствовать получению объективных результатов в исследованиях военного плена в других направлениях.

Объектом исследования выступают иностранные военнопленные Великой Отечественной войны, находящиеся на территории Свердловской области в 1942-1956 гг. **Предметом** исследования является правовой статус иностранных военнопленных и режим иностранных воинских захоронений на территории нашей страны. Военнопленные, как правило, являются подданными другого государства, в связи, с чем их статус определяется на межгосударственном уровне. Так как военнопленные – это физические лица, которые не могут быть самостоятельными субъектами международного права, то их правовой статус фиксируется во внутреннем праве. Поэтому в работе анализируются нормы международного права, регулировавшие статус военнопленных в годы войны и послевоенные годы, советские нормативно-правовые акты об иностранных военнопленных, правоприменительные акты по содержанию, осуждению и репатриации, а также нормативные акты, регламентирующие порядок содержания, благоустройства и обеспечения сохранности иностранных воинских захоронений.

¹ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе в 1941-1956 гг. – М.: РГГУ, 2002. – 303 с.

² Михеева Л.В. Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Караганда, 2007. – 30 с.; Потыльчак О. Рядяньські табори військовополонених в Україні (1939-1954). – Київ, КНПУ, 2004. – 361 с.; Чайковский А.С. Плен. За свои и чужие грехи (военнопленные и интернированные в Украине, 1939-1953). – Киев: Парламентское изд-во, 2002. – 970 с

Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что в 1939 г. после начала советско-финской войны в СССР появляются первые военнопленные. Что касается конечной даты, то она в литературе определяется поразному. В советской историографии всегда исходили из того, что после окончания репатриации немецких военнопленных в конце 1949 г. и японских военнопленных в начале 1950 г. в СССР больше не было таких субъектов права как военнопленные. Действительно, согласно международным обязательствам СССР и нормам советского законодательства в Советском Союзе после 1950 г. не было лиц, пользующихся преимуществами военного плена. Однако в настоящее время значительная часть осуждённых военнопленных реабилитирована военной прокуратурой. Поэтому следует признать, что в СССР до 1956 г. находились лица, которые должны были иметь права и обязанности военнопленных. Эта часть военнопленных была лишена своего статуса незаконно в результате привлечения к уголовной ответственности.

Помимо данного обстоятельства есть ещё один аргумент в пользу названных хронологических рамок исследования. В соответствии с нормами международного права осуждённые военнопленные сохраняли статус военнопленных и по-прежнему должны были находиться под покровительством международного сообщества. В Женевской конвенции 1949 г. содержится норма, согласно которой к осужденным военнопленным применялся режим военного плена. Хотя Советский Союз при подписании конвенции и сделал оговорку о неприменении этой нормы, позиция международного сообщества была более гуманной. С учётом этих двух обстоятельств в данной работе правовой статус военнопленных рассматривается вплоть до 1956 г.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Свердловской области, первые эшелоны с военнопленными туда прибывают в мае 1942 г. Для их содержания были организованы Басьяновский, Монетно-Лосиновский и Исетско-Аятский лагеря. К осени 1945 г. численность находящихся на территории региона военнопленных из состава венгерской, германской, итальянской, румынской, финской и японской армий, а также немцев, интернированных из стран Восточной Европы, достигала 100 тыс. человек. Регион имел мощный промышленный потенциал и остро нуждался в дополнительной рабочей силе. В первой половине 1950-х гг. в Свердловской области располагался и самый крупный в СССР лагерь для осужденных военнопленных и интернированных лиц. Кроме материалов по Свердловской области, в качестве сравнения в работе приводятся сведения и по соседним уральским областям – Курганской, Оренбургской, Челябинской.

Целью исследования является установление правового статуса иностранных военнопленных и правового режима иностранных воинских захоронений в СССР, изучение конкретной практики советского государства и его органов в отношении военного плена в отдельном регионе. Поставленная цель определила следующие **задачи** исследования. Во-первых, изучить меж-

дународную и национальную нормативно – правовую базу по проблеме военного плена. Во-вторых, охарактеризовать основные тенденции развития норм международного права по вопросу обращения с военнопленными, выявить особенности правового регулирования положения пленных накануне и в годы Второй мировой войны. В-третьих, выяснить, как выполнялись международные обязательства СССР по обращению с военнопленными. Только правильно определив содержание и объём этих обязательств, можно оценивать степень их выполнения. В-четвёртых, рассмотреть основания дисциплинарной и уголовной ответственности военнопленных в советском законодательстве. В-пятых, охарактеризовать правовой режим иностранных воинских захоронений на территории СССР, исследовать правоприменительную практику по отношению к ним на протяжении исследуемого периода и в современных условиях.

Методологической основой диссертационного исследования выступили методы, приемы и принципы, присущие как исторической, так и юридической наукам. Все правовые явления анализируются в историческом аспекте. При изучении особенностей правового регулирования положения военнопленных в СССР применяется системный подход. Для раскрытия темы используется функциональный подход, например, соотношение международного и советского права исследуется с точки зрения функций гуманитарного международного права. Статистический метод используется для обобщения количественных показателей пленения, привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности. Проблемно-хронологический метод применялся при рассмотрении причин и следствий образования и функционирования лагерей. Кроме этого, большое значение в исследовании проблемы имеют частноправовые методы. Так, с помощью формально-юридического метода формулируются понятия «режим содержания военнопленных», «обеспечение военнопленных», «военное преступление» и выделяются их признаки. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставить нормы международных гуманитарных конвенций и нормы советских правовых актов о военнопленных по всем аспектам их содержания.

Источниковая база исследования. Изучение данной проблематики опирается на достаточно мощную источниковую базу. Спецификой её является отсутствие какого-либо единого комплекса документов. Типологически все они делятся на следующие группы. Это источники международно-правового характера; акты высших органов государственной власти, советских, административных и карательных органов; документы местных органов власти; делопроизводственная документация Управления НКВД-МВД СССР по Свердловской области и входившего в его структуру Отделения (позже – Отдела) по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ); архивно-следственные дела, а также источники личного происхождения. Анализ правоприменительных документов позволяет характеризовать не только правовой

статус военнопленных, но и их реальное правовое положение.

Большинство привлекаемых документов до сих пор не стало достоянием науки, что составляет вторую особенность источниковой базы. То небольшое количество документов, которое опубликовано, издавалось не в виде подборки документов, а включалось в исторические исследования в качестве иллюстративного материала. При этом часто приводились лишь цитаты из источников, способствующие лучшему освещению описываемых событий. Среди источников международно-правового характера и дипломатических документов – конвенции о защите жертв войны, международные договоры, дипломатическая переписка – значительная часть которых в настоящее время уже опубликована.¹ Эти документы, прежде всего, позволяют изучить проблему военнопленных в контексте международных отношений. При этом их достоверность редко вызывает сомнения, будучи подтвержденной самим фактом их официальной публикации.

В равной степени это относится и ко второму комплексу источников. Практически все они сформированы в органах власти; в них суммируются однотипные признаки в соответствии с логикой развития политики государства по отношению к военнопленным. Среди них – указы, постановления, приказы, распоряжения, директивы, положения, циркуляры, инструкции и т.д. К их числу принадлежит «Положение о военнопленных» от 1 июля 1941 г., которое является основой для соотнесения статуса оказавшихся в советском плену военнопленных с принятой международной практикой. Из многочисленных нормативно-правовых актов особый интерес представляет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». По первой статье этого Указа была привлечена к уголовной ответственности и осуждена за военные преступления, как правило, сроком на 25 лет исправительно-трудовых лагерей, значительная часть военнопленных.²

Главной особенностью источников рассматриваемой группы является, прежде всего, то, что подавляющее большинство из них составляют ведомственные нормативно-правовые акты. При этом по субъекту издания – это преимущественно документы НКВД-МВД и УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Как специфическую черту можно также выделить издание нормативных документов сразу несколькими ведомствами. К примеру, 19 октября 1944 г. НКВД СССР и Начальник тыла Красной армии выпустили совместный приказ о введении в действие новых норм вещевого довольствия военноплен-

¹ Военнопленные в СССР (1939-1956). Документы и материалы. Сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.

² Там же. С. 154.

ных. 19 января 1948 г. МВД СССР и Министерство связи СССР издали совместную директиву об организации приема посылок для военнопленных из-за границы.¹ Акты местных органов власти являются своего рода дополнением к предыдущей группе источников. Будучи немногочисленными, они, тем не менее, позволяют проследить, как политика центра по отношению к иностранному военнопленному Второй мировой войны проводилась на местах, какие особенности она приобретала под воздействием местных условий.

Главным хранителем информации по проблеме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны является Российский государственный военный архив (РГВА) (бывший Центр хранения историко-документальных коллекций, а до этого – «Особый архив»). В фондах архива по данной проблеме сохранился крупный массив документальных материалов, среди которых можно выделить следующие: формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, справки отдела трудового использования, документы отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школ. Имеются много свидетельств о зверствах немецко-фашистских войск на временно оккупированной территории Советского Союза, а также множество благодарственных писем от военнопленных в адрес И.В. Сталина. В архивах хранятся литературные произведения военнопленных, фотоальбомы об их жизни в плену, многочисленные воспоминания о пребывании в нашей стране. Материалы подобраны отдельно по немцам, отдельно по австрийцам, голландцам, французам, японцам и т.д.² Широкий общественный резонанс имела фотодокументальная выставка «Военнопленные», подготовленная сотрудниками «Дома истории ФРГ» и в 1996 г. экспонировавшаяся в г. Москве. Выставка была посвящена судьбам советских и немецких военнопленных второй мировой и Великой Отечественной войн. На всех военнопленных сохранились личные дела и учетные карточки.³ Учётные карточки сосредоточены в специальном алфавитном каталоге, среди них особо стоит выделить картотеку на оказавшихся в советском плену генералов иностранных армий.

В структуре рассматриваемой группы источников особое место занимают материалы ведомственных архивов на местах – Отдела спецфондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Свердловской области (Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области) и архива Управления Федеральной службы безопасности РФ по Свердловской области

¹ *Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (состояние источниковой базы) // Урал на пороге третьего тысячелетия. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2000. – С. 48-51.

² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1 и/п. Оп. 17, 18, 40, 49, 55, 58, 59, 26.

³ Там же. Ф. 1п. Оп. 465, 466, 475, 477.

(Архив УФСБ РФ по Свердловской области). Выявленные в фондах архива УФСБ РФ по Свердловской области источники в массе своей представлены документами отчетно-исполнительного характера. К этой группе относятся доклады, рапорты, сообщения, донесения и отчеты управлений лагерей, отделов областного ОПВИ УНКВД-УМВД СССР по Свердловской области. Среди них наиболее ценными представляются спецсообщения о работе лагерей военнопленных в начальный период их существования, то есть в 1942-1943 гг. Будучи уникальными, эти источники проливают свет на проблему становления и функционирования на Среднем Урале первых лагерей военнопленных, а также динамику численности военнопленных, производственной деятельности лагерей и её первых результатов.¹

Документы Отдела спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области охватывают более поздний период, когда большая часть военнопленных была репатриирована на родину. В СССР остались лишь те из них, кто был осужден за совершенные в годы войны преступления и переведен в категорию военных преступников. Здесь также хранятся дела об организации и функционировании кладбищ военнопленных, которые позволяют продуктивно исследовать самые разные аспекты этой проблемы. Данные материалы представляют огромную ценность не только в сугубо научном, но и в практическом плане. Они позволяют найти и благоустроить кладбища военнопленных: выявить судьбы отдельных людей, идентифицировать могилы умерших и в необходимых случаях провести их эксгумацию.²

Долгие годы материалы об иностранных военнопленных носили секретный характер и хранились в Особом архиве КГБ СССР, а также в ряде архивов государственной безопасности различных регионов страны. Уголовно-следственные дела на осужденных иностранных граждан можно условно разделить на три группы. Значительная часть архивных уголовных дел связана с понятием военный преступник. Эти фигуранты запятнали себя злодеяниями и зверствами на территории СССР в годы войны и с точки зрения международного права никогда не подлежат реабилитации, как совершившие преступления против человечества. Вторая группа дел, это военнопленные, вина которых незначительна или малозначительна. Лично они не принимали участие в карательных операциях против мирных советских граждан. Вина их заключалась в том, что они служили в эсэсовских или иных карательных частях, например, коновозчиками, санитарями, писарями и т.д. В начале 1990-х гг. прокуратурой Свердловской области было реабилитировано свыше двухсот человек. Их уголовные дела передали из архива Управления ФСБ РФ по

¹ Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области (далее – Архив УФСБ). Ф. 1. Оп. 1.

² Отдел спецфондов Информационного центра ГУВД РФ по Свердловской области (далее – Отдел спецфондов).

Свердловской области в Архив административных органов Свердловской области.¹ Третья группа – это интернированные граждане немецкой национальности из стран Восточной Европы.

Архивно-следственные дела военнопленных, осужденных Военным трибуналом войск МВД Уральского округа за военные и государственные преступления в 1940-1950-е гг., и, в настоящее время реабилитированных, хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области. Типичное следственное дело на военнопленного, помимо сведений о реабилитации, включает в себя следующие документы: постановление об избрании меры пресечения и ордер на арест, протокол личного обыска, опросный лист, постановление о приобщении материалов к делу, собственноручно написанные показания и протоколы допросов обвиняемого, показания или протоколы допросов свидетелей, постановление о предъявлении обвинения, обвинительное заключение, подписка об ответственности за дачу ложных показаний, протокол судебного заседания, приговор и др. Большинство материалов данного делопроизводства, по нашему мнению, достоверно. Фальсификация могла иметь место только в протоколах допросов и, таким образом, повлиять на исход всего следствия. Важно отметить, что заложенная в архивно-следственных делах чёткая универсальность позволяет в перспективе подвергнуть их материалы машинной обработке.

Наиболее многочисленными и, в то же время, наиболее сложными для исследования являются такие источники, как воспоминания бывших военнопленных, а также бывших сотрудников аппарата лагерей. Комплекс мемуарной литературы, повествующей о самых разных аспектах жизни пленников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР, огромен. Однако переводы многих воспоминаний военнопленных на русский язык отсутствуют, и они остаются практически не известными даже профессиональным историкам. Воспоминания же, опубликованные в СССР в 1950-1980-х гг., были подвергнуты цензуре и выдержаны в духе официальной советской идеологии. Более объективна мемуарная литература, датированная концом 1980-1990-х гг. В основном это небольшие очерки участников и очевидцев событий, интервью с ними, опубликованные на страницах периодических изданий. Они, безусловно, являются хорошим дополнением к другим документальным свидетельствам, позволяя представить изучаемое время через отдельные человеческие судьбы.²

Специфический комплекс материалов составляют фотодокументы ар-

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2.

² *Адам А.А.* Трудное решение: мемуары полковника 6-й германской армии. – М.: Прогресс, 1972. – 491 с.; *Бланк А.С.* Пленники Сталинграда // Новый мир. – 1983. – № 9 – С. 205-226; *Рюле О.* Исцеление в Елабуге. – М.: Воениздат, 1969. – 328 с.; *Штейдле Л.* От Волги до Веймара. – М.: Прогресс, 1973. – 422 с.; и др.

хива Управления ФСБ РФ по Свердловской области, запечатлевшие пребывание на Среднем Урале осужденных военнопленных, условия их жизни и результаты трудового использования. Являясь особым источником, фотодокументы освещают лишь некоторые отдельные фрагменты событий. Очевидно также и то, что администрация лагеря № 476 при составлении альбомов с фотографиями своих подопечных стремилась показать условия жизни последних в самом выгодном свете и подходила к отбору снимков избирательно. Ввод фотодокументов в научный оборот интересен уже потому, что все они наглядны и эмоционально окрашены и в этом их главное достоинство.¹

В целом представляется, что только комплексное использование всех названных групп источников максимально приблизит исследователей к объективной картине пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР во всем многообразии её ракурсов. В данной работе автор вводит в научный оборот новые архивные материалы, позволяющие комплексно осветить проблему нахождения на Урале иностранных военнопленных Второй мировой войны, определить их правовой статус, показать существующие подходы к решению вопросов благоустройства мест иностранных воинских захоронений и проведения на них эксгумационных работ, характеризовать полученные в настоящее время практические результаты.

Научная новизна исследования определяется его предметом, подходом, структурой и источниковой базой. В диссертации впервые приводятся обобщающие сведения о размещении, численности и составе иностранных военнопленных на территории Уральского региона, тщательному анализу подверглись не только советские нормативные акты, но и нормы международного права о правовом положении военнопленных. Подробно исследуются международные нормативно – правовые акты о режиме иностранных воинских захоронений, характеризуются результаты их практического применения на территории Уральского региона.

Наиболее значимые авторские суждения содержатся в следующих положениях, **выносимых на защиту**:

1. Международное гуманитарное право достаточно полно регулировало правовой статус военнопленных и режим воинских захоронений.

2. Союз ССР не подписал Гаагскую конвенцию 1907 г. и Женевскую конвенцию 1929 г. Поэтому правовой статус военнопленных в Союзе ССР регулировался нормами национальных правовых актов. Советское государство использовало опосредствованную форму трансформации норм международного права во внутреннее право.

3. По вопросам содержания военнопленных в СССР было принято большое количество решений, соответствующих принципам гуманизма, и в

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 9. Оп. 1.

своей политике по отношению к иностранным военнопленным Союз ССР в основном выполнял требования международного гуманитарного права. Однако общее состояние советской экономики и существовавший в стране тоталитарный режим не позволяли в полной мере выполнять положения международного права в области соблюдения личных, политических, социально – экономических и культурных прав военнопленных.

4. Уголовное преследование иностранных военнопленных в Союзе ССР не противоречило нормам международного права. В СССР статус военных преступников имели только те военнопленные, которые не были осуждены за совершённые ими военные преступления.

5. Процедура привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности и порядок рассмотрения дел в суде были максимально ускорены и упрощены. На иностранных военнопленных в полной мере было распространено репрессивное законодательство 1930-1940-х гг., в результате их значительная часть была осуждена по сомнительным приговорам.

6. Юридическим последствием этого стала развернувшаяся в 1990-е гг. в России работа по реабилитации незаконно осужденных бывших военнослужащих иностранных армий. Следствие по ним осуществлялось в спешке, и вина подсудимых часто не подтверждалась материалами уголовно-следственных дел. В результате более 7 тыс. осужденных оказались реабилитированными Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры РФ и причислены к жертвам политических репрессий;

7. Начиная с 1944 г. Советский Союз в основном придерживался международных стандартов в отношении режима иностранных воинских захоронений. Однако, в начале 1960-х гг. данная работа была свернута. Она возобновилась только в 1991 г. после подписания РФ ряда международных соглашений и создания ассоциации «Военные мемориалы» МО СССР.

Теоретическая значимость исследования. Представляется, что основанный на всестороннем изучении нормативных источников анализ правового регулирования положения военнопленных поможет объективно оценить правоприменительную деятельность государства. Не менее важным для развития теории является и опыт работ по выявлению и сохранению памятников историко-культурного наследия, которыми являются иностранные воинские захоронения на территории РФ.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы исследователями данного хронологического периода, характеризующими в своих работах систему лагерей НКВД-МВД СССР, исследователями, занимающимися проблемой правового статуса военнопленных Второй мировой войны в СССР, а также представителями зарубежных стран, интересующимися судьбами своих соотечественников, находившимся в плену на территории Урала. Работа может способствовать развитию отрасли ностальгического туризма, ставшего достаточно по-

пулярным в последнее время. Авторские наработки по проблемам режима иностранных воинских захоронений в РФ во многом послужили основой для принятия нормативных документах в ряде субъектов РФ и осуществления масштабных поисковых и благоустроительных работ на территории Уральского региона. В результате их осуществления в соответствии с межправительственными соглашениями РФ по германской, венгерской, итальянской, финской и японской программам в 1990-е гг. на территории Уральского региона автором выявлено свыше 200 неизвестных иностранных воинских захоронений периода Первой и Второй мировых войн и организовано благоустройство 48 из них.

Апробация исследования. Основные положения и выводы исследования были изложены автором на конференциях разного уровня в Архангельске (2007), Барнауле (2008), Березниках (1992), Берлине (1992, 1994), Вологде (1997), Днепропетровске (2005), Екатеринбурге (1992, 1995-2011) Ижевске (2008), Каменск-Уральске (2000, 2001), Кустанае (2007), Кургане (2006), Москве (2007, 2010), Нижнем Тагиле (1997, 2000), Омске (2006), Оренбурге (2010), Североуральске (2001), Сыктывкаре (1993, 2007), Уфе (2010), Ханты-Мансийске (2000), Челябинске (1996, 2005). Всего по теме исследования опубликовано 73 научные работы. Из них 5 работ опубликовано за рубежом, 9 – в энциклопедических изданиях и одна в журнале, рекомендованном ВАК РФ для работ по специальности 12.00.01. Кроме того, 11 статей опубликовано в газетах и научно – популярных изданиях.

Поставленные задачи определили **структуру** диссертационной работы, основная часть которой состоит из четырёх глав. Первая из них посвящена правовому статусу военнопленных; вторая – их численности, составу и размещению в Свердловской области; в третьей исследуется проблема осужденных иностранных граждан; в четвертой – правовой режим иностранных воинских захоронений в нашей стране. В работе имеется введение, заключение, примечания и список использованных источников и литературы.

Глава I. ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОПЛЕННЫХ

Накануне Первой мировой войны появился международный правовой документ «Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 5 (18) октября 1907 г.» (Гагская конвенция). В этом правовом международном документе в приложении к Конвенции в Отделе I была специально выделена особая Глава II «О военнопленных», состоявшая из 17 статей, определявших права и обязанности государства и военнопленных. Данный документ юридически четко определял, кто несет ответственность за судьбу военнопленных, кто призван решать эту проблему. Это государство в лице одного из своих высших органов исполнительной власти – правительства. Не вооруженные силы, не ополченцы, не местные органы власти, не частные институты, не общественные и благотворительные организации, а именно государство. С момента плена че-

ловец должен находиться под защитой государства, которое обязано пресекать произвол по отношению к нему со стороны захвативших его воинских формирований и их военачальников, а также частных лиц, местных властей и толпы. Государство обязано соблюдать права военнопленного, круг которых был определен в этом документе. Причем оно обязано решать все вопросы жизнедеятельности военнопленных на принципах «человеколюбия».

Таким образом, Гагская конвенция 1907 г. стала тем документом, в котором довольно четко и широко зафиксированы права и обязанности военнопленного и государства, удерживающего его в плену. Содержащиеся здесь правовые нормы и положения охватывают почти все стороны жизнедеятельности пленённого человека. Впервые именно в этом документе он стал рассматриваться как социальное существо, достойное человеческого существования. Впервые государство, подписавшее этот документ, брало на себя обязательства по обеспечению законных прав не своих граждан, а людей, которые воевали против него. При этом необходимо особо подчеркнуть следующее обстоятельство: международное право в этой области шло впереди внутригосударственного национального законодательства. Таких или подобных документов, с развернутой системой взаимных прав и обязанностей двух субъектов взаимодействия, не было ни в одном государстве. Более того, в национальных законодательствах не было подобных нормативно-правовых документов, регулировавших отношения государства со своими гражданами, плененными враждебным государством. Ни одно государство еще не осознавало тогда в полной мере необходимость всесторонней правовой защиты в национальном законодательстве этих жертв войны, законодательного обеспечения их полноценного возвращения к активной послевоенной жизни.

Таким образом, в первом десятилетии XX в. мировое сообщество выработало международное законодательство, которое призвано было регулировать действия государств и их правительств в случае вооруженного противостояния конфликтующих сторон и по окончании вооруженной борьбы. Уже через семь лет представилась возможность проверить конвенции на их соответствие общественной практике. В 1914 г. началась Первая мировая война, в которой приняли участие 38 государств. На основании существовавших тогда международно-правовых документов российский император Николай II в указе от 7 октября 1914 г. утвердил «Положение о военнопленных». Развивая этот документ, 31 октября 1914 г. вышел специальный приказ по Военному ведомству № 697, регулирующий основополагающие принципы обращения с иностранными военнопленными на территории Российской империи, то есть были определены условия транспортировки, содержания, нормы питания, вещевого довольствия пленных.¹

¹ *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 29.

Надо констатировать, что международное сообщество заметило многие недостатки международного права, проявившиеся в ходе Первой мировой войны, и попыталось в определенной мере извлечь уроки на будущее. Были критически переработаны предыдущие конвенции, развиты их отдельные удачные правовые положения и нормы, сформулированы новые права военнопленных. Таким образом, были подготовлены проекты новых, более развернутых международных документов. В рамках этого курса 27 июня 1929 г. в Женеве главы 47 государств подписали две международные конвенции: «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях».¹ В этих международных документах вводились новые правовые положения и нормы и детализировались старые, которые входили в конвенции, принятые мировым сообществом в предыдущие годы. В первой из названных конвенций вводилось юридическое понятие «военнопленный». К ним относились лица, принадлежавшие к вооруженным силам воюющих сторон (то есть военнослужащие), и некоторые гражданские лица, взятые в плен во время военно-морских и военно-воздушных операций. В эту категорию включен был также состав добровольческих частей, состоявший из населения, взявшего добровольно оружие при сражении с наступающими на населенный пункт неприятельскими войсками. Вместе с тем круг изложенных в Конвенции прав и обязанностей государства, пленившего человека, и его самого распространялся на следовавших за армией корреспондентов, газетных репортеров, маркитантов и армейских поставщиков (ст. 81).

В Конвенции 1929 г. существенно расширились и вводились новые права военнопленных: 1) право женщин на уважение личности и чести во всём соответствии с их полом (ст. 3); 2) право гражданской правоспособности (ст. 3); 3) право на учет расовых и национальных особенностей (ст. 9 и ст. 20); 4) право на медицинское обслуживание в широких пределах (ст. 14 и ст. 15); 5) право на сохранение бывшего воинского статуса (ст. 22 и ст. 23); 6) право на информацию (ст. 26); 7) право на работу с учётом трудового законодательства (ст. 27); 8) право на отдых (ст. 29); 9) право на выбор доверенного лица и организацию взаимопомощи (ст. 43); 10) право на судебную защиту (ст. 61); 11) право на досрочное освобождение (ст. 68, ст. 71 и ст. 72). Более того, военнопленный имел возможность ознакомиться со своими правами и обязанностями, так как статья 84 обязывала администрацию вывешивать текст Конвенции в местах пребывания военнопленных на их родном языке.

Необходимо специально выделить статью 42 Конвенции о праве жалобы военнопленных на режим содержания в плену. Она даёт ясное представление о том, интересы кого защищала Конвенция, как она определяла отношения между двумя субъектами взаимодействия, а также отношения этой

¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 21а. Д. 47. Л. 22-48.

связки с международным сообществом. В статье говорилось, что военнопленные имеют право предоставлять военным властям, в ведении коих они находятся, свои жалобы на режим содержания, которому они подвергнуты. Равным образом они имеют право обращаться к представителям держав-покровительниц с указанием моментов, касающихся режима плена, на которые приносят жалобы. Эти заявления и протесты должны передаваться безотлагательно. Даже если таковые будут признаны необоснованными, они не могут ни в коем случае послужить основанием для наказания. Из текста статьи видно, что явное предпочтение отдается военнопленному, а не государству, во власти которого он находится. Вся Конвенция свидетельствует о том, что была предпринята попытка решить судьбу плененного человека на принципах демократии, открытости, свободы и справедливости.

Конвенция предусматривала новые обязанности государства: 1) производить маршевую эвакуацию пленных нормальными этапами по 20 км в день (ст. 7); 2) избегать по мере возможности соединения в одном лагере людей разных рас и национальностей (ст. 9); 3) зачитывать приказы и уведомления, проводить допросы, объяснять правила на языке, понятном военнопленному (ст. 20); 4) организовывать в лагерях лавки для покупки военнопленными пищевых продуктов и предметов обихода по местным торговым ценам (ст. 12); 5) принимать меры по обеспечению чистоты и здоровья в лагерях, организовывать бани и души, предотвращать эпидемии (ст. 13); 6) организовывать в лагерях лазареты и изоляторы для заразных больных, помещать тяжелобольных во внелагерные военные и гражданские лечебные учреждения (ст. 14); 7) проводить ежемесячно медицинские осмотры (ст. 15); 8) выделять военнопленных солдат для обслуживания пленных офицеров в достаточном числе соответственно чину офицера (ст. 22); 9) выплачивать военнопленному оклад, соответствующий его чину в сумме, которую получают офицеры его действующей национальной армии (ст. 23); 10) информировать военнопленных в случае перемещения о новых местах назначения и позволять брать с собой личные вещи (ст. 26); 11) распространять законы о труде страны-содержательницы на военнопленных при несчастном случае на работе (ст. 27); 12) предоставлять еженедельный непрерывный двадцатичетырехчасовой отдых (ст. 29); 13) обеспечивать продолжительность рабочего дня не выше норм, установленных для гражданских рабочих (ст. 30); 14) предоставлять квалифицированного защитника при суде над военнопленным (ст. 57).

Конвенция значительно расширила и конкретизировала многие права и обязанности военнопленных и государства, ранее закрепленные в Гаагской конвенции 1907 г.: 1) запрещалось применять какие-либо принуждения для получения сведений, относящихся к положению их армии и страны, воздействовать на отказавшихся дать такие ответы ни угрозами, ни оскорблениями, а равно подвергать их взысканиям (ст. 5); 2) запрещалось отнимать документы о личности, отличительные знаки чинов, ордена и ценные предметы (ст. 6);

3) запрещалось использовать военнопленных в качестве защиты каких-либо пунктов или местностей от неприятельского обстрела (ст. 9); 4) вводилась обязательность лагеря подчиняться власти ответственного офицера (ст. 18); 5) вводилась обязанность отдавать честь всем офицерам державы, взявшей в плен, но только с учетом старшинства и равенства чина (ст. 18); 6) разрешалось ношение знаков, чинов и отличий (ст. 19); 7) не оплачивалась работа, относящаяся к управлению, устройству и содержанию лагеря (ст. 34); 8) разрешалось послать письмо семье в недельный срок по прибытии в лагерь (ст. 36); 9) разрешалось подвергать цензуре корреспонденцию военнопленного, контролировать почтовые посылки с пищей и одеждой (ст. 40); 10) запрещались любые телесные наказания, заключение в карцер, лишение дневного света, а также групповое наказание (ст. 46); 11) устанавливалась продолжительность наказания не более чем 30 дней (ст. 54).

При этом в Конвенции впервые была выделена специальная глава под характерным названием: «Умственные и моральные потребности военнопленных». В ней речь шла о том, что пленным нужно предоставлять возможность до 60 раз присутствовать на богослужении (ст. 16), что нужно поощрять умственные и спортивные развлечения, организуемые самими военнопленными (ст. 17). Кроме того, разрешалось получать индивидуальные посылки с книгами, которые все же могли подвергаться цензуре, книги для лагерных библиотек, передача которых не могла быть замедлена под предлогом цензурных затруднений (ст. 39). Причём, даже дисциплинарно наказанные имели право читать и писать, получать и посылать корреспонденцию (ст. 57). Уточнены были санитарно-гигиенические нормы размещения пленных: а) их можно было размещать в бараках и строениях только при гарантии гигиены и здоровья, б) эти помещения должны были отапливаться, освещаться и защищены от сырости, в) общая площадь, минимальная кубатура койки и их оборудование должны были по размерам соответствовать тем, что применялись в военных частях той державы, которая содержит военнопленных (ст. 10).

В Конвенции 1929 г. впервые комплексно решались вопросы окончания пленения, освобождения и репатриации. В частности, предусматривалась возможность досрочного освобождения тяжелобольных и инвалидов (ст. 68), жертв несчастных случаев на работе (ст. 71), а также тех, кто «подвергнулся долговременному пленению» (ст. 72). Для ускорения срока освобождения запрещалось задерживать репатрируемых до отбытия дисциплинарного наказания (ст. 53). Важно также отметить, что предусматривалось создание Центрального агентства осведомления военнопленных (справочное Бюро), о котором не говорилось в предыдущих конвенциях. Агентство, по сути, было международной организацией и учреждалось в нейтральной стране. В нём концентрировались все сведения, касающиеся военнопленных. Функции по созданию агентства возлагались на Международный комитет Красного Креста (ст. 79).

Кроме отмеченных возможностей контроля за реализацией положений Конвенции, была предусмотрена и такая: представители державы-покровительницы наделялись правом посещения всех без исключения мест, в которых интернированы военнопленные. При этом им обеспечивалось сношение с военнопленными без свидетелей (ст. 86). Но, однако, механизм реализации Конвенции не ограничивался обозначенными выше элементами. Государства, подписавшие Конвенцию, могли разрабатывать свои внутренние правовые документы. Им предлагалось сообщать друг другу о дополнительно разработанных национальных законах и правилах, направленных на эффективное обеспечение всех положений Конвенции (ст. 85). Таким образом, военнопленные теперь наделялись довольно широкими правами. Эти права защищались в форме ясно сформулированных законодательно-юридических норм. Предлагались некоторые организационные элементы механизма реализации этих прав, а также основополагающего международного правового акта по вопросу обращения с пленными в целом. Решение большинства вопросов содержания и репатриации военнопленных теперь не являлось частным делом государства, во власти которого они находились. Оно обязано было играть по цивилизованным правилам, принятым мировым сообществом, причём фактически и тогда, когда государство не являлось участником Конвенции.

Советское государство с момента своего возникновения взяло курс на проведение самостоятельной политики в области военного плена, в основу которой был положен классовый принцип. Под воздействием партийно-идеологических установок враг в общественном сознании выступал в образе «капиталистов-империалистов», а союзником в борьбе против них считался мировой пролетариат, у которого нет ни отечества, ни национальности. Следствием такой политики СССР стал демонстративный отказ от подписания Женевской конвенции о военнопленных от 27 июля 1929 г. Представляется, что СССР не ратифицировал Женевскую конвенцию 1929 г. «Об обращении с военнопленными», поскольку, по его заявлению, он не мог выполнить несколько содержащихся в них несущественных нормативов. В.П. Галицкий считает, что И.В. Сталин не был против подписания и принятия данной Конвенции, но советская делегация не смогла вовремя оформить соответствующую заявку на выезд в Женеву. Однако при этом было заявлено, что СССР в случае возникновения проблемы будет её решать в духе этого международного акта. То есть, не признавая Конвенцию *de jure, de facto* СССР брал на себя обязательство гарантировать права военнопленных, признанные мировым сообществом. Более того, 25 августа 1931 г. нарком иностранных дел СССР М. Литвинов подписал другую важнейшую, тесно связанную с указанным нами выше международным актом, конвенцию 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В СССР она вступила в силу 26 марта 1932 г.¹

¹ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: почему СССР не ратифицировал Конвенцию «Об обращении с военнопленными», но подписал международный документ «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»? По нашему мнению, вопрос ратификации данных международно-правовых документов был основан именно на особенностях национального законодательства СССР. В УК СССР 1926 г. имелись статьи, предусматривающие уголовное наказание за сдачу в плен. Соответственно, признав права иностранных пленных, СССР вынужден был бы признать и права собственных солдат и командиров, попавших в плен к неприятелю. Вполне очевидно, что так Советский Союз поступить не мог – военнопленный априори считался «врагом народа» и предателем. А какие права могут быть у изменника? Однако существовали некоторые «смягчающие вину обстоятельства» – ранение, болезнь и недееспособность могли освободить советских военнопленных от уголовного преследования. Поэтому СССР в соответствии со своим внутренним законодательством закрепил равные права за своими и иностранными больными и ранеными пленными. Таким образом, по вполне логичным мотивам Советский Союз и не стал подписывать Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными». Другое дело, насколько этичными и моральными были эти действия советского руководства. Фактически И.В. Сталин предавал своих солдат, позволяя противникам, в первую очередь, конечно, Германии, не соблюдать в отношении советских военнопленных постановления названной Конвенции.

Для решения проблемы иностранных военнопленных в СССР были вынуждены создавать своё внутреннее национальное законодательство. После принятия Женевских конвенций 1929 г. Центральный исполнительный комитет СССР принимает 19 марта 1931 г. Постановление «Положение о военнопленных».¹ Этот документ регулировал взаимоотношения между Советским государством и пленными гражданами других государств, определял решение всех общих вопросов жизнедеятельности иностранных военнопленных, находившихся на территории СССР, с учётом опыта Первой мировой войны и возможностей страны, недавно пережившей Гражданскую войну. «Положение о военнопленных» 1931 г. действовало до сентября 1939 г. и в целом соответствовало Женевским конвенциям 1929 г. Однако в Положении имелись и существенные различия. Документ, принятый советским правительством, основывался на трёх системообразующих посылках: 1) режим содержания военнопленных в Советском Союзе должен строиться в соответствии с мировым опытом решения проблемы и не должен быть хуже того, который определен Женевской конвенцией; 2) советский документ не должен полностью копировать Женевскую конвенцию, нужно исходить из реальной

и политические аспекты проблемы. С. 19-20.

¹ Военнопленные в СССР. С. 60-65.

ситуации страны, строящей социализм, поэтому некоторые права военнопленных, предусмотренные в Конвенции, не должны включаться напрямую в «Положение о военнопленных», а входить лишь в качестве отдельных элементов в инструкции, предназначенные для тех, кто будет непосредственно контактировать с военнопленными; 3) разрабатываемый в СССР документ должен соответствовать в полной мере национальному законодательству, отражающему своеобразие истории развития страны и её народов, и согласован с нормами советского права.

Именно в связи с тем, что Положение увязывалось с нормами советского права, количество статей в этом документе было в два раза меньше (45), чем в Женевской конвенции 1929 г. (97). При этом не признавались некоторые права и обязанности, как военнопленных, так и государства, предусмотренные Конвенцией, но одновременно расширялся объём отдельных их прав и обязанностей, содержащихся в международном акте. Так, в советском документе содержались следующие отличия. Во-первых, не предусматривались льготы военнопленным из офицерского состава, при указании возможности содержания их отдельно от остальных пленных; запрещалось денщиество и ношение знаков отличия; военнопленные не обязаны были отдавать воинское приветствие “честь” – офицерам; не учитывалось положение Конвенции о размещении пленных по национальному признаку в отдельных лагерях; не сохранялось положение, согласно которому привлечение военнопленных к работам могло быть только при их личном согласии, труд был обязательным для всех. Во-вторых, на пленных распространялся гражданский, а не военный режим; денежное довольствие выплачивалось всем военнопленным, а не только офицерскому составу; пленным из числа «рабочего класса и эксплуатируемого крестьянства» предоставлялись права, аналогичные правам других иностранцев, находящихся на территории СССР; труд военнопленных организовывался с учётом общего законодательства СССР об охране труда и оплачивался по нормам, установленным для местностей расположения лагерей и для соответствующей категории трудящихся; расширялись права на самоуправление через создание лагерных комитетов, которым предоставлялась возможность связываться по вопросам жизни пленных со всеми органами государства.

В середине сентября 1939 г. в СССР появились явные признаки того, что государство готовится к наступлению каких-то значительных событий, которые потребуют дополнительных усилий по решению проблем военнопленных. Так, 19 сентября вышел приказ НКВД СССР о создании специального структурного подразделения с особыми полномочиями и ответственностью – Управления по делам военнопленных НКВД СССР. 20 сентября Экономический совет при Правительстве СССР своим специальным решением уточнил отдельные нормы Постановления «О положении военнопленных», в частности нормы продовольственного снабжения. За десять последних дней

сентября НКВД СССР развил ещё более бурную деятельность: были разработаны и приняты четыре нормативно-правовых документа по вопросам организации лагерей военнопленных, их продовольственного снабжения и медико-санитарного обслуживания, по порядку содержания в лагерях захваченных в плен военнослужащих, а также правилам внутреннего распорядка лагеря пленных. Итак, ещё за несколько лет до начала «Зимней войны» СССР *de facto* признавал основополагающие международные акты, определявшие отношения военнопленного и государства, удерживающего его в плену, используя в качестве фундамента внутреннее законодательство. Советский Союз на основе конвенций разработал нормативные документы, обязательные для исполнения, создав тем самым правовые рамки при принятии соответствующих практических действий по решению проблемы иностранных военнопленных. То есть, с одной стороны, вопреки международной практике межгосударственные соглашения подменялись внутренним законодательством, а с другой – инструкции по обращению с иностранными пленными разрабатывались на основе конвенций.

После начала «Зимней войны», с первым захватом в плен финских военнослужащих, НКВД издал приказ об организации приемных пунктов и лагерей для военнопленных, а в конце декабря 1939 г. – Временную инструкцию о работе пунктов министерства по приёму военнопленных. «Положение о военнопленных» 1939 г. было менее детализировано, чем предыдущий документ, разработанный в 1931 г., но и оно сохранило основные нормы международного права. Финские военнопленные были защищены от жестокого обращения и оскорблений. Им гарантировалось неприменение пыток и других мер физического воздействия с целью получения сведений о положении их страны в военном или ином отношении. У пленных не могли быть отобраны личные вещи и документы, белье, обувь, обмундирование, предметы личного обихода и т.д. Однако при этом допускалось, что ценные вещи и деньги могут быть временно изъяты уполномоченными на то органами, но лишь при оформлении соответствующих документов и выдачи квитанции.

Кроме того, в этом документе, в отличие от Положения 1931 г., у военнопленных сохранялись знаки отличия, допускалось содержание отдельно от рядового состава пленных офицеров и приравненных к ним по званию. Пленные обеспечивались бельём, одеждой, продовольствием и предметами первой необходимости, а также денежным довольствием. Получение ими продовольственной или иной помощи со стороны, то есть помимо СССР, не влекло за собой снижения норм пищевого довольствия, гарантированных государством. Им предоставлялось право получать денежные переводы из других стран, иметь на руках деньги в пределах установленных норм и приобретать на них продовольствие, одежду, белье и предметы первой необходимости. Военнопленные имели право на медицинское обслуживание, причём медицинский персонал финской армии, попавший в плен, тоже мог оказывать

помощь финским военнопленным. Пленным гарантировалась возможность информировать родственников о своём нахождении в плену, за ними также сохранялось право переписки, получения посылок с родины или из нейтральных стран, при этом посылки не облагались пошлинами и акцизами, а отправление почтовой корреспонденции было бесплатным. Пленным предоставлялось также право присутствовать на богослужении и полная свобода отправления религиозных обрядов.

Трудовое использование военнопленных регламентировалось почти также, как этого требовала Женевская конвенция. Рядовой и унтер-офицерский состав (и приравненные к ним) могли быть использованы на работах на территории лагеря и вне его – в промышленности и сельском хозяйстве. В этом случае на них распространялось советское законодательство об охране труда и рабочем времени в соответствии с особенностями отраслей производства. Офицерский состав (и приравненные к ним) могли быть использованы на работах вне территории лагеря лишь по особому распоряжению УПВ НКВД СССР. Труд военнопленных должен был оплачиваться в соответствии с нормами, установленными этим Управлением. Причём категорически запрещалось использовать труд пленных для обслуживания личных нужд администрации лагерей и других военнопленных, а также в районе боевых действий. У военнопленных имелось право обжаловать действия администрации лагерей и мест их содержания в любых соответствующих государственных ведомствах вплоть до Правительства Советского Союза.¹

В «Положении о военнопленных», утвержденном в 1939 г., было записано, что пленные обязаны строго выполнять все правила, указанные в нём, а также подчиняться администрации лагерей. За неподчинение лагерным правилам, совершение уголовно наказуемых преступлений военнопленные могли быть привлечены к дисциплинарной и уголовной ответственности. Неподчинение властям, лагерной администрации, а также сопротивление им и оскорбление их действием при исполнении ими своих служебных обязанностей рассматривались в суде военного трибунала. Менее существенные проступки рассматривались на основании статей Дисциплинарного устава Рабоче-крестьянской Красной армии. Военнопленному мог быть вынесен даже смертный приговор, но об этом в обязательном порядке необходимо было информировать Международную организацию Красного Креста и Красного Полумесяца. Приговор мог быть приведён в исполнение не ранее

¹ Военнопленные в СССР. С. 61.

чем через месяц после такого сообщения. Представители Красного Креста допускались на территорию СССР для ознакомления со сложившейся ситуацией в лагерях, но с особого разрешения Наркомата иностранных дел Советского Союза.¹

Таким образом, до начала военных действий Зимней войны, во время трехмесячного вооруженного противоборства двух стран и после окончания этой войны СССР активно разрабатывал внутреннее законодательство по проблеме военнопленных, совершенствовал структуру управления и механизмы организации жизнедеятельности военнослужащих, удерживавшихся им в плену. При этом он руководствовался регламентирующими правовыми нормами двух основополагающих Женевских конвенций, но не целиком — по некоторым пунктам в той мере, в какой они соответствовали идеологическим установкам, господствовавшим в СССР того периода. Эти внутренние нормативные акты касались всех иностранных военнопленных на территории СССР, вне зависимости от их национальной принадлежности, хотя существовали некоторые инструкции и приказы НКВД, касавшиеся пленных отдельных национальностей.

Разрабатывая законодательство о содержании военнопленных, советское государство использовало уже наработанный опыт обращения с представителями иностранных государств. Для СССР было характерно двойственное отношение к иностранцам, главным критерием которого стала лояльность к советской власти. Этот критерий лёг и в основу обращения с обезоруженными солдатами противника, что нашло своё отражение в упомянутом «Положении о военнопленных» от 19 марта 1931 г., которое предписывало всех военнопленных — «пролетариев», «не эксплуатирующих чужого труда», наделять политическими правами наравне с «трудящимися иностранцами». При внимательном изучении первых советских нормативно-правовых актов по обращению с бывшими неприятельскими солдатами бросается в глаза одна характерная деталь: сталинское руководство изначально смотрело на военнопленных как на своих «союзников». По мысли сталинского окружения, стоило советским войскам вступить на вражескую территорию, как все неприятельские войска, основу которых составляют все те же пролетарии, бросят оружие и перейдут на сторону Красной армии. Утопичность этой идеи выявилась уже в первые дни «освободительного похода в Польшу». Из оперативных сводок Генштаба РККА, которые публиковались с 17 по 27 сентября 1939 г., только первая содержала фразу о восторженной встрече советских

¹ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 65.

частей населением. В последующих сводках этот сюжет заменили сведения о достигнутых рубежах, занятых городах и о количестве захваченных пленных.¹ Показательно, что военнопленные поступали в распоряжение наркомата внутренних дел – ведомства, наделенного репрессивными функциями и отвечавшего за карательную политику государства. В составе НКВД было сформировано Управление по военнопленным, являвшееся преемником Цу-пленбежа.²

23 сентября 1939 г. заместитель наркома внутренних дел В. Чернышов утвердил «Положение о лагере военнопленных».³ Основными задачами лагерей НКВД для военнопленных объявлялись: 1) содержание военнопленных в условиях изоляции от окружающего населения; 2) создание режима, исключаящего всякую возможность побега пленными из зоны лагеря; 3) агитационно-массовая и политическая работа среди контингента. Сопоставление содержания «Положения о лагере военнопленных» от 23 сентября 1939 г. и «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» от 2 августа 1939 г. показывает, что, если главной задачей исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) являлось трудовое использование контингента⁴, то основной задачей лагерей УПВ – политическая работа среди военнопленных. Последней советское государство придавало особое значение, рассматривая военнопленных в соответствии с известной ленинской установкой как «бацилл коммунизма» – будущих сторонников социалистических преобразований в своих странах.

Классовый подход к проблеме военнопленных демонстрирует, в частности, практика учёта последних. Указание УПВИ НКВД СССР № 25/11805 «По вопросам уточнения социально-политического лица военнопленных» ориентировало сотрудников лагерей на подробное составление политического портрета каждого пленного и на поиск в среде неприятельских солдат «социально-близких», т.е. тех, в которых СССР видел потенциальных союзников в борьбе с «буржуазно-капиталистическим лагерем».⁵ Таким образом, СССР предпочёл исходить в вопросах регулирования военного плена не из положений международных конвенций, а из положений внутреннего законодательства, в свою очередь, основывавшегося на классовых императивах.

Ориентацию на собственное законодательство по вопросам военного

¹ Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД. С. 153-158.

² Военнопленные в СССР. С. 74-75.

³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2002. – С. 457.

⁴ Военнопленные в СССР. С. 25.

⁵ Всеволодов В.А. «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939-1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плена: Сб. мат. межд. научно-практ. конф. – М., Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. – С. 27.

плена демонстрирует неопределенный правовой статус пленных польских солдат и офицеров. До настоящего времени в историко-юридической науке так и не решён вопрос о статусе захваченных Красной армией осенью 1939 г. в плен военнослужащих польской армии. Ряд историков рассматривает польских граждан, попавших в лагерь НКВД как интернированных, исходя из того, что между СССР и Польшей не было официально объявленного состояния войны. Однако характер и масштабы боевых операций, имевшие место жертвы в ходе боевых столкновений, свидетельствуют о том, что между СССР и Польшей велась настоящая война. По справедливому замечанию Н. Лебедевой, «неофициальное» введение на территорию Польши войск сталинским правительством, лишь усугубляло её агрессивный характер.¹ Именно о «военнопленных» идёт речь в большинстве документов ведомства Л. Берии, а также протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП (б). Пленными считало себя и большинство польских офицеров.² Другое дело, что среди оказавшихся в лагерях польских граждан было большое количество людей, не имеющих никакого отношения к вооруженным силам.

В нарушение ст. 11 Положения о военнопленных от 19 марта 1931 г. о недопустимости содержания пленных в местностях с «нездоровым климатом», часть поляков направили в исправительно-трудовые лагеря Европейского Севера СССР, где они трудились наравне с советскими заключёнными. Об одинаковом положении военнопленных и заключённых свидетельствует как «Инструкция о содержании и трудовом использовании военнопленных в Северном железнодорожном лагере», предоставившая начальнику Севжелдорлага право использовать их труд по своему усмотрению, так и отдельные факты экзекуций над польскими военнослужащими, ярким примером чего является катынский расстрел.³ О том, что сталинское окружение смотрело на польских военнослужащих как на рядовых узников лагерей НКВД, свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключение на территории СССР» от 12 августа 1941 г., под которую попали и пленные поляки.⁴ Освобождение пленных «по амнистии» являлось нонсенсом для международного права.

Однако имелся ряд черт, наличие которых не позволяет говорить о полном растворении военнопленных поляков в контингенте заключённых.

¹ *Лебедева Н.С.* Катынь: преступление против человечества. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 36-37.

² *Язборковская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 90.

³ Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. – М.: Вест мир, 2001. – С. 221-223.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941-1945. К истории военного союза: Докум. и матер. – М.: Terra, 1994. – Т. 14. – С. 24-25.

Во-первых, советское руководство пошло на создание в октябре 1939 г. справочного бюро по розыску военнопленных и интернированных лиц бывшей польской армии при исполкоме Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца. И хотя НКВД игнорировало работу этого органа, попытка его создания свидетельствует о стремлении СССР соблюдать хотя бы формальную сторону общепризнанной нормы международного права. Во-вторых, польским военнопленным разрешили переписку со своими родственниками за границей. В-третьих, места работы военнопленных предписывалось отделять от производственных участков заключённых. Таким образом, можно говорить о том, что захваченные Красной армией польские военнослужащие имели «промежуточный статус» между военнопленными и заключёнными и являлись особой категорией контингента НКВД.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство нотой от 17 июля 1941 г. заявило о своей готовности признать Гаагскую конвенцию 1907 г. и соблюдать её на условиях взаимности. При этом Советский Союз руководствовался двумя мотивами. Во-первых, он стремился обеспечить себе поддержку международной общественности в условиях германского наступления. Во-вторых, стремился ограничить себя от многочисленных обязательств, вытекавших из положений Женевской конвенции о военнопленных от 27 июля 1929 г. Что касается реакции германской стороны, то она была вполне предсказуема. А. Гитлер и его ближайшее окружение, не сомневавшиеся в скором завершении войны на Востоке, проигнорировали заявление Советского Союза. В ответной ноте министерства иностранных дел Германии от 25 августа 1941 г. было сказано, что массовые расстрелы пленных частями Красной армии доказывают лицемерный характер дипломатических шагов сталинского руководства.¹

Основным нормативно-правовым документом, регламентировавшим положение иностранных военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, являлось «Положение о военнопленных», утвержденное постановлением СНК СССР № 1798-800 от 1 июля 1941 г. Основные пункты этого документа соответствовали Гаагской (1907) и Женевской (1929) конвенциям. Согласно Положению в категорию военнопленных попадали: 1) лица, принадлежащие к составу вооружённых сил государств, находящихся в состоянии войны с Советским Союзом, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР; 2) лица, входящие в состав вооружённых отрядов, не принадлежащих к вооружённым силам противника, если они открыто носят оружие; 3) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные в ходе военных действий. Положение гарантировало военнопленным право на жизнь

¹ *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. С. 40-41.

и личную неприкосновенность, обеспечение жилыми помещениями, медикаментами и продовольствием. Запрещалось оскорблять пленных, жестоко обращаться с ними. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, разрешалось ношение военной формы, знаков различия и отличия. Они получали право приобретать за свой счёт дополнительно продукты питания, одежду, предметы личной гигиены, беспощинно получать с родины и из нейтральных стран письма, посылки и денежные переводы. Вместе с тем документ имел принципиальные отличия от Женевской конвенции. В советском варианте не имелось статьи, предусматривавшей контроль за содержанием военнопленных со стороны Международного комитета Красного Креста, не оговаривалась возможность обжалования приговора в случае судебного преследования, не было определено время репатриации.

После принятия правительством «Положения о военнопленных» наркомат внутренних дел выпускает серию инструкций, развивающих и дополняющих его. К числу таковых следует отнести, прежде всего, «Временную инструкцию о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД СССР» от 4 июля 1941 г., а также инструкции о порядке учета и содержания военнопленных в лагерях НКВД от 7 августа 1941 г. Данные документы ограничивали права военнопленных и расширяли полномочия НКВД. Так, в них не оказалось пункта, запрещавшего изымать у военнопленных личные вещи и документы. Ограничивалось право пленных на подачу жалоб. Теперь они могли высказать своё недовольство только представителям лагерной администрации и лишились права обращаться в вышестоящие инстанции.¹ Целью данных инструкций было ужесточение режимных требований в условиях военного времени. Согласно инструкциям НКВД-МВД СССР, военнопленные обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, постельными принадлежностями, денежным довольствием. Инструкция УПВИ НКВД СССР № 75 от 22 февраля 1943 г. регламентировала порядок приёма, хранения и возврата валюты и ценностей, принадлежавших военнопленным.² Для проверки сохранности имущества пленных периодически проводилась его инвентаризация. В случае утраты личных вещей или ценностей, принятых на хранение от военнопленных, им возмещалась стоимость утраченного имущества за счёт виновных лиц.

Анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих содержание военнопленных, показывает, что СССР в отношении иностранных военнопленных ориентировался на принципы гуманизма и требования международного права. Советское законодательство гарантировало военнопленным право на жизнь, гуманное обращение, личную неприкосновенность и медицинское обслуживание. Также им предоставлялись имущественные пра-

¹ Военнопленные в СССР. С. 28, 155-168.

² Там же. С. 171-173.

ва: обеспечение жилыми помещениями, бельём, одеждой, обувью, продовольствием, гарантировалось сохранение документов и ценных вещей. Важной гарантией предоставленных прав являлось право каждого военнопленного подавать жалобы и заявления начальнику лагеря. Предпринимались меры и по сохранению жизни и здоровья военнопленных в условиях сурового русского климата.

Особого внимания заслуживает вопрос о правосубъектности военнопленных периода Великой Отечественной войны. По мнению М.Г. Деткова, человек, попавший в сферу деятельности НКВД-МВД, всецело исключался из юрисдикции действующего законодательства; его жизнь целиком и полностью регламентировалась актами этого ведомства.¹ Весьма произвольно трактовало правовой статус военнопленных и советское военно-политическое руководство. Как международным конвенциям, так и собственному законодательству противоречило объявление военнопленными всего состава германской армии после капитуляции Германии и завершения боевых действий. В ходе капитуляции перед войсками Красной армии оружие сложили более 1,3 млн. немецких солдат и офицеров. Большинство из них погрузили в вагоны и отправили в СССР.

При этом следует отметить, что нарушения Женевской конвенции в годы Второй мировой войны были характерны для всех государств-участников, что обуславливалось крайней жесточенностью боевых действий, непримиримостью идеологического противостояния. Так, английская авиация в 1940-1941 гг. неоднократно сбивала немецкие транспортные самолеты со знаками Красного Креста, которые подбирали из вод Ла-Манша немецких лётчиков. Американские солдаты нередко отказывали в медицинской помощи немецкому гражданскому населению на оккупированной территории. О распространенной практике расстрелов немецких военнопленных английскими и американскими солдатами во время боёв в Нормандии пишет английский историк М. Хастингс.² Более того, сама практика боевых действий вырабатывала определённый кодекс поведения противоборствующих сторон. Так, например, солдаты и той, и другой стороны практиковали расстрел захваченных в плен вражеских снайперов или огнеметчиков. Это объяснялось представлениями солдат о том, что они воюют «не по-честному».³ Играла свою роль и принадлежность военнослужащего к тому или иному роду или виду войск. Так, если немцы считали своим долгом расправиться с комиссарами, то красноармейцы часто расстреливали попавших в плен эсэсовцев или власовцев.

В 1994 г. Центр военно-социологических и социально-психологичес-

¹ *Детков М.Г.* Колонии, лагеря и тюрьмы России. – М.: Вердикт-ИМ, 1999. – С. 197-198.

² *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 132, 309, 310.

³ Там же. С. 132, 307, 309.

ких исследований Министерства обороны РФ провел анонимное анкетирование среди ветеранов-участников Великой Отечественной войны с целью выявления случаев самосуда над вражескими солдатами на поле боя или случаев расстрела пленных по приказу командира. Из 380 человек опрошенных о таких случаях сообщили лишь 3 человека.¹ Тем не менее, несанкционированный характер таких стихийных расправ не позволяет говорить о системе уничтожения военнопленных, в отличие от практики Третьего Рейха, где подобные деяния были освящены силой приказа. Так, 12 мая 1941 г. вышла секретная директива Главной ставки Фюрера «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками». Она гласила: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться, самое позднее, в транзитных лагерях».²

Советское правительство, разрабатывая нормативно-правовую базу по вопросам обращения с военнопленными, преследовало несколько целей. Во-первых, оно стремилось исключить их из сферы военных действий, т.е. нейтрализовать как часть вооруженных сил противника. Во-вторых, планировало использовать их труд по возмещению затрачиваемых на их содержание средств, а позднее – и для восстановления, разрушенного войной народного хозяйства. В-третьих, путём политической и культурно-массовой работы рассчитывало сделать их сознательными сторонниками коммунистической системы. Таким образом, цели, которые преследовало советское руководство, коренным образом отличались от устремлений германских политических кругов, рассматривавших военнопленных в начале войны как ценный балласт, а позднее как дешёвую рабочую силу. Сама концепция использования военнопленных как «бацилл коммунизма», несмотря на свою идеологическую направленность, предполагала гуманный характер обращения с вражескими солдатами, так как была ориентирована на сохранение их жизни и добровольную перемену мировоззрения.

Неоднозначным было отношение советского руководства к вражескому офицерскому корпусу. Во-первых, наблюдается стремление отделить офицерский и командный состав от остальной массы военнопленных. Во-вторых, нейтрализовать их, как «непримиримых классовых противников». Так, по инициативе Л.П. Берии было принято решение о расстреле пятнадцатитысячного польского офицерского корпуса. В 1943 г. на Тегеранской конференции И.В. Сталин обмолвился о намерении сурово покарать 50 тыс. офицеров вермахта, находящихся в лагерях НКВД. Но, видимо, получившее негативный международный резонанс в том же 1943 г. «катынское дело» изменило его планы. Факты репрессий со стороны советского руководства по

¹ Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4: Народ и война. – М.: Наука, 1999. – С. 195.

² Долматовский Е.А. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. – М.: Политиздат, 1989. – С. 107.

отношению к пленным офицерам дали основания некоторым исследователям говорить о политике уничтожения наиболее состоятельных и образованных групп бывших неприятельских военнослужащих, что, на наш взгляд, достаточно спорно. Ведь из тех же польских офицеров сталинско-бериевский аппарат впоследствии сформировал командный состав армии В. Андерса. В конце концов, репрессивная политика уступила место трезвому расчёту и прагматическим соображениям, наглядным примером чему является создание «Союза немецких офицеров» и его использование в политических целях.

Принципиально и отличие правового положения иностранных военнопленных от положения советских заключённых. Если в отношении первых советское руководство исходило из принципа «корректного обращения», то основными элементами тюремного и лагерного быта вторых являлись насилие, произвол, поспание человеческого достоинства при полном безразличии к созданию нормальных условий для существования. Примечательно, что разрыв между законоположениями, гарантирующими охрану прав личности и обеспечением их реализации, считался нормой для лагерей ГУЛАГа и недопустимым явлением для лагерей ГУПВИ. В документации НКВД-МВД прослеживается чёткое стремление выделять военнопленных, как особую категорию лагерного контингента. Характерно, что одновременно с заявлением советского правительства об окончании репатриации военнопленных, МВД отменило большинство приказов, директив и распоряжений по их содержанию, изданных в 1939-1949 гг. Это ещё раз свидетельствует о том, что оставшихся на территории СССР военнопленных советское руководство отныне считало военными преступниками.

Итак, изучение нормативно-правовых актов и архивного материала свидетельствует, что в советском законодательстве в период 1930-х – 1940-х гг. проблеме военнопленных уделялось большое внимание. Разрабатывая законодательство, регламентирующее режим военного плена, Советский Союз опирался на имеющийся опыт работы с подданными иностранных государств. Основные права военнопленных в годы Великой Отечественной войны были закреплены в «Положении о военнопленных», утвержденном постановлением СНК СССР 1 июля 1941 г. Если в Женевской конвенции правовой статус военнопленных дифференцировался только в зависимости от воинского звания, то в советском законодательстве большое значение имело «социально-политическое лицо» военнопленного. Несмотря на свою незавершенность и противоречивость, обусловивших многочисленные нарушения режима военного плена, советское законодательство не шло, ни в какое сравнение, с преступными приказами и директивами нацистского руководства Германии, в которых содержалась установка на уничтожение советских военнопленных по политическим мотивам и расовому признаку.

Глава II. ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Первые вражеские военнопленные Красная армия захватила уже летом 1941 г. в беспорядочных боях на западной границе СССР. Количество их было ничтожно малым в сравнении с количеством советских солдат и офицеров, пленённых противником в течение 1941 г. Из 5,75 млн. советских военнопленных, оказавшихся в немецком плену в годы войны, 3,35 млн. чел. были захвачены именно на начальном ее этапе. В 1941 г. от боевых подразделений Красной армии специально созданные армейские пункты Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР приняли только 9,1 тыс. чел. Однако с изменением характера военных действий ситуация меняется. Если в августе 1942 г. в Свердловской области пребывало около 6 тыс. военнопленных иностранных армий, то к 1945 г. их количество увеличилось почти в 7 раз и составило 41 535 чел.¹ Такая динамика вполне закономерна: чем успешнее наступала Красная армия, тем внушительнее становилась масса плененных военнопленных противника. Широкий размах это явление приобретает после Сталинградской битвы, в ходе которой было пленено свыше 150 тыс. вражеских солдат и офицеров.² На начало 1946 года, по данным НКВД, в Советском Союзе пребывало более 4 млн. иностранных военнопленных. В 1946 г. своего пика достигла и численность военнопленных, пребывавших на территории Свердловской области. На 1 января 1946 г. в лагерях области содержалось 82 270 военнопленных иностранных армий.³ Двукратное увеличение количества контингента уральских лагерей вытекало из самого факта окончания войны, в последние дни которой попала в плен основная часть военнопленных вражеских армий. Часть из них оказалась впоследствии в лагерях ГУПВИ НКВД-МВД СССР, расположенных на территории Среднего Урала. Из документов ОПВИ МВД по Свердловской области явствует, что за 1945 г. в лагеря области поступило 46 эшелонов с военнопленными и интернированными в количестве 95 525 чел. В итоге в 1946 г. по наличию военнопленных Свердловская область занимала первое место в РСФСР и второе по Союзу ССР, уступая только УССР.⁴

После 1946 г. численность военнопленных в Свердловской области начинает сокращаться. Именно с 1946 г. количество вновь прибывших в течение года военнопленных начинает уступать числу убывших. Такая тенденция прослеживается вплоть до 1950 г. Повлиять на неё не смогло даже то,

¹ Суржикова Н.В. Указ. соч. С. 64.

² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 40.

³ Военнопленные в СССР. С. 653-655.

⁴ Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 6. – С. 115, 124; Военнопленные в СССР. С. 292.

что в 1946 г. на территории области были размещены японские военнопленные, – настолько незначительным было их количество. Из 639 635 японских военнослужащих, захваченных Красной армией в ходе войны с Японией в августе – начале сентября 1945 г., в лагеря и лагерные подразделения на территории СССР было вывезено 546 086 чел. Из них в Свердловской области в составе отдельных рабочих батальонов (далее – ОРБ) находились по данным на 1946 г. – 2 257 чел., а на начало 1947 г. – 1 984 чел. Основная масса японских военнопленных содержалась на территории таких регионов (в порядке уменьшения численности), как Хабаровский и Приморский края, Иркутская область, Казахская ССР, Читинская область, Узбекская ССР, Красноярский край, Бурят-Монгольская АССР, Татарская АССР, Алтайский край.¹

Как правило, сокращение численности военнопленных в период с 1946-го по 1949 г. связывают, прежде всего, с репатриацией. Действительно, начиная с 1945-го по 1949 г. в Свердловской области было сформировано и отправлено более 100 эшелонов с репатрируемыми военнопленными и интернированными в количестве свыше 100 тыс. чел.² Наибольшее количество военнопленных было отправлено на родину в 1945 и 1947 гг., а наименьшее – в 1946 г. Эти же материалы свидетельствуют, что, вопреки распространенному мнению, основным фактором, определявшим динамику численности заключенных в лагерях ОПВИ Свердловской области, являлось движение военнопленных между другими лагерями, спецгоспиталиями и тюрьмами НКВД-МВД СССР. Оно могло быть связано с концентрацией военнопленных по национальному признаку и физическому профилю контингента, сосредоточением больных для этапирования в спецгоспитали и нетрудоспособных для репатриации, а также с «оперативными соображениями», и увидеть в нём какие-либо закономерности трудно. Можно также отметить постепенное сокращение, начиная с 1946 г. числа военнопленных, передаваемых в ведение спецгоспиталей НКВД-МВД. Это является косвенным свидетельством постепенного улучшения физического состояния военнопленных. А, кроме того, с 1947 г. – увеличение количества военнопленных, передаваемых в тюрьмы НКВД-МВД, связанное с активизацией работы оперативных органов по выявлению среди пленных военных преступников. Среди прочих факторов, влиявших на численность военнопленных, нельзя упускать из виду смертность. В Свердловской области только в период с 1945-го по 1949 г. умерли 11 303 военнопленных. Свыше 90% всех имевших место смертей приходится на 1945-1946 гг.³ Поэтому после 1946 г. смертность не оказывала значительного воздействия на динамику численности контингента лагерей ОПВИ УНКВД-УМВД по Свердловской области. Всего же, по имеющимся данным,

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 15а. Д. 341. Л. 30, 31.

² Там же. Л. 15-18.

³ Там же.

через систему созданных на территории Свердловской области лагерей для иностранных военнопленных прошло более 250 тыс. чел.¹

Состав военнопленных, находившихся в лагерях Среднего Урала, был весьма представительным по всем признакам: национальной принадлежности, принадлежности к армиям, родам войск, воинским званиям, а также возрасту. Подавляющее большинство – свыше 80% всех военнопленных, пребывавших на территории Свердловской области в период с 1945-го по 1950 гг., – составляли бывшие военнослужащие германской армии.² Остальные 20% от среднего количества всех военнопленных составляли бывшие солдаты и офицеры венгерской, румынской, итальянской и финской армий. Правда, число военнослужащих двух последних было ничтожно мало, не достигая даже 1% их общей численности на Среднем Урале. Свыше них примерно 30% бывшие военнослужащие румынской армии. В последующие годы их количество начинает сокращаться с 4 612 чел. до 244 чел. В целом же на их долю приходилось 8,4% от числа всех военнопленных, пребывавших в лагерях Свердловской области в 1945-1950 гг. Чуть больше 10% от названной цифры составляли военнослужащие венгерской армии, чьё количество также постепенно снижалось.³

Сведения о национальной принадлежности военнопленных, содержащихся в лагерях Свердловской области на первое января 1946 г., подтверждают, что в основном это были немцы, венгры и румыны, на долю которых приходилось 92,2% общего количества контингента областного ОПВИ, или около 76 тыс. чел. Свыше 4 тыс. чел., или 5%, составляли военнопленные австрийцы. Военнопленные других национальностей, – а таковых насчитывалось почти три десятка, – составляли менее 3%, или 2 303 чел. На долю лиц славянского происхождения при этом приходилось 1,2% всех военнопленных. Бельгийцы, голландцы, датчане, испанцы, люксембуржцы, норвежцы, французы, швейцарцы и турки составляли около 0,7% от общего числа военнопленных, содержащихся в уральских лагерях. Но именно за их счёт национальный состав контингента ОПВИ и был столь представительным.⁴ Систематизация общего количества иностранных военнопленных, пребывавших в 1945-1950 гг. на территории Свердловской области, по армиям, возрасту, воинским званиям, родам войск и национальному признаку позволяет говорить о том, что состав их был самым разнообразным. В какой-то степени – это стало отражением глобальности Второй мировой войны, беспрецедентной по

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 15а. Д. 341. Л. 39.

² Там же.

³ *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.). – Екатеринбург: ГУ, 2006. – С. 69.

⁴ *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 49, 172, 183.

своим масштабам, а значит, и по количеству своих жертв, среди которых – сотни тысяч военнослужащих германской, итальянской, венгерской, румынской, финской и японской армий, оказавшихся пленниками уральских лагерей.

Как представляется, размещение на территории Среднего Урала столь значительного «подневольного интернационала» военнопленных определялось, прежде всего, экономической целесообразностью. Уже к началу войны Урал представлял собой мощный промышленный район с высокоразвитой многоотраслевой структурой, занимая первое место в стране по производству цветных металлов, второе – по выплавке чугуна и стали, третье – по угледобыче и выпуску химической продукции, четвёртое – по мощности машиностроения. В 1941-1942 гг. на Урал эвакуировали оборудование 788 заводов (из них 212 – в Свердловскую область). За годы войны здесь построили свыше 500 новых предприятий, объекты военного и хозяйственного назначения. В результате выпуск промышленной продукции региона в годы войны увеличился в 3,6 раза, а оборонной – в 6 раз.¹ Приобретя важнейшее военно-стратегическое значение, Урал стал опорным краем державы. В условиях военного и послевоенного времени экономика Урала испытывала нехватку рабочих рук. Поэтому при размещении иностранных военнопленных на территории Свердловской области цель их эффективного трудоустройства являлась приоритетной. И по географии мест размещения пленных можно определить самые значимые экономические районы и центры Среднего Урала 1940-х гг. Тем более, что содержать пленных вблизи линии фронта было и опасно, и невыгодно. Ситуация обострилась в конце 1942 г. в связи с массовым пленением военнослужащих противника. Поэтому вражеские военнопленные стали высылаться в тыл и размещаться в специально созданных лагерях, руководство которых отвечало не только за содержание и обеспечение военнопленных, но и за налаживание их как можно более эффективного трудоустройства.

После войны все лагеря для военнопленных по значимости разделили на группы. Это лагеря, отдельные рабочие батальоны и спецгоспитали пограничной зоны; тыловые лагеря для немецких военнопленных с обычным режимом; лагеря для румынских, венгерских и австрийских военнопленных с облегчённым режимом; особорежимные лагеря, где содержался подучётный элемент из числа сотрудников СС, СД, гестапо и т.д. Всего для содержания военнопленных и интернированных в системе НКВД-МВД СССР было создано 267 лагерей с 2 112 лагерными отделениями, 392 рабочих батальона и 178 спецгоспиталей, которые были разбросаны по разным регионам СССР, а в 1944-1953 гг. – и за его пределами.² Одним из таких мест концентрации во-

¹ Дементьев Б.П. Экономика Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – С. 91.

² Военнопленные в СССР. С. 547.

еннопленных стала территория Уральского региона. По имеющимся данным в военные и послевоенные годы здесь было создано 33 лагеря с около 200 лагерными отделениями. Местом наибольшей концентрации лагерей с военнопленными иностранных армий из пяти областей и двух республик Урала стала Свердловская область. Впервые вопрос о размещении на ее территории иностранных военнопленных Второй мировой войны встал в сентябре 1941 г. Речь шла о 10 тыс. чел. для содержания которых НКВД планировал развернуть на Среднем Урале три лагеря емкостью не менее 3 тыс. чел. в каждом.

Руководству УНКВД по Свердловской области представлялось наиболее целесообразным разместить военнопленных в Серовском районе на лесозаготовках и рудниках в 400 километрах от Свердловска на базе бывших исправительно-трудовых колоний (ИТК) и трудпоселений.¹ В Москве эти доводы и предложения оставили без внимания, и военнопленных, первый эшелон с которыми прибыл на Средний Урал в мае 1942 г., разместили там, где и планировалось. В Центре руководствовались, прежде всего, соображениями экономической необходимости. 8 мая 1942 г. появился приказ НКВД СССР № 00928 «Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области», в порядке реализации которого первых пленных иностранцев завезли в три точки: в пос. Басьяновский Верхнесалдинского района (1 000 чел.), Лосиный и Монетный Березовского района (по 1 000 чел. в каждом), где в лагере для советских заключенных были созданы специальные зоны. Чуть позже пленных завезли в Исетско-Аятскую зону, также созданную для нужд торфоразработок. В конце 1942 г. на территории Свердловской области были развернуты Тавдинский и Лобвинский лагеря для Наркомата лесной промышленности, а также Асбестовский лагерь для Наркомата промышленности строительных материалов. В феврале 1943 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 00368 в составе УНКВД по Свердловской области было организовано Управление (Отделение) по руководству лагерями для военнопленных. В его подчинении находились семь вышеназванных лагерных подразделений с расчётной численностью 20 тыс. чел.²

В январе 1945 г. Управление лагерями военнопленных в составе УНКВД по Свердловской области преобразовали в Отдел по делам военнопленных и интернированных. К концу 1945 г. в его подчинении состояло 13 лагерей для бывших вражеских военнослужащих. Это лагерь: Асбестовский № 84, Нижнетагильский № 153, Алапаевский № 200, Артемовский № 523, Верхнепешминский № 531, Дегтярский № 313, Карпинский № 504, Кировградский № 377, Красноуральский № 197, Красноуральский № 376, Нижнеисетский № 314, Новолялинский № 318, Уральский № 245. Самым крупным

¹ Военнопленные в СССР. С. 564.

² Суржикова Н.В. Указ. соч. С. 58.

среди них стал Нижнетагильский лагерь № 153. Выделившийся в самостоятельную единицу 18 декабря 1943 г. из Управления Монетно-Лосиногаля, он мог принять 15 тыс. чел. Шесть из семи его отделений располагались в черте г. Нижний Тагил. Седьмое, оздоровительное, отделение организовали на землях колхоза «Красный партизан» в селе Петрокаменском. Здесь находилось подсобное хозяйство лагеря, которое обслуживали 1 500 военнопленных из состава оздоровительных команд. Вторым по величине и самым первым из созданных на Среднем Урале являлся Асбестовский лагерь № 84 (в ранних документах – Монетно-Лосиновский). Его отделения № 1, 2, 3, 5, 8 и 9 располагались непосредственно в г. Асбесте, остальные три – соответственно № 4, 6 и 7 – в пос. Тёплый Ключ, пос. Изумруд и г. Сухой Лог. Лагерь мог одновременно принять до 9 400 чел.¹

Особо нужно сказать об истории создания Карпинского (в ранних документах – Богословского) лагеря № 504. Первоначально на станции Богословск Свердловской железной дороги в соответствии с приказом НКВД СССР № 0078 от 12 февраля 1945 г. планировалось создать лагерь № 164. Однако ещё до окончания его организации вышел другой приказ НКВД СССР № 00197 от 6 марта 1945 г., согласно которому лагерь № 164 подлежал переформированию в лагерь № 504 НКВД для интернированных в составе двух лагерных отделений. В мае 1945 г. лагерь № 504 превращался в лагерь для военнопленных и интернированных. Одновременно увеличивался штат лагеря, и к двум его отделениям прибавлялось ещё пять. В середине июля создали ещё одно, восьмое, отделение, с организацией которого лимитная численность лагеря превысила 9 тыс. чел. Его управление вместе с отделением № 3 размещалось в г. Карпинск. Остальные отделения лагеря были рассредоточены в непосредственной близости от г. Карпинска: № 1 – в пос. Веселовка, № 2 – в пос. Туринка, № 4 – в пос. Волчанка, № 5, 6, 7 – в г. Краснотурьинск, № 8 – на станции Турьинские рудники.²

В конце июня 1945 г. во исполнение приказа НКВД СССР № 00765 от 29 июня 1945 г. на территории Среднего Урала создали ещё два лагеря для военнопленных. Это – Красноуральский лагерь № 376 и Кировградский лагерь № 377. Они могли принять соответственно 6 500 чел. и 4 500 чел. Отделения первого дислоцировались в г. Красноуральск (№ 1, 2, 4), г. Верхняя Тура (№ 3), г. Нижняя Тура (№ 5) и в пос. Кушва (№ 6). Отделения лагеря № 377 были расположены в пос. Левиха, г. Кировград, г. Невьянск, руднике Середовина Невьянского района и пос. Тепловая. Приказом НКВД СССР № 001411 от 22 ноября 1945 г. утверждалась лимитная численность и дислокация ещё пяти лагерей, развернутых на территории Свердловской области. Самым крупным среди них являлся Дегтярский лагерь № 313. Шесть его от-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15 а. Д. 351. Л. 1-3.

² Там же. Д. 346. Л. 1-39.

делений могли принять свыше 7 500 чел. и дислоцировались в г. Ревда (№ 1), пос. Дегтярка Ревдинского района (№ 2, 6), г. Первоуральск (№ 3, 4) и пос. Северском Полевского района. Ёмкость Верхнепышминского (он же – Каменский) лагеря № 531, также упомянутого в приказе № 001411, составляла 5 300 чел. Три из шести его отделений располагались на территории Верхнепышминского района (№ 1, 2, 5), два – в Березовском районе (№ 4, 6), отделение № 6 – в пос. Экскаваторный Орджоникидзевского района г. Свердловска.¹

Самую сложную структуру из всех лагерей Среднего Урала имел Алапаевский лагерь № 200, в состав которого входило 10 отделений. Помимо двух, расположенных в г. Алапаевск, они находились на станциях Задание, Овражная, Туровская, Шайтан-Болото, Махнево, Куженево, Нижняя Синячиха и в пос. Монастырь-Бобровка. При этом лагерь № 200 являлся далеко не самым крупным: его лимитная численность составляла всего 4 500 чел. Ещё меньшее количество военнопленных – 3 тыс. чел. мог принять Новолялинский (он же – Серовский) лагерь № 318, отделения которого находились в г. Новая Ляля и г. Верхотурье, а также на территории Новолялинского леспромпхоза в кварталах № 54, 72 и 88. С 1944 г. отделения с военнопленными стали также входить в состав ряда лагерей лесной промышленности НКВД СССР. Среди них – Севураллаг с центром в пос. Сосьва, Ивдельлаг с центром в г. Ивдель и Востокураллаг с центром в г. Тавда, созданные соответственно в 1937, 1938 и 1942 гг. для содержания советских заключенных. Государства в государстве, они имели в своем распоряжении гигантские площади леса и полезных ископаемых. В их рамках было создано более 100 лагерных подразделений, узниками которых стали десятки тысяч человек. Организованные же в структуре Ивдельлага, Востокураллага и Севураллага в 1944-1945 г. 9 лагерных отделений для иностранных военнопленных могли принять около 10 тыс. чел.²

Помимо всех перечисленных подразделений, в 1945 г. на территории Свердловской области было организовано 8 отдельных рабочих батальонов (ОРБ) для интернированных (№ 1105, 1801, 1103, 1100, 1099, 1095, 1803, 1802) и в 1946 г. – три отдельных рабочих батальона для японского военнопленного Наркомата обороны СССР (428, 429, 435). В каждом из них насчитывалось от 500 до 1000 чел. Они дислоцировались в населенных пунктах Монетный, Березовский, Изоплит, Косулино, Ис, Буланаш, Камышино и др.³

География всех созданных на территории Свердловской области для содержания военнопленных вражеских армий подразделений была очень широкой. Лагеря, лагерные отделения и ОРБ с военнопленными были рассредоточены по всей её территории от Ивделя на севере до Каменска-Уральского

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15 а. Д. 5. Л. 60-78.

² Там же. Д. 171. Л. 1, 14, 15, 218.

³ Суржикова Н.В. Указ. соч. С. 62.

на юге, от Тавды на востоке до Кушвы на западе – и находились практически во всех более или менее значительных населенных пунктах. Среди них – Арамилы, Берёзовский, Верхотурье, Верхняя Салда, Верхняя Тура, Волчанск, Ирбит, Невьянск, Первоуральск, Полевской, Ревда, Реж, Свердловск, Серов, Среднеуральск, Сухой Лог, Туринск и др. С началом массовой репатриации военнопленных география лагерей постепенно сужается, многие из них постепенно ликвидируются. Уже в июне 1946 г. на основании приказа начальника УМВД по Свердловской области № 911 расформировали лагерь № 197, и три его отделения влились в Управление лагеря № 504. В 1947 г. расформировали лагерь № 200, 245, 318 и 377. При этом все лагерные отделения с находящимся в них контингентом лагеря № 245 передали лагерю № 153, лагеря № 318 – лагерю № 504, лагеря № 377 – лагерю № 531. В 1948 г. ликвидировали ещё четыре лагеря. В состав лагеря № 153 влился лагерь № 376, в лагерь № 531 – лагерь № 523, в состав лагерей № 314 и № 531 – лагеря № 84 и № 313. В 1949 г. ликвидировали все оставшиеся лагеря. Вместе с ликвидацией лагерей шёл процесс расформирования отдельных рабочих батальонов. Так, в 1946 г. ликвидировали ОРБ № 1803, 1095 и 435; в 1948 г. – № 1802, 1105, 1099, 428 и 429; в 1949 г. – № 1801, 1100 и 1103.¹

Таким образом, в создании лагерей и лагерных подразделений для иностранных военнопленных на территории Среднего Урала можно выделить несколько этапов. Это май 1942-1943 гг. – прибытие первых партий пленных и создание первых лагерей; 1944 – и середина 1946 гг. – расширение и окончательное складывание системы лагерей областного ОПВИ; середина 1946-1949 гг. – свёртывание и ликвидация лагерных подразделений для иностранных военнопленных. В период своего «расцвета» сеть лагерей для иностранных военнопленных в Свердловской области входила в пятерку самых разветвлённых и ёмких на территории СССР, наряду с лагерными системами Украинской ССР (25 лагерей на 306 тыс. чел.), Хабаровского края (15 лагерей на 181,5 тыс. чел.), Белорусской ССР (9 лагерей на 104,0 тыс. чел.) и Ленинградской области (9 лагерей на 83,0 тыс. чел.).²

Довольно насыщенной лагерная сеть для содержания иностранных военнопленных была и в других областях Уральского региона. Так, в Молотовской (Пермской) области находились Краснокамский лагерь № 207 (10 лаготделений), Губахский лагерь № 346 (4 лаготделения) и Березниковский лагерь № 366 (4 лаготделения). В Чкаловской (Оренбургской) области были организованы Новотроицкий лагерь № 235 в составе одного лаготделения, Орский лагерь № 260 (2 лаготделения) и Чкаловский лагерь № 369 (5 лаготделений). В Башкирии находился Уфимский лагерь № 319 в составе 5 отделений. В Уд-

¹ Военнопленные в СССР. С. 653-655.

² Мотревич В.П., Еськов В.Н. Военнопленные Второй мировой войны на Урале. – Екатеринбург: АПНБ, 2007. – С. 9.

муртии были размещены Рябовский лагерь № 75 (2 лаготделения) и Ижевский лагерь № 371 (3 лаготделения). В Курганской области размещался лагерь № 514, в Тюменской – № 93 в составе трех отделений.¹

Кроме лагерей, на территории Уральского региона разместили и ряд специальных госпиталей. Для нуждавшихся в длительном лечении военнопленных в пос. Талица г. Первоуральска организовали спецгоспиталь № 1893, который действовал до начала 1956 г. Кроме того, с 1947 по 1950 гг. в г. Нижнем Тагиле работал передислоцированный с Дальнего Востока спецгоспиталь № 2929. В г. Магнитогорске Челябинской области функционировал спецгоспиталь № 5921, в г. Шумихе Курганской области – спецгоспиталь № 3757. Ряд спецгоспиталей располагались в Оренбургской области – спецгоспиталя № 3318 и 3926 в пос. Акбулак Акбулакского района, спецгоспиталя № 1069 и 3315, в г. Бузулуке, спецгоспиталя № 1659 и 1660 в г. Бугуруслане, спецгоспиталь № 5888 и 5889 в пос. Ракитянка г. Медногорска, спецгоспиталь № 3922 в г. Орске. Шесть спецгоспиталей находились в Удмуртской АССР (№ 3779, 3888, 5122, 5879, 5880, 5882) и два в Молотовской (Пермской) области – (№ 3952, 5935).²

Документы свидетельствуют, что советская сторона в основном соблюдала требования международных конвенций об обращении с военнопленными, прежде всего – Женевской конвенции о содержании военнопленных. Уже 23 июня 1941 г. телеграммой Генштаба Красной армии, а затем ориентировкой УПВИ НКВД СССР № 25/6519 от 29.06.1941 г. устанавливались нормы питания на одного военнопленного. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. было утверждено «Положение о военнопленных», в соответствии с которым военнопленные по продовольственному и медико-санитарному обеспечению приравнивались к военнослужащим тыловых частей Красной армии. Кроме того, по повышенным нормам питания обеспечивались добровольно сдавшиеся в плен (получали хлеба на 100 г больше), военнопленные с ослабленным здоровьем (по Приказу НКВД от 18.10.1942 г.), офицерский состав. И, наконец, размеры продовольственного пайка зависели от поведения и труда военнопленного. Содержавшийся на гауптвахте, например, получал 300 г в сутки, выполнявший рабочие задания наполовину – 400 г, на 100% – 500 г, на 150% – 900 г. К этому можно добавить, что конвойные войска НКВД, охранявшие эти лагеря, получали на одного человека в сутки 700-800 г хлеба зимой и 600-700 г летом. Для сравнения, на среднестатистического колхозника в Свердловской области в 1944 г. приходилось в сутки: хлеба – 78 г, мяса – 25 г, сахара – 8 г. Львиную же долю потребляемых ими продуктов составлял картофель – 992 г.³

¹ Мотревич В.П., Еськов В.Н. Военнопленные Второй мировой войны на Урале. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Мотревич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Вечерний Первоуральск. –

Согласно приказу НКВД СССР от 5 июня 1942 г. пленным определялось и дневное содержание на время нахождения в лагерях-распределителях. При нахождении в основном лагере военнопленные обязывались зарабатывать для себя сами. Поначалу в лагерях отсутствовали необходимые условия, они представляли собой обнесённую колючей проволокой территорию, на которой стояли сторожевые вышки и палатки. Только к концу 1946 г. повсеместно построили бараки, где на двухъярусных койках ночевали пленные. В среднем на человека здесь приходилось по 2 кв. метра площади. Обеспечение военнопленных вещевым имуществом производилось за счёт бывшего в употреблении красноармейского или трофейного обмундирования в соответствии с установленными НКВД-МВД СССР нормами вещевого довольствия. Летом каждый военнопленный получал шинель или телогрейку, хлопчатобумажные или суконные брюки, мундир или гимнастерку, ботинки или сапоги, две пары нательного белья, две пары портянок, полотенце, пилотку или фуражку. Зимой – полушубок ватный или меховой жилет, телогрейку, ватные брюки, валенки, теплые портянки, шапку-ушанку, две пары нательного белья, полотенце, меховые рукавицы, мундир или гимнастерку.¹

Вплоть до 1948 г. лагерь военнопленных испытывали нехватку вещевого имущества. Особенно плохо дело обстояло с зимним обмундированием и обувью, нательным бельём и постельными принадлежностями. В условиях суровой уральской зимы – с её сильными морозами и большим снежным покровом невозможно было выводить военнопленных на рабочие объекты на открытом воздухе, не обеспечив их доброкачественным вещимуществом. Помимо невывода рабочего контингента на работы, отсутствие качественного обмундирования влекло за собой ухудшение физического состояния военнопленных, рост заболеваемости и смертности. Факты обморожений и замерзаний военнопленных, связанные с недостаточным обеспечением контингента вещевым имуществом, были зарегистрированы в лагерях № 84, 523 и 531. В дальнейшем в Свердловской области возникла ситуация, когда наличное обмундирование в количественном отношении обеспечивало нужды лагерей, но требовало ремонта или реставрации ввиду ветхости. Поэтому фактическая обеспеченность военнопленных вещимуществом продолжала оставаться недостаточной и составляла в среднем 60%. Положение усугубилось с началом массовой репатриации, так как весь отправляемый на родину контингент надлежало обеспечить новым обмундированием и обувью. Согласно архивным данным, особо серьёзные трудности при этом испытывали лагерь № 313, 314, 376 и 531. В этих условиях практически при каждом лагерьном отделе-

1992. – 7, 9 июля.

¹ *Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области // Урал в стратегии Второй мировой войны: материалы всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2000. – С. 123.

нии были открыты мастерские по ремонту, реставрации и пошиву одежды и обуви за счёт списанного имущества.

Характерно, что военнопленные сами допускали промоты обмундирования. Так, по лагерю № 504 за 1946-1947 гг. сумма промотов составила 9326 руб. Аппарат снабжения лагерей, пользуясь служебным положением, также нередко присваивал вещи, принадлежащие военнопленным. В том же лагере в 1946 г. личным составом было похищено вещимущества на сумму 3850 руб., в 1947 г. – на сумму 6330 руб., из которых имущество на сумму 5342 руб. было найдено при обыске у заведующего базой лагеря Иванова. Иванова осудили на 10 лет лишения свободы, ряд других работников получили дисциплинарные и административные взыскания.¹ С 1948 г. лагеря области были полностью обеспечены доброкачественным вещевым имуществом. Это было связано с сокращением в десятки раз численности военнопленных ввиду репатриации большинства из них. После расформирования лагерей военнопленных и создания лагеря № 476 для военных преступников из числа бывших военнопленных и интернированных, излишнее вещевое имущество передали в лагеря системы ГУЛАГа. Таким образом, очевидно, что обеспечение военнопленных вещевым довольствием далеко не всегда являлось качественным и соответствовало установленным нормам. Не следует, однако, забывать, что работа обозно-вещевой службы при лагерях военнопленных проходила в условиях военного и послевоенного времени. В значительной степени именно это обусловило перебои в снабжении лагерей военнопленных, как вещевым довольствием, так и другими предметами первой необходимости.

Содержащихся в Союзе ССР военнопленных интенсивно использовали как дополнительный источник дешевой рабочей силы. Созданный с целью укрепления «диктатуры пролетариата» для изоляции классово чуждых и социально опасных элементов ГУЛАГ очень быстро превратился в фактически самостоятельную отрасль экономики. В.Н. Земсков подчёркивает, что без указанной отрасли решение многих задач индустриализации было бы невозможным.² Более того, как справедливо отмечал А.В. Бакунин, прослеживается своего рода закономерность – «чем сложнее ставились задачи строительства социализма, тем сложнее становилась система ГУЛАГа. С помощью ГУЛАГа была создана вторая угольно-металлургическая база на Востоке страны (Урало-Кузбасс), освоены далекие восточные земли (Колыма, Магадан, Сахалин), северные районы (Воркута, Салехард, Тюмень), сибирский

¹ *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 21.

² *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. II: Апогей. – Екатеринбург: БКИ, 1997. – С. 197.

край (Гомск, Алтай), казахстанские степи и др.». ¹ Многими своими достижениями советская экономика обязана не только заключённым лагерей и тюрем ГУЛАГа, но и другим «спецконтингентам» – спецпереселенцам, трудармейцам, депортированным народам и т.д. Постоянно пополняя трудовые ресурсы страны лицами, подлежащими принудительному использованию, сталинское руководство добивалось предельного удешевления рабочей силы, ведь для этой системы – системы «подневольного социализма», или «государственного рабства» – жизнь «единицы контингента» никогда не представляла самостоятельной ценности. По мнению Н.П. Палецких, все виды государственного рабства имели функциональное единство, являясь в то же время мерой социального наказания. К числу «государственных рабов» исследователь отнесла и военнопленных. ² Это в полной мере относится к иностранным военнопленным Второй мировой войны, поскольку организации их трудового использования также уделялось колоссальное внимание. Более того, в этом заключалась одна из главных задач УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР.

Привлечение военнопленных к труду не противоречило нормам международного права. Статьи 27-32 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. разрешали воюющим сторонам использовать военнопленных в соответствии с их положением и профессией (за исключением офицеров и генералов). Продолжительность рабочего дня военнопленных должна была соответствовать нормам, установленным для работы гражданских лиц того же района с предоставлением одного 24-часового выходного в неделю. Запрещалось использовать военнопленных на работах, к которым они физически непригодны, а также на вредных и военных производствах. ³ Практически все эти нормы были продублированы в «Положении о военнопленных» от 1 июля 1941 г. (ст. 20-25). В соответствии с ним привлекаться к труду в обязательном порядке могли только рядовые и унтер-офицеры, офицеры и приравненные к ним лица – только на добровольной основе. Льгота не касалась осужденных офицеров, которые привлекались к труду наравне со всеми остальными, вероятно, потому, что советское руководство не считало их военнопленными, как и осужденных рядового и унтер-офицерского состава. С февраля 1946 г. она перестала распространяться и на офицеров бывшей германской армии до капитана включительно. «Положением...» также воспрещалось использовать труд военнопленных в зоне боевых действий, для обслуживания личных нужд лагерной администрации, учреждений и других военнопленных. На работающих военнопленных распространялось

¹ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. – С. 23, 27.

² Суржикова Н.В. Указ. соч. С. 229.

³ Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР. С. 52.

постановление об охране труда и рабочем времени, применяющееся в данной местности к гражданам СССР. При этом работающие военнопленные снимались со всех видов государственного довольствия и обеспечивались жильем и коммунальными услугами за счёт предприятий и организаций – работодателей, именуемых в документах хозорганами. На возмещение этих расходов производилось удержание из заработной платы военнопленного.¹

В последующие годы в СССР была издана целая серия нормативных актов разного уровня, которые регламентировали организацию привлечения пленных солдат к труду. Это – приказ НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942 г. «О размещении и трудовом использовании военнопленных», приказ НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г., постановление ГКО № 6725 от 14 октября 1944 г. «Об упорядочении трудового использования и повышении производительности труда военнопленных», постановление ГКО № 8921 от 4 июня 1945 г. «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей военнопленных», директива НКВД СССР № 147 от 28 августа 1945 г. «О максимальном привлечении военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, к трудовому использованию», директива НКВД СССР № 115 от 13 сентября 1945 г. «О максимальном привлечении к трудоиспользованию военнопленных», положение НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных» от 29 сентября 1945 г., директива № 227 от 27 ноября 1945 г. «О мероприятиях по улучшению использования труда военнопленных и сохранению их физического состояния в зимних условиях на стройках, предприятиях и в лагерях НКВД», директива НКВД СССР № 66 от 18 марта 1946 г. «Об усилении агентурно-оперативной и следственной работы в лагерях НКВД среди военнопленных и интернированных по предупреждению вредительства и саботажа на производстве», директива МВД СССР № 115 от 6 мая 1946 г. «О неудовлетворительном состоянии техники безопасности в лагерях МВД для военнопленных», приказ МВД СССР № 00247 от 4 марта 1947 г. «Об усилении борьбы с производственным травматизмом среди работающих военнопленных», директива МВД СССР № 172 от 18 сентября 1947 г. «Об устранении недочетов в трудовом использовании военнопленных», распоряжение МВД СССР № 233 от 21 апреля 1948 г. «О денежном вознаграждении военнопленных за выполнение и перевыполнение государственных норм выработки», распоряжение МВД СССР № 180 от 19 февраля 1951 г. «О запрещении совместной работы осужденных военных преступников с другой рабочей силой» и многие другие.²

Среди всех этих документов обращает на себя особое внимание ди-

¹ Кузьмин С.И. К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена. Ч. 2. С. 192.

² Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939-1956 гг. С. 107.

ректива УПВИ НКВД СССР № 28/7309 от 17 июля 1942 г. «О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния». Она предусматривала разделение контингента лагерей УПВИ НКВД на 4 группы трудоспособности. Военнопленные четвёртой группы – дистрофики либо вообще не привлекались к труду, либо использовались на специальных видах работ, организованных для инвалидов. Третьей группе, к которой относились военнопленные, находящиеся на грани «доходяг», рекомендовались лёгкие физические работы общей продолжительностью от 4 до 6 часов в день. Зимой разрешалось вообще не привлекать их к работе. Ко второй группе причислялись ослабленные пленные. Их рабочий день длился 8 часов, но нормы выработки, как и для третьей группы, были снижены на 30-50%. Здоровые военнопленные, пригодные к труду без ограничений, составляли первую группу и использовались на тяжёлых работах. Для них также устанавливался 8-часовой рабочий день. В соответствии с названным документом, военнопленные первой, второй и третьей категорий физического состояния составляли трудовой фонд лагерей. 6 апреля 1943 г. появилась директива НКВД СССР «О порядке трудового использования военнопленных». Она предусматривала предоставление работающим военнопленным не менее трёх выходных в месяц. Пешее хождение на объекты работы не должно было превышать расстояние в 5 км. Пленные должны были быть одеты по сезону и снабжаться горячей пищей в обеденный перерыв. Запрещалась их работа на вредных производствах. За правильностью организации труда и соблюдением трудового законодательства следили инженеры и инспекторы по труду. Медицинский контроль за трудоиспользованием военнопленных осуществляла медицинская служба при УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР.

Пик нормотворчества по вопросу использования рабочей силы военнослужащих иностранных армий приходится на 1945 г. 4 июня 1945 г. ГКО принял постановление № 8921 «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». Суть его сводилась к тому, чтобы произвести рациональное распределение уже имевшейся и продолжавшей поступать из фронтowych лагерей рабочей силы в лице военнопленных по различным отраслям хозяйства СССР. Постановлением устанавливался порядок поощрения военнопленных за выполняемую работу. Выполнявшие и перевыполнявшие норму выработки получали от 100 до 200 руб., а высококвалифицированные специалисты, бригадиры, десятники, командиры взводов и рот – от 125 до 500 руб., в зависимости от выполнения, установленного планового задания их подчиненными. Для хорошо работающих лиц создавались улучшенные условия содержания. Не выполняющих установленную норму выработки рекомендовалось оставлять на рабочем месте сверхурочно на срок до двух часов. Те из военнопленных, кто злостно уклонялся от работы или своими действиями способствовал дезорганизации производства, отдавались под суд военного

трибунала. 29 сентября 1945 г. НКВД СССР ввёл в действие «Положение о трудовом использовании военнопленных», которое должно было стать руководством к действию для производственно-плановых отделов лагерей. В документе подчеркивалось, что вовлечение пленных в трудовые процессы должно быть максимально продуктивным, покрывающим все расходы государства на содержание лагерей.¹

Очевидно, что решение о широком использовании труда военнопленных на стройках и предприятиях народного хозяйства было вызвано, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, содержание нескольких миллионов военнопленных для разоренной войной страны становилось тяжёлым бременем. По данным И.В. Безбородовой, в 1939 г. на содержание лагерей для военнопленных союзный бюджет выделили 20 млн. рублей в 1943 г., а в связи с массовым пленением вражеских солдат и офицеров под Сталинградом, эта цифра достигла 214 млн. 563 тыс. руб.² Вероятно, в последующие годы тенденция к её возрастанию сохранилась. Во-вторых, и это главная причина, – необходимо было восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство страны, остро нуждавшееся в рабочих руках. Истощение трудовых ресурсов со всей очевидностью проявилось уже во второй год войны. В уральской деревне в 1941 г. доля мужчин среди трудоспособного населения составляла 46,2%, женщин – 53,8%; к концу 1942 г. эти цифры составили соответственно 18,8% и 81,2% при сокращении общей численности трудоспособного населения на 702 тыс. чел. (29%).³

Большинство историков склонно полагать, что вплоть до окончания войны труд военнопленных за пределами лагерей использовался редко, и вся их трудовая деятельность сводилась к внутрилагерным работам по самообслуживанию: обустройству территории, ремонту и постройке жилых и подсобных помещений, работе в прачечных, столовых, медпунктах, складах и т.д. В возникших на территории лагерей столярных, сапожных, часовых и других мастерских был налажен выпуск предметов широкого потребления, производство которых включалось в список обязательных лагерных работ. Широкое использование труда узников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД на стройках и предприятиях страны началось с 1946 г., когда в важнейшие отрасли народного хозяйства СССР направили свыше 1 800 тыс. военнопленных. Из них в строительство – 645 532 чел., в топливно-энергетическую промышленность – 410 793 чел., в оборонную промышленность и для Министерства Во-

¹ *Безбородова И.В.* Организация трудового использования военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена. Ч. 2. С. 51-52.

² *Денисевич М.Н.* Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 90.

³ *Суржикова Н.В.* Указ. соч. С. 234.

оруженных сил СССР – 319 098 чел. и т.д.¹

Труд военнопленных в народном хозяйстве Среднего Урала широко применялся на контрагентских началах, то есть путём предоставления рабочей силы подопечных ОПВИ НКВД предприятиям других наркоматов. Это происходило, начиная уже с 1942 г., т.е. с момента прибытия в Свердловскую область первых партий военнопленных. Источники свидетельствуют, что лагеря военнопленных на Среднем Урале изначально создавались как производственные. Так, во исполнение постановления ГКО № 1709 от 6 мая 1942 г. «Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области» на территории края в кратчайшие сроки создали Монетно-Лосиновское (2000 чел.) и Басьяновское (1000 чел.) батальонные отделения с военнопленными, которые работали на предприятиях «Свердлторфтреста». Приказом НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942 г. «О размещении и трудоустройстве военнопленных» для использования пленных на предприятиях и лесоразработках Наркомата лесной промышленности СССР организовали Тавдинский (3000 чел.) и Лобвинский лагеря. Одновременно для работы пленных на предприятиях Наркомата промышленности строительных материалов специально был развернут лагерь в Асбесте. С 1943 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00689 от 9/11 апреля 1943 г. «О расширении существующей сети и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента», лагеря Свердловской области стали предоставлять пленных предприятиям Наркомата цветной металлургии. В целях обеспечения рабочей силой строительства Богословского алюминиевого завода в июле 1944 г. на территории Урала специально создали лагерь на 5 тыс. военнопленных под номером 197. Всего в 1945 г. на предприятиях различных наркоматов в Свердловской области работало около 45 тыс. бывших военнослужащих иностранных армий.²

Таким образом, очевидно, что подавляющее большинство пленных вражеских армий трудилось не в экономике НКВД-МВД, а предоставлялось в качестве рабочей силы другим наркоматам (министерствам). В этом одно из главных отличий трудового использования иностранных военнопленных и заключенных ГУЛАГа. По замечанию В.Н. Земскова, к концу войны и непосредственно после неё количество советских заключенных, занятых на контрагентских работах, увеличивается. Однако ситуации в целом это не изменило. По имеющимся сведениям, из 2 258 957 чел., содержащихся на 1 сентября 1948 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа, на предприятиях и стройках других ведомств работало 499 994 чел., или 22% заключенных, остальные использовались на объектах, подведомственных МВД СССР.³

¹ Военнопленные в СССР. С. 111, 112, 547, 583, 584, 604-609.

² Земсков В.Н. Указ. соч. С. 7.

³ Мотревич В., Капустин А. Они «дошли» до Урала // Урал. рабочий. – 1991. – 31 мая.

Усилиями военнопленных на Среднем Урале были построены многие крупные объекты. Это ТЭЦ, механический, железнодорожный, купоросный цеха Новотрубного завода в Нижнем Тагиле; завод ЖБИ, обогатительная фабрика, кирпичный завод, горный техникум и электродоугольный завод ферросплавов в Дзуреченске; ТЭЦ, обогатительная фабрика, маргеновский и механический цеха 25-го завода в Первоуральске; угольная база и новые цеха Метизного завода в Ревде; бетонозавод и завод резинотехнических изделий в Свердловске. Кроме того, в областном центре военнопленные построили Центральный стадион, здание пожарно-технического училища по ул. Первомайской, мост по ул. Белинского, Истокскую дачу горисполкома, облицовали здание горсовета, капитально отремонтирован стадион «Динамо». Их трудом возведены десятки школ, детских садов, поликлиник, магазинов, домов и дворцов культуры, дорог, не говоря уже о жилых домах и целых жилых кварталах: в Первоуральске военнопленные построили дома по ул. Ватутина, в Нижнем Тагиле – жилье для заводов Наркомчермета, в Асбесте – так называемый Новоокуневский поселок, в Свердловске – посёлок Химмаш и более 150 тыс. кв. метров жилья в Чкаловском районе. Военнопленные работали на Уралмаше, Уралвагонзаводе, шахтах «Капитальная» и «Магнетитовая», руднике им. Третьего Интернационала и т.д. Особенно заметен вклад военнопленных в строительство Богословского алюминиевого завода и Новотагильского металлургического завода.¹

Вывод военнопленных на производство напрямую зависел от их физического состояния, которое определяло количество трудовых ресурсов в лагерях ОПВИ НКВД-МВД по Свердловской области, подлежавших использованию на стройках и предприятиях региона. Источники свидетельствуют, что год от года количество это увеличивалось – с 70,5% общего числа военнопленных в 1945 г. до 93,5% в 1949 г. Исключение составляет только 1947 г., когда с ухудшением физического состояния военнопленных основной задачей лагерей стало «сохранение и восстановление трудового фонда», а сами лагеря были объявлены на чрезвычайном положении. Вместе с ростом трудового фонда в лагерях областного ОПВИ постепенно увеличивался процент выводимых на работы хозорганов военнопленных – с 57% в 1945 г. до 83,5% в 1949-м.

Снижение этого показателя в первом квартале 1946 г. объясняется двумя причинами. Во-первых, для большинства военнопленных зима 1945/46 г. стала первой зимой на Урале, и многие из них к новым климатическим условиям ещё не адаптировались и постоянно болели. Во-вторых, ещё в четвертом квартале 1945 г. в лагеря Свердловской области поступила партия воен-

¹ *Мотревич В.П.* Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. – С. 120-121; *Мотревич В.П.* Военные преступники // Там же. – С. 122.

нопленных в количестве 14 419 чел., в большинстве своём ослабленных и нетрудоспособных, пополнивших ряды оздоровительных команд. Кроме того, в осенне-зимний период некоторые виды работ, в особенности строительных, сворачивались. И часть военнопленных оседала в лагерях и лагерных отделениях. В 1945 г. удельный вес военнопленных среди занятых на государственных предприятиях и в учреждениях жителей Свердловской области не превышал 4,5%, 1946 г. – 6,3%, 1947 г. – 3,4%, 1948 г. – 2,6%, в среднем за эти годы – 4,2%.¹ Для сравнения обратимся к цифрам, опубликованным исследователем С.Г. Сидоровым. Им подсчитано, что в 1946 г. доля иностранных военнопленных в числе рабочих и служащих, наиболее пострадавших от войны регионов СССР была весьма значительна. В Эстонской ССР пленные составляли 24,6% экономически активного населения республики, в Латвийской ССР – 23,5%, в Литовской ССР – 17,8%, в Карело-Финской ССР – 15,4%, в Белорусской ССР – 12,7%. В то же время по РСФСР и в целом по СССР этот показатель колебался в пределах 6,2-6,3%. В 1947 г. удельный вес пленных в числе рабочих и служащих страны составил 4,7%, в 1948-м – 2,5%, в 1949-м – 1%, в 1950-м – 0,1%.² Очевидно, таким образом, что пленные иностранные военнослужащие в первые послевоенные годы вряд ли играли роль основного трудового ресурса советской экономики.

Следует отметить, что руководители предприятий и строек, где трудились бывшие иностранные военнослужащие, старались выжать из военнопленных максимум, затратив минимум средств и усилий, со своей стороны. Лагерная администрация зачастую закрывала на это глаза, а в ряде случаев – также игнорировала требования к трудовому использованию своих подопечных. Допускалось использование военнопленных на вредных производствах, работа на 30-градусном морозе, нарушения техники безопасности, рабочий день растягивался на 10-12 часов, не учитывалось физическое состояние пленных и т.д. Отсутствие надлежащих условий труда и нарушение правил трудоустройства приводили к производственным травмам военнопленных. Нередко, будучи совершенно незнакомыми с методикой и организацией того или иного рабочего процесса, военнопленные допускались к работам без производственного инструктажа. Причиной высокого производственного травматизма было не только игнорирование правил техники безопасности технадзорами хозорганов, но и не обеспечение военнопленных необходимым инвентарем, средствами защиты и спецодеждой. Однако в таком положении в военные и послевоенные годы оказалось и большинство работающих советских граждан. Производственный травматизм был особенно высоким на горнорудных предприятиях области по добыче асбеста, железной и медной руды. Связано это было не только с отсутствием надлежащего контроля за

¹ Суржикова Н.В. Указ. соч. С.252.

² Сидоров С.Г. Указ. соч. С. 206, 403.

безопасностью труда, но и с тем, что в большинстве своем военнопленные являлись новичками в горном деле, совершенно неизвестными с горными и шахтными разработками. В 1948 г. перед лагерями области поставили задачу улучшить условия содержания пленных. Между тем с повестки дня не снимался вопрос о максимальном трудоустройстве военнопленных и обеспечении безусловной рентабельности всех подразделений.

В июле 1945 г. НКВД СССР запретил всякое бесплатное использование пленных в производственных процессах. Пленным стало начисляться так называемое премиальное вознаграждение. Но начислялось оно только при условии выполнения и перевыполнения нормы выработки тем пленным, чей заработок превышал затраты на их содержание. Оставшиеся от заработной платы деньги, если таковые были, шли на лицевой счёт военнопленного. Некоторым военнопленным за период пребывания в лагерях Свердловской области удалось скопить небольшие суммы денег.

Таким образом, вопреки традиционному представлению об ограниченности использования труда военнопленных за пределами лагерей вплоть до 1945 г., вывод бывших солдат и офицеров вражеских армий на стройки и предприятия Свердловской области получил широкое распространение уже с 1942 г. Максимальное привлечение вражеских военнослужащих к труду, вероятно, было обусловлено еще и тем, что во время войны Средний Урал не только приобрел все характерные черты регионального военно-промышленного комплекса, но и стал опорным краем державы, и его экономика постоянно требовала пополнения трудовых ресурсов, истощенных войной. Приводимые материалы свидетельствуют о том, что в отношении трудоустройства, продовольственного и вещевого обеспечения в Союзе ССР придерживались содержания Гаагской и Женевской конвенций о военнопленных. На это были направлены как национальные нормативно-правовые акты, так и практическая деятельность ГУПВИ НКВД СССР. Однако при этом в Союзе ССР преследовались вовсе не цели международного гуманитарного права, а делалась попытка доказать всему миру преимущества социалистического строя. Поэтому Советский Союз и сделал многое для сохранения жизни и создания благоприятных условий существования иностранным военнопленным. Другое дело, что общее состояние советской экономики и существовавший в СССР тоталитарный режим не позволяли в полной мере выполнять положения международного гуманитарного права в области соблюдения прав военнопленных.

Глава III. ОСУЖДЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ

С 1946-го по 1950 г., во исполнение международных договоренностей, основную часть военнопленных, находившихся в СССР, освободили и отправили на родину. Согласно итоговому докладу МВД СССР, подготовленному по случаю завершения репатриации, в этот период СССР покинуло 3 344 696 военнопленных бывших вражеских армий. В Советском Союзе остались лишь те из них, кто отбывал наказание за воинские преступления или был осужден за преступления, совершенные за время нахождения в плену, т.е. военные преступники. Военные преступники – это организаторы, подстрекатели, руководители, исполнители и соучастники военных преступлений, преступлений против мира и человечности. Виды и состав этих преступлений определены в уставах международных военных трибуналов. Индивидуальная уголовная ответственность военных преступников устанавливается рядом международных договоров и соглашений, а за некоторые виды военных преступлений – национальным уголовным законодательством. К военным преступникам не применяются сроки давности, им не предоставляется право убежища, и они подлежат выдаче. В октябре 1950 г. в составе Управления создаются девять специальных лагерей МВД для осужденных военнопленных и интернированных. В апреле 1953 г. в связи с завершением репатриации военнопленных и гражданских лиц Управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР ликвидировали, а его функции передали Тюремному управлению МВД СССР.

Проблема осуждения военнопленных за воинские преступления в период Второй мировой войны стала объектом исследования отечественных историков только в начале 1990-х гг., что было вызвано как недоступностью соответствующих документов, так и спецификой самой проблематики. В публикациях В.П. Галицкого, А.Е. Епифанова, В.Б. Конасова, А.А. Крупеникова, Н.В. Петрова были рассмотрены отдельные аспекты проблемы осужденных военнопленных в СССР.¹ Одновременно проблема нахождения осу-

¹ *Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939-1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. – Вологда: Русь, 1995. – С. 3-13; *Епифанов А.Е.* Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военнопленных вермахта на родину (1948-1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, 23-25 октября 1997 г. Ч. 2. – Вологда, 1997. – С. 107-112; *Мотревич В.П.* Воен-

жденных военнопленных и гражданских лиц на Среднем Урале стала объектом исследования и уральских ученых. В работах В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой рассматривались вопросы численности, состава, трудоустройства, материально-бытового положения размещенных на территории Свердловской области осужденных военнопленных.¹ Весьма интересные сведения содержатся и в монографии профессора Института им. Людвига Больцмана по изучению войн (Австрийская Республика) С. Карнера.²

Нельзя не отметить, что дискуссия вокруг проблемы уголовного преследования иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР имеет очень давнюю историю, но именно сегодня она приобрела столь оживлённый характер. Большинство зарубежных и отечественных исследователей склонны полагать, что часть бывших военнослужащих германской, венгерской, румынской и японской армий была осуждена незаконно. И они, тем самым,полнили длинный список жертв советского правосудия образца сталинской эпохи. Особенно сомнительными им представляются основания привлечения бывших вражеских военнопленных к уголовной ответственности и собственно процедура осуждения. В этой связи следует отметить, что ни в международном, ни в советском праве препятствий для привлечения иностранных военнопленных к судебной ответственности не существовало. Более того, в международном праве было чётко оговорено, что военнопленный мог привлекаться к уголовной ответственности только там и по тем нормам права, которые действовали на месте совершения преступления. Привязка уголовной ответственности военнопленных к определённым, вполне конкретным географическим рамкам проистекала, помимо простой логики, и из того, что, будучи физическими лицами, они не могли выступать субъектами международного публичного права. Таким образом, иностранные военнопленные, совершившие бытовые, государственные или военные преступления на территории СССР, несли за них ответственность в соответствии с внутренним уголовным законодательством, когда субъектом преступления выступал отдельное лицо.

В официальных документах НКВД-МВД СССР осужденные военнопленные, оставшиеся в Советском Союзе после 1949 г., фигурируют либо как

ные преступники // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. – С. 122; и др.

¹ Мотревич В.П. Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий. – 1991. – 31 мая; Он же. Где сидел адъютант Гитлера? // Уральский рабочий. – 1992. – 2 февр.; Он же. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. – 1996. – № 2 (4); Он же. Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Первые уральские военно-исторические чтения. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1998; Смыкалин А.С. «Строители» из дивизии СС // Уральский рабочий. – 1995. – 17 янв.; Он же. Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург: УрГЮА, 1997; и др.

² Karner S. Im Archipel GUPYI. – Wien; Munchen, 1995. – 269 p.

«осужденные военнопленные», либо как «военные преступники». 8 августа 1945 г. в Лондоне было подписано «Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников», в соответствии с которым учреждался Международный военный трибунал (МВТ).¹ По уставу МВТ военными преступлениями считались: 1) преступления против мира, как-то: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны в нарушение международных договоров; 2) военные преступления, как-то: нарушение законов и обычаев войны: убийства, истязания, увод в рабство мирного населения, убийства и истязания военнопленных, заложников и т.д., грабежи и бессмысленные разрушения; 3) преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылка и др. жестокости в отношении гражданских лиц, преследования по политическим, религиозным, расовым мотивам. Документом также закреплялся принцип индивидуальной ответственности за военные преступления.²

Как известно, после окончания Второй мировой войны в г. Нюрнберге состоялся судебный процесс над группой главных военных преступников. После этого привлекать к ответственности за военные преступления стали и в других странах, в том числе и в Советском Союзе. В январе 1948 г. в Москве состоялось всесоюзное совещание руководящих работников министерств и управлений органов внутренних дел, а также руководства лагерей для военнопленных. Выступивший на этом совещании министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов в ряду важнейших задач своего ведомства поставил выявление нацистских преступников в лагерях МВД для военнопленных, с тем, чтобы они не ускользнули от органов МВД во время репатриации. По мере проведения этой операции военных преступников предписывалось задерживать, не выпуская за пределы Советского Союза, и судить. В результате в 1948-1949 гг. по всей стране в лагерях развернули следственную работу по выявлению лиц, совершивших преступления на территории СССР и стран Восточной Европы. Выявленных лиц на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов и изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» судил военный трибунал войск МВД. И осуждал, как правило, на 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

В условиях «холодной войны» самым простым и удобным основанием для задержания иностранных военнопленных в Союзе ССР являлся перевод «подучётного элемента» из их числа в категорию военных преступников. И в 1947 г. работа в данном направлении заметно активизируется. В июне 1947 г.

¹ Етифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников. С. 118.

² Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. – М.: Госюриздат, 1952. – Т. 1. – С. 5-9.

МВД СССР издаёт приказ № 00576 «Об усилении агентурно-следственной работы по выявлению и разоблачению военнопленных и интернированных – сотрудников разведывательных органов противника и их агентуры». 30 июня 1947 г. министр внутренних дел СССР издает распоряжение за № 411 «Об усилении проверки оперсоставом лагерей МВД для военнопленных отправляемого контингента из лагерей на родину». В нём министр предупреждал, что в случае пропуска военных преступников МВД будет привлекать виновных к строгой ответственности.¹ 20 апреля 1948 г., МВД, МГБ и Генпрокуратура СССР издали совместную директиву № 53/95/18-сс, в соответствии с которой местные органы внутренних дел получили право передавать следственные дела по военным преступникам сразу в военные трибуналы – без предварительной экспертизы в Москве, как это было раньше. Тем самым процедура привлечения к ответственности, а вместе с ней и осуждения военнопленных и интернированных значительно упрощалась и ускорялась. Становится характерной и к концу 1940-х гг. прочно входит в практику привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности такие особенности судопроизводства, как ускоренное ведение следствия, подготовка обвинения и рассмотрение дел в суде. Кроме того, на смену открытым показательным судебным процессам – последние состоялись в Сталино, Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле в конце 1947 г. приходят закрытые судебные заседания. Они проходили по «упрощенной процедуре» – в присутствии обвиняемого, но без участия обвинения, защиты и вызова свидетелей.

Одним из последствий начавшейся «холодной войны» стала активизация работы по привлечению к суду иностранных военнопленных. В январе 1949 г. МВД СССР издало распоряжение № 31 «Об усилении следственной работы по разоблачению и преданию суду участников зверств и злодеяний из числа военнопленных генералов, содержащихся в лагере № 48». 16 июня 1949 г. заместитель министра внутренних дел СССР И.А. Серов утвердил «Инструкцию по фильтрации военнопленных, числящихся на оперативном учете». В обязанность «компетентным органам» на местах вменялось «уделить первостепенное внимание контингенту, взятому на учёт по так называемым формальным признакам».² Это означало, что военнопленные, служившие в карательных и охранных органах противника, а также разведке и контрразведке отстранялись от репатриации и привлекались к ответственности только за сам факт «соучастия в преступной организации» с дальнейшим препровождением в лагерь № 476 и ему подобные.

23 июня 1949 г. вышло распоряжение МВД СССР № 413 «О выявлении среди военнопленных офицеров лиц, причастных к зверствам и злодея-

¹ РГВА. Ф. 1 и/т. Оп. 19. Д. 4. Л. 4.

² *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. С. 157.

ниям на временно оккупированной территории СССР». В нём указывалось: «...при расследовании дел о зверствах и злодеяниях и агентурно-разведывательной деятельности военнопленных настойчиво добиваться получения материалов, изобличающих старших офицеров, которые, как правило, в качестве командиров войсковых, полицейских, жандармских, охранных и иных формирований играли руководящую роль в этих преступлениях». ¹ 28 ноября 1949 г. было принято решение о прекращении репатриации офицеров, служивших в СС, СД, гестапо, полиции, карательных частях и органах. ² 12 ноября 1949 г. совместным распоряжением МВД, МГБ и Генпрокуратуры СССР № 746/364/213 сс, в котором указывалось: 1) В тех случаях, когда достаточных следственных материалов о конкретной преступной деятельности не имеется, военнопленных офицеров, служивших на командных оперативных должностях в органах и войсках СС, предавать суду по ст. 17 УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 г. за самый факт принадлежности к СС как военных преступников. Во всех случаях, когда это возможно, указывать на акты Чрезвычайной государственной комиссии, устанавливающие преступления воинской части, в которой состоял обвиняемый; 2) Командный и рядовой состав, служивший в концентрационных лагерях, лагерях для советских военнопленных и мирных граждан, а также работников карательных органов: суда, прокуратуры, полиции и следственных органов, также судить по ст. 17 УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 г.; 3) Сотрудников немецких разведывательных и контрразведывательных органов предать суду по ст. 17 и ст. 58-6 УК РСФСР. ³

Требуется пояснить, что ст. 17 УК РСФСР утверждала принцип коллективной ответственности за совершенное преступление. Поэтому названное распоряжение без труда позволяло осудить почти каждого военнопленного. Из приговора от 22 декабря 1949 г. по делу немецкого военнопленного Г. Геккера, 1910 года рождения, взятого в плен 24 августа 1944 г.: «Геккер с 1939 г. по май 1944 г., состоял на службе в 385 отдельном пехотном полку в чине лейтенанта в качестве командира взвода. В начале мая 1944 г. был зачислен на службу в отдел 1 «Ц» четвертого армейского корпуса и направлен для работы в 385 отдельный пехотный полк, который входил в названный корпус, в качестве офицера отдела 1 «Ц», где он работал по конец июля 1944 г. Отдел 1 «Ц» занимался шпионской, разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу Советской Армии». На этом основании Геккер был признан виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 17 и 58-6 УК РСФСР, и приговорен к 25 годам ИТЛ. ⁴

В результате мер по фильтрации военнопленных и их уголовному пре-

¹ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР. С. 176, 177.

² *Военнопленные в СССР.* С. 739.

³ *Конасов В.Б.* Судебное преследование. С. 53.

⁴ Там же. С. 54.

следованию по состоянию на февраль 1950 г. в СССР оставили 13 515 осужденных и подследственных военнопленных. В дальнейшем их количество возрастало в основном за счёт осужденных советскими военными трибуналами и интернированных в СССР из стран Восточной Европы иностранных граждан. По состоянию на июль 1953 г. в СССР насчитывалось 19 118 иностранных граждан, осужденных за воинские преступления. Среди них было 17 528 военнопленных и 1 590 интернированных.¹ Работа по выявлению среди военнопленных участников зверств и злодеяний активно проводилась и на территории Свердловской области, для чего создали постоянные следственные группы. В результате их работы привлекли к уголовной ответственности и осудили судом военного трибунала войск МВД УралВО 1126 человек. Кроме того, в Свердловской области привлекли к ответственности 368 военнопленных, служивших в годы войны в карательных частях германской армии, хотя их преступная деятельность доказана не была.²

Для содержания осужденных военнопленных в СССР в системе ГУП-ВИ МВД СССР создали 11 особорежимных лагерей. Это были специальные лагеря со строгим режимом, предназначенные для содержания опасных государственных преступников, шпионов, диверсантов, террористов, участников антисоветских групп и организаций. Для осужденных к каторжным работам лиц устанавливался десятичасовой рабочий день. Они использовались на самых тяжелых, по преимуществу, строительных работах. Таким образом, в качестве меры взыскания рабочий день для них увеличили ещё на два часа. Для осужденных предусматривалась усиленная охрана с размещением их в запирающихся в нерабочее время жилых бараках с решётками на окнах. Для них ввели одежду особого образца с нашитым на верхнем платье и головном уборе личным номером. В течение первого года отбывания наказания, заключенные не имели права на переписку и получение вознаграждения за свой труд.³

Лагеря располагались на территории России и Украины, в том числе в Ворошиловградской, Ивановской, Ростовской, Сталинградской областях, а также Хабаровском крае.⁴ В конце 1949 г. на базе Нижнеисетского лагеря для военнопленных № 314 был образован лагерь № 476 МВД СССР. Спецлагерь № 476 для военных преступников являлся самым крупным среди подобных лагерей, находившихся тогда на территории Советского Союза. По состоянию на 1 июля 1953 г. в нём насчитывалось 7 170 осужденных иностранных граждан, в том числе 6 455 военнопленных и 715 интернированных. Среди них находились не только немцы, но и граждане Австрии, Бельгии, Венгрии,

¹ Суржикова Н.В. Указ. соч. С. 193.

² РГВА. Ф. 1 и/т. Оп. 19. Д. 4. Л. 4.

³ Там же. Л. 4, 5.

⁴ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 15; Д. 33. Л. 3-6.

Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Китая, Кореи, Польши, Румынии, Финляндии, Югославии и других стран.¹ Лимитная численность лагеря № 476 устанавливалась приказом МВД СССР № 0052 от 5 февраля 1951 г. и должна была составлять 5100/7000 чел. Тот же приказ определял лимитную численность лагерных отделений: № 1 – 600 чел., № 2 – 700 чел., № 3 – 1400 чел., № 4 – 1200 чел., № 5 – 600 чел., № 6 – 3000 чел., № 7 – 1300/1400 чел.² Фактическое наличие заключенных лагеря, как показывают материалы трёх архивохранилищ, лимиту никогда не соответствовало. Администрация лагеря, размещая осужденных военнопленных и интернированных, руководствовалась соображениями экономического характера и стремилась создать как можно более благоприятные условия для их трудового использования.

Управление лагеря размещалось в пос. Нижне-Исетск города Свердловска, в областном центре находились и три отделения этого лагеря. Первое лагерное отделение располагалось южнее завода «Уралхиммаш», второе – недалеко от завода РТИ, восьмое – в Кировском районе города недалеко от Каменных Палаток. Третье лагерное отделение находилось в пос. Талица г. Первоуральска, четвертое лагерное отделение – на восточной окраине г. Ревды, пятое – в центре г. Дегтярска, шестое – на окраине г. Асбеста и седьмое – в рабочем пос. Ключи Сысертского района. Весной 1955 г. в первом лагерном отделении насчитывалось 640 человек, во втором – 939, в третьем – 1 300, в четвертом – 792, в пятом – 873, в шестом – 1 471, в седьмом – 518 и в восьмом – 388 человек. Кроме того, в размещенном в пос. Талица г. Первоуральска госпитале № 1893 МВД СССР находилось на излечении 127 человек.³

Контингент лагеря составляли лица, служившие в воинских частях и силовых структурах, замешанных в совершении воинских преступлений, а также те, кто совершал преступления, находясь в лагерях для военнопленных. Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. В п. 3 приказа НКВД СССР № 00955 прямо указывалось, что освобождению не подлежат: 1) участники зверств; 2) лица, служившие в СС и СА, полевой полиции и жандармерии; 3) сотрудники гестапо, СД, включая Абвер, разведывательных и контрразведывательных органов других государств; 4) руководящие члены фашистских партий и их организаций, как то: национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и др.; 5) все лица, подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке; 6) осужденные в плену за совершенные преступления.⁴

¹ Там же.

² Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 15; Д. 33. Л. 3-6.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 1 т. Оп. 13. Д. 5. Л. 177, 313; Д. 6. Л. 4.

Анализ архивных материалов показывает, что большинство пребывавших на территории Среднего Урала осужденных военнопленных были привлечены к уголовной ответственности по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. 11 января 1944 г. НКВД СССР издал директиву, вменявшую в обязанности администрации лагерей усилить работу по выявлению среди военнопленных участников зверств и злодеяний. Для её осуществления при отделениях ОПВИ Управления МВД по Свердловской области создали четыре постоянные следственные группы – по 20-30 следователей и переводчиков в каждой.¹ По имеющимся данным, за пять лет работы в лагерях Свердловской области выявили и подвергли активной агентурно-оперативной и следственной разработке более 3000 чел., прямых или косвенных участников зверств. Например, хранящиеся в Архиве Управления ФСБ РФ по Свердловской области следственные дела рассказывают о злодеяниях 95 военнослужащих 8-й кавалерийской дивизии «Флориан Гайер» войск СС, которое использовалось для уничтожения мирного населения Белоруссии, России и Украины. В ходе одной из карательных операций в сентябре 1942 г. обвиняемый Э. Рамади запер в сарае 50 жителей деревни Касиля Смоленской области и забросал их ручными гранатами, в живых не осталось никого. В этих операциях Ш. Мюллер лично расстрелял 20 чел. Его подельники И. Нойкам и К. Кросс кроме аналогичных преступлений на территории СССР, участвовали в карательных операциях в Чехословакии и Польше. В 1943 г., когда дивизию отправили на отдых и переформирование, Кросс лично уничтожил более 100 узников лагеря Майданек.²

Документы показывают, что среди военнопленных, осужденных по обвинению в совершении государственных преступлений, большинство составляли именно те, кто был привлечён к ответственности за шпионаж и принадлежность к разведывательным органам противника. Основанием для их привлечения к суду послужила печально известная ст. 58 п. 6 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовного законодательства союзных республик. Представляется важным отметить, что при этом оказались востребованными практически все пункты ст. 58 УК РСФСР. Источники также свидетельствуют, что так называемые государственные преступления военнослужащих вражеских армий совершали, как правило, не в годы войны, а после её окончания, когда солдаты и офицеры оказались во власти Советского государства в совершенно новом для себя качестве – качестве военнопленных. Так, к 25 годам ИТЛ приговорили по ст. 58-8 УК РСФСР и японского военнопленного Ватанабэ Хидайтэ, совершившего в отдельном рабочем батальоне № 428. Совершенное им преступление было безобидным: в ночь с 25 на 26 сентября 1947 г. Хидайтэ с целью убийства нанёс несколько

¹ РГВА. Ф. 1 т. Оп. 13. Д. 5. Л. 177, 313; Д. 6. Л. 4.

² Суржикова Н. В. Указ. соч. С. 193.

ударов топором по голове старшему антифашистского комитета Асати Ацуси и командиру роты военнопленных Фурута Кэдзуо, которые «вели борьбу с лодырями, ворами и дезорганизаторами производства».¹

Военнопленные, осужденные за государственные преступления, пополнили ряды военных преступников, разделив с ними долголетнее заключение в лагере № 476. Среди его узников оказались также военнослужащие вражеских армий, осужденные за бытовые преступления, как-то: воровство, членовредительство, нарушение трудовой дисциплины и лагерного режима, хулиганство и прочие мелкие деяния. Наиболее многочисленными из них оказались те, кто был привлечён к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хищение личной и общественной собственности» от 4 июня 1947 г. По имеющимся данным, в период с 1946-го по 1950 г. из осужденных в Свердловской области за бытовые преступления 257 военнопленных 216 чел. привлекли к ответственности за «хищение социалистической и индивидуальной собственности граждан». В их числе – немецкий военнопленный А. Грунтнер. Судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа 15 октября 1947 г. его приговорили к 6 годам ИТЛ за хищение картофеля с индивидуальных огородов граждан.² Обобщение данных о сроках наказания заключенных позволяет утверждать, что большинство узников лагеря № 476 были осуждены как военные преступники, поскольку именно они подвергались самому длительному наказанию. Кроме того, есть основания полагать, что их привлекли к суду главным образом в конце 1949 г., то есть в период завершения массовой репатриации военнопленных.

Кроме осужденных военнопленных, среди узников лагеря № 476 находилось много и гражданских лиц, арестованных советскими органами в странах Восточной Европы и вывезенных для отбывания наказания в СССР. Содержались здесь и те осужденные иностранные граждане, которых по разным причинам нельзя было выпускать из Советского Союза. Уральский лагерь стал пристанищем для многих, кто был в свое время близок к А. Гитлеру или хотя бы знал его лично. Среди них были адъютант А. Гитлера – майор О. Гюнше и капитан Люфтваффе – шеф-пилот его личного самолета, Х. Баур, приемный сын рейхсфюрера СС Гимлера, сыновья генерал-фельдмаршала фон Клейста и премьер-министра Венгрии Каллаи, племянник видного дипломата фон Папена, а также начальник отдела «Е» VI Управления СД, руководитель германской разведки на Балканах и в Италии полковник Херман, начальник Главного управления военной разведки Верховного командования вермахта (ОКВ) полковник Зюскинд-Швенди и др.³ Среди заключенных на-

¹ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 31. Л. 4-13.

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45554. Л. 1-44.

³ Там же. Д. 46895. Л. 1-18.

ходился и сын, казненного в Нюрнберге, лидера австрийских нацистов – рейхскомиссара Нидерландов Зейсс-Инкварта. В октябре 1946 г., через несколько дней после вынесения смертного приговора, А. Зейсс-Инкварту сообщили, что его, пропавший в Советском Союзе сын, жив.¹

Архивы содержат интересные сведения о родственнике промышленника Круппа – Герольде Круппе фон Болене. Как известно, Густав Крупп фон Болен являлся крупнейшим германским промышленником, оказавшим значительную поддержку нацистскому движению. На предприятиях Круппа в огромных количествах производились танки, артиллерия, другая военная техника и снаряжение, широко использовался труд военнопленных и других узников концлагерей. В 1948 г. Крупп фон Болен предстал перед американским военным трибуналом как военный преступник, однако по возрасту и состоянию здоровья был освобожден от уголовной ответственности.² Его племянник, обер-лейтенант вермахта Герольд Крупп фон Болен, во время войны находился в Румынии в составе германской военной миссии. После заключения перемирия между СССР и Румынией его направили в лагерь для военнопленных. Судя по документам, во время нахождения в плену обер-лейтенант Крупп фон Болен вместе с другим сотрудником бывшей германской миссии – принцем Альбертом фон Гогенцоллерном – готовились совершить побег. Подготовка к побегу оказалась раскрыта, и племянник немецкого промышленника оказался в Москве в Бутырской тюрьме, где был отдан под суд военного трибунала.

На суде ему предъявили следующее обвинение: обер-лейтенант Крупп фон Болен, являясь сыном фон Круппа, неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимлером и другими гитлеровскими нацистами. Принимал участие в боевых действиях против Советского Союза и в оккупации территории СССР, где захватчиками творились насилия и злодеяния. Будучи в сентябре 1941 г. по личному приказу Гитлера отозван с фронта, в 1942 г. Крупп фон Болен был назначен на должность адъютанта начальника артиллерийского отдела германской военной миссии в Румынии. Являясь убежденным фашистом, принимал активное участие в организации и подготовке артиллерийских кадров из румынских солдат и генералов для борьбы против СССР, для подрыва и уничтожения нового демократического строя Румынии. Наряду с этим, поддерживал связь с разведывательными органами Германии, а в 1943 г. с разведывательными целями выезжал в Одессу и другие города, после чего добытые сведения передавал в военную разведку. Таким образом, Крупп фон Болен получил 25 лет исправительно-трудовых работ фактически только за личное знакомство с руководителями Третьего рейха. После вынесения приговора его отправили на Урал в пятое

¹ Мотревич В. П., Канустин А.А. Указ. соч. С. 3.

² Там же.

лагерное отделение особорежимного лагеря № 476 МВД СССР, расположенное в г. Дегтярске. Вначале он трудился разнорабочим на строительстве жилых домов, затем стал старшим прачечной зоны. В справке лагерной администрации об этом заключенном отмечалось, что Крупп фон Болен строго соблюдал установленный порядок и выполнял любую порученную работу.¹

Следует отметить, что вообще процедура привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности и порядок рассмотрения дел в суде были максимально ускорены и упрощены. Военные трибуналы выносили приговоры в течение 20-30 минут без участия обвинения, защиты и свидетелей. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть военнопленных была привлечена к уголовной ответственности на основании ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. за деяния, которые крайне сложно определить, как военные преступления. Сталинское же руководство, очевидно, считало иначе, что нашло своё отражение непосредственно в тексте самого Указа. Согласно его первой статье, «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев», карались смертной казнью через повешение. С юридической точки зрения определение признаков субъекта преступления в данном случае не совсем корректно, поскольку авторы Указа оперировали не правовыми категориями, а морально-оценочными – «фашистские злодеи». В равной степени это относится и к толкованию состава военного преступления. В преамбуле Указа они определялись как «неслыханные зверства и чудовищные насилия», а также как «злодеяния», что позволяло подвести под этот состав практически любое действие. К примеру, как военный преступник к 25 годам ИТЛ 7 декабря 1949 г. был осужден бывший фельдфебель германской армии Э. Байес.² В обвинительном заключении по его делу говорилось: «Предварительным расследованием по делу установлено, что в июне 1941 г. Байес совместно с обер-ефрейтором Альтгофом в одном населенном пункте (название не установлено), расположенном в районе г. Брест-Литовска, изъял двух лошадей у мирных советских граждан. В октябре 1941 г. Байес совместно с пятью другими солдатами изъял у местных жителей населенных пунктов (название не установлено), расположенных в Тульской области, около 60 кг муки, 130 кг картофеля, 25 штук куриц. Аналогичные случаи изъятия продуктов питания у населения происходили с участием Байеса в районе г. Бобруйска, Гомеля, Нежина, Брянска...».³

¹ Мотревич В.П. Военнопленные Второй мировой войны на Урале: численность, состав, размещение. // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – С. 731-735.

² Мотревич В.П. Военнопленные Второй мировой войны на Урале. С. 729.

³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45540. Л. 1-20; Д. 45552. Л. 1-46.

Следует отметить, что в процессе привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников» от 19 апреля 1943 г. не обошлось без правовых курьезов. По названному указу, который предназначался для привлечения к суду виновных в зверствах и злодеяниях над мирными советскими гражданами и советскими военнопленными, к уголовной ответственности привлекались и те военнопленные, которые никогда не были на территории СССР и не имели никакого отношения к репрессиям советских военнопленных. Так, бывший полицмейстер отдела «К» (транспорт) охранной полиции Э. Байер, проходивший службу на территории Польши в г. Варшаве, Катовицах и Ченстохове, был приговорен к 25 годам ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. и ст. 17 УК РСФСР за службу в германских карательных органах и участие в подавлении Варшавского восстания. За участие в грабежах и арестах мирных чешских граждан по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. осудили на 25 лет ИТЛ бывшего унтер-офицера 2-й роты 2-го пехотного полка штурмовой бригады СС «Дерливангер» Ауа. Та же участь постигла служившего на территории Германии и Польши бывшего обер-лейтенанта, командира полицейской сотни Диневальда.¹

Приведенные факты, когда приговоры строились на обвинениях без доказательств, а сами обвинения отвергались осужденными в кассационных жалобах, единичными не были. Источники свидетельствуют, что по сомнительным приговорам осудили значительную часть военнопленных. Юридическим последствием этого стала развернувшаяся в последние годы в России в целом и в Свердловской области в частности работа по реабилитации незаконно осужденных за нарушение законов и обычаев войны бывших военнослужащих вражеских армий, которые сегодня причислены к жертвам политических репрессий. Таким образом, на иностранных военнопленных в полной мере распространялось репрессивное законодательство 1930-1940-х гг. Часть иностранных граждан, оказавшихся в результате Второй мировой войны заложниками сталинского режима, разделила участь сотен тысяч советских граждан, прошедших через сталинские лагеря. При этом советское руководство рассматривало бывших военнослужащих иностранных армий не только как идейных противников, но и как потенциальных солдат и офицеров армий блока НАТО, а также как очень удобный и простой в применении инструмент для воздействия на западные державы при решении своих внешнеполитических задач, в частности, германского вопроса. И совсем не случайно только с потеплением отношений Москвы и Запада, выразившимся, в том числе и в подписании мирного договора с Австрией и установлении дипломатических отношений с ФРГ, стало возможным освобождение из советского плена и отправка на родину последних иностранных военнопленных.

¹ Там же. Д. 45540. Л. 38.

Нарушение процессуальных норм в дальнейшем сыграло злую шутку с правосудием. Часть осужденных военнопленных в 1990-е гг. пришлось реабилитировать, поскольку следствие осуществлялось в спешке и вина подсудимых материалами уголовно-следственных дел часто не подтверждалась. В результате сотни осужденных военных преступников оказались реабилитированными Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры РФ и причислены к жертвам политических репрессий. Среди реабилитированных – Г. Бартель, Г. Бицингер, А. Бишоф, Э. Бромбах. Унтер-фельдфебель Бартель являлся комендантом концлагеря для советских военнопленных в г. Берлине, им были созданы невыносимые условия для жизни заключенных.¹ Обер-ефрейтор Герман Бицингер, будучи сапёром, участвовал в карательных операциях против мирного населения в Крыму. В ходе проведенной с его участием операции уничтожили свыше 600 человек из скрывавшегося в каменоломнях гражданского населения.² Служили в концентрационных лагерях для советских военнопленных фельдфебель Арнольд Бишоф и унтер-офицер Эмиль Бромбах.³ Из архивно-следственного дела последнего следует, что унтер-офицер Эмиль Бромбах служил в лагере № 203 для советских военнопленных и был осужден на основании ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О наказаниях для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» на 25 лет ИТЛ. На основании ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. приговор военного трибунала войск МВД от 16 декабря 1949 г. в отношении Эмиля Бромбаха был отменён, и производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.⁴

Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. Карательная машина НКВД безжалостно работала не только в нашей стране, но и в тех странах Восточной Европы, где находились оккупационные части Советской армии. Многие дела были просто сфабрикованы. Так, летом 1945 г. в Свердловскую область из Германии был интернирован Герман Мюллер, житель деревни Кичендорф. Он являлся крестьянином, в армии никогда не служил. Г. Мюллера осудил военный трибунал 193-й стрелковой дивизии на 15 лет каторжных работ за то, что он использовал в своем хозяйстве вывезенных из СССР советских граждан, плохо

¹ Мотревич В.П. Солдаты вермахта... С. 4.

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48654. Л. 3-32.

³ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. С. 157.

⁴ РГВА. Ф. 1 т. Оп. 4. Д. 19. Л. 183-200; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33195. Л. 44.

их кормил и заставлял работать.¹ Широко при этом использовалась и практика вынесения групповых приговоров. Так, 10 января 1949 г. военный трибунал войск МВД УралВО осудил четырех военнослужащих танковой дивизии СС «Мертвая голова» (Э. Томаса, Ф. Лангкау, К. Пайка, О. Каапке) только за сам факт прохождения воинской службы в данной воинской части. Впоследствии всех их реабилитировали.² По агентурному делу «Майская гроза» прошли 113 человек из 87-й пехотной дивизии СС, по делу «Злодеи» – 59 человек из 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», по делу «Завоеватели» – 52 человека из 31-й пехотной дивизии СС и т. д.³

Следует отметить, что вследствие недобросовестной работы некоторых следователей часть дел прекращалась вскоре после их возбуждения. Так, в октябре 1949 г. заместителем начальника лагерного отделения № 6 лагеря № 476 в г. Асбесте было заведено дело на унтер-офицера Курта Денараде и ефрейтора Вальтера Рента. Они обвинялись в том, что, будучи военнослужащими 743-го саперного батальона германской армии, в июле 1944 г. взорвали мост через реку Неман в г. Каунасе. Дело против них возбудили 29.10.1949 г., – в тот же день этих военнослужащих германской армии арестовали, им предъявили обвинение в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. и в тот же день рассмотрение данного дела было завершено. После изучения материалов данного дела в ОПВИ МВД по Свердловской области выяснилось, что в действиях указанных лиц отсутствует состав преступления, поскольку мост взорвали в ходе боевых операций, что не попадает под статью № 1 Указа.⁴

За годы нахождения на территории Свердловской области заключённые лагеря № 476 активно участвовали в восстановлении народного хозяйства и построили немало объектов. Среди них – жилые дома, дворцы культуры, стадионы, школы, магазины, детские сады, дороги и мосты. Интенсивно использовали труд осужденных военнопленных и в промышленном строительстве: на их счёту бетонозавод и завод ЖБИ в г. Асбесте, фабрика № 5 треста «Союзасбест», Ключевской завод ферросплавов, Первоуральская ТЭЦ, многие цеха таких предприятий, как ПНТЗ, РТИ, УЗХМ, заводоуправление Ревдинского метизно-металлургического завода и др.⁵

Разумеется, добросовестно трудились далеко не все, некоторые отказывались, занимались саботажем и организовывали диверсии. Среди них – бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог. Его осудили на 25 лет ИТЛ за участие в карательных операциях против советских партизан в

¹ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 33. Л. 3-9.

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45638. Л. 2-28, 46.

³ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 10-18.

⁴ *Пушкарев Г.* «С нами Бог» // Подробности. – 1998. – 27 марта.

⁵ *Егоров М.А.* Бунт генералов // Уральский рабочий. – 1992. – 7 апр.

Белоруссии. За отказ трудиться он неоднократно подвергался различным наказаниям, но к работе так и не приступил. В мае 1992 г. на основании Закона РСФСР от 18.10.1991 г. Ганса Герцога реабилитировали.¹ Ещё больший «послужной список» у Людвига Фигля, австрийца по национальности, служившего во время войны рядовым в германской армии. Первый раз его осудили в декабре 1946 г. судом военного трибунала войск МВД Мурманской области за организацию диверсии во время работы на Мурманской городской электростанции, когда сбросил вагонетку в шахтоподъёмник и вывел его из строя. Второй раз в 1951 г., за то, что бежал из лагеря в Белоруссии и около года находился на нелегальном положении. В третий раз Л. Фигль оказался обвиняемым по делу генерала Германа, когда он вступил в подпольную организацию военнопленных в Дегтярском лагере, пытавшуюся осуществить групповой побег, и был осужден на 25 лет ИТЛ. В мае 1955 г. Л. Фигль отказался выходить на работу и потребовал отправить его домой.²

25 лет исправительно-трудовых лагерей – огромный срок, и многие заключённые пытались бежать из уральского лагеря. Так, в 1952 г. военнопленный Пицона с группой единомышленников заготовили несколько килограммов сухарей, купили часы, достали карту Советского Союза. Пользуясь плохой погодой, бежать они собирались либо из лагеря, отодрав доску в заборе, либо с места работы, где устроили под одним из ограждений подкоп. Пицона сделал даже рогатку, собираясь разбить из неё лампочку, чтобы выбранное для побега место стало не просматриваемым. На основе поступившей агентурной информации о готовившемся побеге всех его участников арестовали и на 10-20 суток отправили в карцер.³

В числе «беглецов» был и генерал-майор, командир 9-й немецкой авиадивизии Х. Герман. В годы войны он воевал на фронте в Западной Европе, против морских конвоев в Северном Ледовитом океане. В боях на Восточном фронте не участвовал. 10-11 мая 1945 г. Герман добровольно сдался в плен Советской Красной армии. Затем последовали три года плена в лагере № 27 в г. Красногорске. В мае 1948 г. он переводится в лагерь № 119 под г. Казанью. В ночь с 3 на 4 марта 1949 г. Х. Герман бежит из лагеря, но уже вечером 4 марта его арестовывают на железнодорожной станции в Казани. Согласно нормам международного права, побег военнопленного не может быть основанием для его привлечения к уголовной ответственности и влечёт за собой только дисциплинарное наказание. Однако это не помешало открытому суду военного трибунала приговорить представшего перед ним 6 мая 1949 г. обвиняемого Х. Германа к 10 годам ИТЛ. Правда, дабы сохранить видимость законности, бывшего генерала осудили не за побег, а за хищение государствен-

¹ Суржикова Н. В. Указ. соч. С. 195.

² Там же. С. 197.

³ РГВА. Ф. 1 и/т. Оп. 2. Д. 88. Л. 74.

ного имущества – телогрейки, валенок и шароваров, которые были на нём одеты во время побега, по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного имущества». После суда Германа отправили в лагерь № 476. В конце февраля 1953 г. он снова предстал перед судом. На этот раз его обвинили в создании в лагере подпольной организации, которая ставила своей задачей совершение диверсий, саботажа, подготовку покушений и группового побега. Решением суда на основании ст. 58-8, 58-11 и 58-14 УК РСФСР Х. Германа приговорили к 25 годам ИТЛ.¹

Примерно четверть содержащихся в лагере военнопленных составляли офицеры и генералы. По состоянию на 1 октября 1953 г. на учёте в лагерь № 476 состояло 4 647 человек, в том числе 1 127 офицеров и 82 генералов и адмиралов.² Основной массив последних составляли генералы вермахта и адмиралы флота, но были среди них генералы венгерской и румынской армий. Всего в плену в СССР находилось одних только генералов германской армии и адмиралов военно-морского флота 376 человек. Среди обитателей лагерных барачных бараков наибольший процент составляли представители сухопутных войск. Второй по численности стала категория отставных генералов, в 1948 г. их насчитывалось 40 человек. Из этого числа 277 генералов и адмиралов были репатриированы, а 99 умерли, из них 18 человек приговорены к высшей мере наказания и казнены.³

В феврале 1954 г. на Среднем Урале находилось 92 генерала, из них 86 человек составляли генералы германской армии, 1 – румынской и 5 – венгерской. Был среди них и адмирал германского флота.⁴ В архивных делах сохранился эшелонный список, составленный при переводе осужденных для отбывания наказания в г. Иваново, что позволяет назвать находившихся в Свердловской области генералов поименно. Это генералы германской армии: К. Агрикола, О. Аудорш, О. Барт, Г. Бауэр, Э. Беге, К. Беккер, В. фон Беркен, Г. Беттхер, Э. фон Боген, В. Бремер, О. Брюкер, Э. Бушенгаген, Ф. Вайнкнехт, Р. Буттман, Г. Ганоуэр, М. Гартман, Г. Гейне, К. Герсдорф, А. Гешен, Ф. Гольвигцер, Э. Енеке, Д. фон Зауцен, И. Зебот, Э. Зилер, Э. фон Килиани, Г. Кламт, Г. Кольсдорфер, А. Конради, К. Косман, Р. Кретцер, Т. Кречмер, Э. фон Куровский, Б. Лаш, Г. Ленгенфельдер, Ф. Лигман, Г. Линдеман, Г. Ломбард, Ф. Макке, В. Макс, Г. Медер, Э. Мерк, Г. Михаэлис, Э. Мюллер, Г. Нигафф, В. Бойман, В. Райгель, О. Раузер, К. Репке, Г. Риттберг, К. Роденбург, Ф. Раске, В. Рунге, К. Родигер, И. Тарбук, З. Томашки, Г. Траут, А. Трабитц, Г. фон

¹ *Мотревич В.П.* Военные преступники в Свердловской области в 1949 - 1956 гг. // Военный комментатор. – Екатеринбург: ГУ, 2001. – С. 77-95.

² Там же. С. 88.

³ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

⁴ Там же.

Фалькенштайн, З. фон Фалькенштайн, З. Ферхайн, Г. Фишер, Ф. фон Кирхензитенбах, Л. Фрикке, Г. Хакс, Э. Хелль, А. Хемман, В. Хенне, З. Хенрици, А. Хенце, А. Хиггер, Ф. Хохбаум, Б. Хюльзен, В. Шартов, Б. Шац, И. Шватло-Гестердинг, Г. Ширмер, Ф. Шлипер, Р. Шлигер, З. фон Шляйниц, В. Шмидт-Хаммер, А. Шмидт, Р. Шперль, Ф. фон Штейккеллер, И. Энгель, Ф. Энгель; генералы венгерской армии: Ф. Вашвари, Г. Буковари, Л. Сабо, Г. Фехер, Г. Ерлих; румынской: Т. Станеску, а также контр-адмирал германского флота В. Арнсвальд.¹ Пленные генералы иностранных армий содержались в лагерных отделениях, расположенных в гг. Асбесте, Дегтярске и Первоуральске. Об их пребывании на Урале имеются весьма любопытные воспоминания М.А. Егорова, который после демобилизации из армии до декабря 1955 г. работал начальником отдела управления лагеря № 476.²

Как представляется, судьбы тысяч осужденных в СССР иностранных военнопленных куда более сходны с судьбами других узников сталинских лагерей, нежели с советскими военнопленными Второй мировой войны в Германии. Важно отметить, что советское руководство считало неприемлемым распространять на осужденных вражеских военнослужащих какие-либо юридические гарантии и рассматривало их исключительно как уголовных и военных преступников, в отношении которых преимущества военного плена уже не действуют. Поэтому документа, который бы узаконил правовой статус осужденных иностранных подданных, на уровне Совета Министров СССР, – а это входило в его компетенцию, принято так и не было. Все трудоспособные, независимо от бывших званий, привлекались к труду и использовались на самых тяжелых, главным образом строительных, работах. Для всех устанавливалась единая норма выработки как для вольнонаемных рабочих соответствующих отраслей. При этом оплата труда осужденных военнопленных была ниже тарифных ставок вольнонаемных рабочих в среднем на 35%, которые шли в доход государства. Из оставшихся 65% заработка вычиталась стоимость содержания в лагере; на руки выдавалось не более 250 руб., остальные деньги, при их наличии – также шли в доход государства. Требовалось также исключить любые контакты осужденных военнопленных с советскими гражданами и пресекать их контакты с лагерной администрацией.³

20 ноября 1950 г. начальник ГУПВИ МВД СССР Б.З. Кобулов подписал директиву с требованием к своим подчинённым повысить «большевистскую и чекистскую бдительность», установив в лагерях для осужденных иностранцев строгий режим содержания и охраны, усилив агентурно-оперативную работу в целях пресечения враждебных выступлений и подрывных актов на производстве. Военнопленных и интернированных, повторно осуж-

¹ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 86-93.

² Егоров М.А. Бунт генералов.

³ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР... С. 169.

денных за саботажи прочие деяния, а также нарушителей лагерной дисциплины и лиц, склонных к побегу, переводить в штрафное отделение лагеря № 476 (отделение № 5 в пос. Дегтярка). Спустя неделю оперативные отделы получили «ориентировку об активных враждебных проявлениях в лагерях для осужденных военных преступников». К их числу были отнесены: отказ от работы, призыв к коллективной забастовке, попытка выйти на связь с иностранными посольствами, избивание лагерных агентов и осведомителей и т.п. «Враждебные проявления» в лагерях для осужденных военнопленных действительно не были редкостью. В октябре 1952 г. в лагере № 476 заключенный Бауэр распространял «клеветнические измышления по адресу руководителей Советского государства, стран народной демократии и новой демократической Германии, одновременно восхваляя фашистско-гитлеровскую литературу, в частности книгу «Моя борьба».¹ Также имелись случаи побега, обмана, отказа работать.

Подопечные УПВИ МВД имели право жаловаться как устно, так и письменно по вопросам, связанным с их трудоустройством и содержанием. Как явствует из архивных документов, право это осужденные военнопленные и интернированные действительно использовали. Жаловались в основном на неполучение почтовых отправлений, плохое качество медицинской помощи, тяжелые условия труда и т.д. Правда, лишь немногие из жалоб оказывались после их рассмотрения удовлетворенными. Помимо права подавать жалобы, осужденные военнопленные имели право на переписку с родственниками. И не будет преувеличением сказать, что оно оказалось самым востребованным среди предоставленных осужденным военнопленным прав, если не считать права на сохранение жизни и здоровья. Следует, однако, отметить, что в период с 23 ноября 1949 г. по середину октября 1950 г., в соответствии с распоряжением заместителя министра внутренних дел СССР А.И. Серова за № 730, действовал временный запрет на переписку осужденных военнопленных. Просуществовав почти год, он был отменен 14 октября 1950 г. распоряжением министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова за № 831. Правда, распоряжение это не касалось осужденных военнопленных Японии и Италии: им право на почтовые отправления предоставили позже.

В апреле 1953 г., вскоре после смерти И.В. Сталина, Президиум ЦК КПСС поручил межведомственной комиссии под председательством министра юстиции К.П. Горшенева пересмотреть приговоры в отношении тех иностранных граждан, дальнейшее содержание которых не вызывало необходимости. Через месяц члены комиссии пришли к заключению о том, что могут быть освобождены от наказания 12,7 тыс. германских граждан. В конечном счёте, признали необходимым освободить от наказания 13,1 тыс. германских граждан, из которых 6,1 тыс. были осуждены советскими военными

¹ Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп.1. Д. 28. Л. 80; Д. 56. Л. 99.

трибуналами и содержались на территории ГДР.¹ В результате численность заключенных лагеря № 476 стала постепенно сокращаться. В Ивановскую область в лагерь № 48 МВД СССР отправили всех оставшихся в живых генералов, в Ворошиловградскую область – 76 испанцев из «Голубой дивизии», небольшие группы немцев отправляли в ГДР.² Однако массовое сокращение контингента началось весной 1955 г.

В мае 1955 г. был заключен мирный договор между Советским Союзом и Австрийской Республикой, и Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии и репатриации на родину всех осужденных австрийских граждан. После этого, осужденных иностранных граждан стали группировать по национальному признаку. В Хабаровском крае в лагере № 16 стали собирать всех подлежащих репатриации граждан Китая, Кореи, Монголии и подданных Японии, в Свердловской области – граждан Австрии и Германии, частично – Венгрии и Румынии, в Мордовии – всех остальных.³ В этих сборных пунктах устанавливался облегчённый режим содержания (сняли установленные по периметру вышки, убирали сторожевых собак) и срочно приводили их в образцовый порядок. В четвёртое лагерное отделение лагеря № 476, расположенное в Ревде, из лагерей и тюрем со всей территории Советского Союза стали поступать осужденные австрийские граждане. Здесь они проходили медицинский осмотр и ставились на усиленное питание. Сбор австрийцев в Ревде завершили 14 мая, а на следующий день им объявили об амнистии и освобождении. В оставшиеся до отъезда дни бывшие заключенные смотрели кино, играли в футбол и просто загорали. В порядке культурного обслуживания, силами самих австрийцев, было организовано несколько концертов самодеятельности, показаны кинофильмы, поставлен спектакль на немецком языке «Укрощение строптивой», разыграны футбольные матчи.⁴

Перед отправлением на родину всем освобождённым австрийцам выдали новую одежду и обувь, произвели денежный расчёт, вернули изъятые документы и ценности. Правда, с возвратом ценностей возникли сложности. Дело в том, что в соответствии с установленным в 1939 г. Народным комиссариатом внутренних дел СССР порядком, все изъятые у заключенных вещи оценивались и передавались в Управление драгметаллов Минфина СССР для зачисления в доход государства. И при освобождении их владелец получал либо изъятые у него ценности, либо ему компенсировали их оценочную стоимость. Однако часто, изымаемые при аресте ценности, оценивались по символическим ценам. Так, в частности, изъятая у контр-адмирала В. Арнсвальда золотая нумизматическая медаль XVIII в., весом свыше четырёх граммов

¹ *Конасов В.Б.* Судебное преследование. С. 63, 64.

² Отдел спецфондов. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 45, 46, 52, 35.

³ Там же. Д. 31. Л. 146-152.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 7.

золота, была оценена в 18 руб. 56 копеек в ценах тех лет.¹ В архиве Информационного центра ГУВД Свердловской области сохранились подробные документы об организации и осуществлении репатриации амнистированных австрийцев, а также их прибытии на родину. Они свидетельствуют о том, что для первой партии репатриантов сформировали эшелон из пяти вагонов, оборудованных всем необходимым, который обеспечили продуктами питания из расчёта на 13 дней пути. Для сопровождения эшелона был выделен медицинский работник и оборудован санизолятор. Смета затрат в размере 21,5 тыс. рублей на проведение мероприятий, связанных с отправкой первых эшелонов, включала затраты на оплату концертов артистов Свердловской филармонии, изготовление лозунгов и транспарантов, фотографирование и оформление фотоальбома, оплату коллективной экскурсии в краеведческий музей, приобретение подарков лучшим производственникам, а также приглашение на вокзал духового оркестра.²

Первый эшелон с 250 репатриантами отправили из Свердловской области 25 мая 1955 г., а 2 июня он прибыл на пограничную станцию Чоп. Здесь репатрианты прошли таможенный досмотр и были пересажены в пассажирский поезд, который 4 июля пересёк австро-венгерскую границу. В Австрии, вернувшихся из Советского Союза сограждан, принимали радостно и тепло, было много корреспондентов, на промежуточных станциях их встречали делегации с оркестрами. По прибытию в Вену репатриантов встретил федеральный канцлер Австрийской Республики Ю. Рааб, другие официальные лица, а также многочисленные родственники и знакомые.³ 10 июня 1955 г. из четвертого лагерного отделения в г. Ревде отправили вторую группу освобожденных австрийцев в количестве 185 человек. По прибытии в Австрию их встретили представители Международного Красного Креста и вручили, прибывшим из СССР, подарки и цветы. В Вене прибывших встречала толпа, состоящая из нескольких тысяч человек, среди которых были федеральный канцлер, министр внутренних дел и столичный бургомистр. После завершения митинга каждому прибывшему преподнесли подарки, выдали по 3 тыс. шиллингов и на автомашинах развезли по домам. В этот же день в австрийских газетах появились статьи и фотографии, посвящённые возвращению на родину амнистированных граждан Австрии.⁴

В сентябре 1955 г., после визита в СССР канцлера ФРГ К. Аденауэра и достижения соответствующих договоренностей, началось освобождение осужденных германских граждан. В конце сентября 1955 г. был принят соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР, после чего амни-

¹ Там же. Д. 30. Л. 72, 73.

² Там же. Л. 75.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 16-40.

стированные граждане считались свободными. Основным местом сбора подлежащих репатриации на родину германских граждан также стал лагерь № 476, куда их стали собирать со всей страны. Вскоре на улицах г. Свердловска, в сопровождении сотрудников милиции, появились группы бывших заключённых немцев. Они гуляли по проспекту им. Ленина, посещали кинотеатры, музеи, осматривали достопримечательности города.¹ Первый эшелон с репатрированными немцами отбыл со станции Хромпик 29 сентября 1955 г., за ним последовали другие. Затем репатриацию временно приостановили и возобновили только в начале декабря.

Одновременно с репатриацией граждан Германии шла репатриация венгерских и румынских граждан. Часть из них освобождалась, но многие передавались властям этих стран для дальнейшего отбытия наказания. В сентябре 1955 г. в лагере № 476 насчитывалось 394 венгерских и 442 румынских граждан. Из них было амнистировано соответственно 239 и 268 человек, не попавшие под амнистию, передавались правительствам соответствующих стран для дальнейшего отбытия наказания.² Архивные документы свидетельствуют, что некоторые осужденные военнопленные, венгры и особенно румыны, отказывались уезжать из Советского Союза. Они хотели отсидеть свой срок в СССР, так как режим содержания заключенных в их странах был строже. Младший сержант венгерской армии К. Золантен, узнав о предстоящей репатриации, заявил, о том, что в лагере № 476 он получает 600 гр. хлеба в день, а у себя на родине он будет иметь 200 гр., и вдобавок ещё будет получать по спине дубинкой. Другие просили предоставить им советское гражданство либо отправить не на родину, а в Австрию или в Германию. Всего таких заявлений имелось свыше полусотни. Категорически отказывались ехать в ГДР и некоторые амнистированные германские граждане.³

Источники свидетельствуют, что из 9 536 немцев для 6 682 чел., или 70%, местом отправки на родину стал лагерь № 476. Репатриация проходила в три этапа: с 29 сентября по 15 октября 1955 г.; с 6 по 12 декабря 1955 г.; с 28 декабря 1955 г. по 7 января 1956 г. При организации репатриации иностранных военнопленных «компетентные органы» брали практически с каждого расписку в том, что у него нет никаких претензий к Советскому Союзу. Более того, в ненавязчивой форме бывшим узникам лагеря № 476 предлагалось оставить «написанные собственноручно» отзывы об СССР. Как правило, вчерашние военнопленные высказывались о своём долголетнем пребывании в Стране Советов положительно. Однако далеко не всегда это делалось от чистого сердца.

¹ Там же. Л. 188.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Д. 29. Л. 15.

Последними в декабре 1955 г. со станции Хромпик г. Первоуральска в ГДР отправили тяжелобольных из спецгоспиталя № 1893, тем самым репатриация осужденных иностранных граждан из лагеря № 476 была в основном завершена. К 15 декабря 1955 г. контингент лагеря № 476 сократился до 65 иностранных граждан, исключённых из списков на репатриацию. Основную часть их составляли румынские граждане – бывшие сотрудники разведки и военной полиции, которых планировали передать властям этой страны. Из списков на репатриацию исключили 36 румын, 11 немцев, 4 бельгийца, а также подданных Венгрии, Голландии, Дании, Польши и Люксембурга. Их отправку на родину отложили «до особого распоряжения».¹ Многие являлись гражданами СССР, служившими в германской армии и получившими германское гражданство. Репатриацию этих граждан отложили до особого распоряжения. Что скрывалось за этой формулировкой, остается неясным. Известно, что отсрочка репатриации предусматривалась распоряжениями Тюремного отдела МВД СССР. Их содержание до сих пор засекречено, оставляя открытым вопрос о судьбах последних пленных иностранцев в Свердловской области в частности и Союзе СССР в целом. В феврале 1956 г. лагерь № 476 МВД СССР был закрыт.

Глава IV. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНОСТРАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ

Согласно имеющимся документам в советских лагерях для военнопленных умерло более 580 тыс. военнопленных Второй мировой войны и интернированных в СССР иностранных граждан.² В начальный период войны учёт умерших пленных велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г. В нём была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», которая определяла порядок извещения о смерти пленных, их погребения и выдачи имущества, умерших их родственникам. В соответствии с инструкцией смерть каждого пленного должна быть удостоверена актом медосмотра. Сообщение о смерти должно направляться в Управление НКВД по делам о военнопленных и интернированных. Вместе с сообщением о смерти, в Управление должны были высылаться: копия истории болезни в двух экземплярах (на умерших в стационарах), акт о смерти, акт патологоанатомического вскрытия (если оно производилось) и акт о погребении. Патологоанатомического вскрытие трупов умерших в стационаре военнопленных должно было в обязательном порядке производиться в тех случаях, когда смерть произошла в первые 48 часов с момента госпитализации.

¹ Там же. Д. 31. Л. 175-178.

² Военнопленные в СССР. С. 11, 12.

Для получения точных сведений об умерших 13 августа 1943 г. была издана директива НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных». В ней утверждалась «Инструкция по оформлению документов персонального учёта на умерших военнопленных в лагерях и госпиталях НКВД». Директивой предлагалось начальникам лагерей и госпиталей оформить персональный учет умерших за всё время войны, с тем, чтобы учётные данные совпадали с их реальным количеством. Для этого по каждому умершему собирались сведения, которые группировались в 10 различных списков. Например, список № 1 составлялся на умерших военнопленных, учётные дела которых представлены в Управление. Список должен был содержать следующие сведения: фамилия, имя и отчество, национальность, год рождения, воинское звание и номер учетного дела.¹ Учитывая, что умерших в ряде лагерей и госпиталей иногда хоронили в случайных, не отведенных для этих целей местах, 24 августа 1944 г. вышла директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/2/23 «О захоронениях военнопленных». Документом предусматривалось для захоронения умерших военнопленных отводить в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальные участки свободной земли. Участки должны быть огорожены колючей проволокой и разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно быть 5 рядов могил по 5 могил в каждом ряду. В квадрате захоронения должны производиться, начиная с верхнего ряда (если смотреть в плане) слева направо. На каждую могилу необходимо было установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, лучше всего из фанеры. На ней должны быть указаны в числителе номер могилы, и в знаменателе номер квадрата. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой. Писать фамилию и имя умерших пленных запрещалось, однако это требование соблюдалось не всегда.

Для учёта умерших военнопленных и мест их захоронений в каждом лагере или лагерном отделении заводили кладбищенские книги. В неё вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата, в котором захоронен умерший. К кладбищенской книге прилагался план кладбища с разбивкой его на квадраты, с указанием номеров квадратов и номеров имеющихся могил. Дополнительно к этой книге и для оперативного поиска заводилась алфавитная книга. В неё на соответствующую букву заносилась фамилия и имя умершего и его порядковый номер, под которым он записан в кладбищенской книге. Кладбища должны быть обеспечены от того, чтобы на их территорию не проникал скот, и от того, чтобы эти знаки не растаскивались населением.² Следует отметить, что дан-

¹ Там же. С. 162, 446-449.

² Там же. С. 462, 463.

ная директива на местах выполнялась далеко не всегда. Поэтому в целях проверки и контроля 7 декабря 1945 г. была издана директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/74 «Об учете умерших военнопленных». В ней отмечалось, что в ряде случаев розыск могил умерших становится невозможным, так как отведенные под кладбища участки не охраняются, опознавательные знаки на могилах не устанавливаются, кладбищенские книги ведутся небрежно, а акты о смерти зачастую не содержат даже причин, вызвавших смерть военнопленного. Для проверки соблюдения порядка захоронения умерших военнопленных создавались специальные комиссии из состава оперативных работников НКВД-УНКВД. Этим комиссиям поручалось на местах проверить порядок захоронений и состояние учёта умерших. Директивой запрещалось захоронение трупов в общие могилы и без нательного белья. Умерших офицеров необходимо было хоронить в белье и верхней одежде.¹

Погребению умерших военнопленных из состава Квантунской армии была посвящена специальная директива НКВД СССР № 201 от 14 ноября 1945 г. «О порядке погребения трупов военнопленных японцев». В ней отмечалось, что в связи с тем, что по национальному обычаю японцев трупы умерших подвергаются кремации, из отдельных областей поступили запросы о порядке погребения трупов военнопленных японцев. В директиве разъяснялось, что захоронение трупов военнопленных японцев производить путём предания земле в соответствии с приказом НКВД № 001067 от 7 августа 1941 г. В смешанных лагерях, где содержались военнопленные германской и японской армий, захоронение умерших японцев требовалось производить отдельно, выделив для этого специальные участки.²

В послевоенные годы МВД СССР принимает ряд директив и распоряжений о мероприятиях по снижению заболеваемости и смертности в лагерях для пленных и интернированных, упорядочению учёта умерших и содержанию мест их захоронения. Так, специальным распоряжением МВД СССР № 597 от 17 сентября 1947 г. министрам внутренних дел республик и начальникам УВД по краям и областям СССР предлагалось в период с 20 сентября по 20 октября 1947 г. проверить состояние всех кладбищ, где производилось захоронение умерших военнопленных и интернированных. При отсутствии не ограждённых кладбищ или отсутствии опознавательных знаков, а также разрушенных холмиков самих могил принять срочные меры всех выявленных ненормальностей. Необходимо было проверить наличие на кладбищах карт-схем захоронений, а также документов местных органов власти на занятие земельных участков. В случае отсутствия разрешения советских органов на занятие земельных участков требовалось добиться от них официального разрешения. В распоряжении прямо указывалось, что данная работа

¹ Там же. С. 479, 480.

² Там же. С. 447, 462, 463.

проводится в связи с возможностью посещения кладбищ представителями иностранных посольств и общественных организаций.¹

В конце 1940-х гг. в связи с приближением сроков окончания репатриации контроль за состоянием мест захоронений военнопленных и интернированных передали городским и районным отделам МВД. Распоряжением МВД СССР № 324 от 24 мая 1949 г. кладбища военнопленных и интернированных передавались для осуществления надзора местным органам МВД. Для этого начальники управлений лагерей МВД, лагерных отделений, спецгоспиталей и командиры рабочих батальонов обязывались привести все кладбища в надлежащий порядок. Для этого необходимо было поправить ограды, опознавательные знаки, надгробные холмики и т.д.² Следовательно, на протяжении послевоенных лет, а часто и в 1960–1970-х гг. многие кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов и надзором органов МВД.

Таким образом, в результате Второй мировой войны на территории России остались захоронения военнослужащих многих иностранных армий, воевавших против Советского Союза в 1939–1945 гг. Среди них как «боевые» захоронения, так и кладбища военнопленных. Многие из захоронений оказались в тех районах Советского Союза, где военные действия не велись. Речь идет о захоронениях военнопленных. Значительное количество иностранных военнопленных в 1940-е гг. умерли и оказались захороненными в восточных районах страны, в том числе и на Урале.

На протяжении 1950–1980-х гг. статус иностранных воинских захоронений на территории нашей страны был достаточно неопределенным и регламентировался только положениями Женевской конвенции 1949 г. В соответствии с конвенцией, подписавшие её страны, в том числе и СССР, обязывались обеспечить сохранность и уход за находившимися на их территории воинскими захоронениями. Однако сложившаяся ситуация отнюдь не способствовала улучшению взаимопонимания с данными государствами, что стало особенно заметно на рубеже 1980–1990-х гг. Весьма настойчиво требовали информацию о состоянии мест захоронений и десятки тысячи граждан многих иностранных государств, чьи родственники погибли в России. В результате Советский Союз, а впоследствии Российская Федерация, подписали со всеми этими странами соглашения о статусе воинских захоронений. Так, 18 апреля 1991 г. было заключено соглашение с Японией, 23 апреля 1991 г. – с Итальянской Республикой, 11 июля 1992 г. – с Финляндской Республикой, 16 декабря 1992 г. – с Федеративной Республикой Германией, 13 февраля 1995 г. – со Словацкой Республикой, 6 марта 1995 г. – с Венгерской Респуб-

¹ Там же. С. 508.

² Там же. С. 528.

ликой.¹

В соответствии с соглашением с Японией, наша страна обязалась предоставить им списки умерших в Советском Союзе японцев, а также сведения о дислокации мест их захоронений, содержать эти места в надлежащем порядке и оказывать содействие в установке памятных знаков и посещениях кладбищ. В свою очередь Япония обязалась, в случае необходимости, эксгумировать и отправлять на родину останки японских военнослужащих, а также содержать в надлежащем порядке российские захоронения на территории своей страны. Согласно соглашению, с Италией наша страна обязалась предоставить информацию о захоронениях военнослужащих итальянской армии на территории Советского Союза и освободить от таможенных пошлин материалы, ввозимые для обустройства захоронений. В свою очередь Итальянская Республика обязалась предоставлять нашей стране информацию о советских воинских захоронениях в Италии, обеспечить за свой счёт установку памятных знаков и уход за ними на советских воинских захоронениях в Италии и итальянских – в Советском Союзе.² В соответствии с соглашениями с Германией, Словакией и Венгрией российская сторона обязалась безвозмездно предоставить им земельные участки под воинские захоронения, обеспечить их сохранность и освободить от таможенных пошлин. В свою очередь, данные государства обязались обеспечить сохранность российских военных могил на своей территории и взяли на себя расходы по благоустройству своих военных кладбищ в России. Таким образом, в соответствии с данными соглашениями, российская сторона обязывалась предоставить зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных работ. В результате проблема иностранных воинских захоронений в России получила не только научное, но политическое и гуманистическое звучание, что весьма значимо в условиях возврата нашей страны к восприятию многих общечеловеческих ценностей.

Для обеспечения практической реализации вышеуказанных соглашений в ноябре 1991 г. Министерством обороны СССР совместно с Министерством обороны Итальянской Республики в Москве была создана специальная структура – Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Эта организация ставила своей задачей организацию поиска и учета иностранных воинских захоронений, подготовку информации о погребениях и персональном составе погибших, обеспечению благоустройства мест захоронений как советских, так и иностранных военнослужащих, а также осуществление контроля за состоянием иностранных воинских захоронений. Постановлением Правительства РФ от 13 января 1995 г.

¹ Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 12. – С. 31, 32.

² Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 10. – С. 61-63.

№ 33 «О мерах по реализации межправительственных соглашений и об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации» органам исполнительной власти субъектов РФ поручалось определить земельные участки, занятые под иностранными захоронениями, взять их на учёт и обеспечить предоставление в постоянное пользование (с освобождением от платы за землю в установленном порядке) этих участков организациям, уполномоченным Правительством России на реализацию вышеуказанных соглашений.¹

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. интенсивные работы по выявлению архивных документов, установлению мест захоронений иностранных граждан, обеспечению их сохранности и последующего благоустройства, стали проводиться и на территории субъектов РФ, в первую очередь Свердловской и Тамбовской областей. На основе выявленных, автором данной работы архивных документов, – 5 августа 1991 г., т.е. ещё до создания в г. Москве ассоциации «Военные мемориалы», было принято решение Свердловского облисполкома № 397 «Об организации работ по выявлению документальных материалов и мест захоронений, советских и иностранных граждан, репрессированных в 1930–1950-е годы и военнопленных Второй мировой войны» и создана специальная рабочая группа.² В соответствии с распоряжением Правительства Свердловской области от 26 июня 1992 г. № 197-рп «Об установлении мест захоронений иностранных граждан» администрации городов и районов, на территории которых имелись захоронения иностранных граждан, должны были провести их учёт и, для обеспечения сохранности, перевести в категорию земель историко-культурного назначения.³

Решением Малого Совета Свердловского облсовета от 14 апреля 1993 г. № 17/17 занятые под захоронениями земли были отнесены к категории земель с особым правовым статусом и не подлежали приватизации.⁴ Постановлением Главы Администрации Свердловской области от 10 ноября 1994 г. № 546 «Об утверждении программы подготовки и проведении празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» администрациям городов и районов области было поручено организовать работу по наведению порядка в местах захоронения немецких военнопленных.⁵ Таким

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 4. – С. 538.

² ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 54. Л. 144.

³ Архив Администрации Губернатора и Правительства Свердловской области. Распоряжение правительства Свердловской области от 26 июня 1992 г. № 197-рп «Об установлении мест захоронений иностранных граждан».

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 88. Оп. 2. Д. 5845. Л. 62-64.

⁵ Архив Администрации Губернатора и Правительства Свердловской области. Постановление Главы Администрации Свердловской области от 10 ноября 1994 г. № 546

образом, в первой половине 1990-х гг. в центре и в отдельных регионах страны постепенно формировалась нормативная база, позволяющая приступить к осуществлению поиска и благоустройства иностранных воинских захоронений в нашей стране.

На протяжении послевоенных лет, а во многих местах и в 1960-е – 1970-е гг., данные кладбища находились под охраной местных Советов, а также под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание данных захоронений. Среди них сохранились отчёты о состоянии данных кладбищ и затратах на их содержание.¹

Как уже указывалось, первоначально часть документов об иностранных военнопленных была направлена в Москву, другие хранились на местах. Здесь они оказались разбросанными по различным архивохранилищам. Небольшая часть лагерной документации попала в фонды государственных архивов (в Серовский филиал ГАСО, например). Многие документы – справки о нахождении военнопленных на территории областей, фотоальбомы и другие материалы оказались в архивах областных управлений ФСБ. Однако наиболее информативные материалы по исследуемой проблеме – копии кладбищенских книг, а также акты и справки текущего контроля за состоянием кладбищ хранились в территориальных органах МВД. В начале 1960-х гг. в соответствии с указанием МВД СССР их сосредоточили в Москве.² Не были переданы в «Особый архив» и материалы на осужденных военнопленных. Так, документы по лагерю № 476 МВД СССР для военных преступников, отделения которого располагались в городах Асбест, Дегтярск, Первоуральск и Ревда и поныне хранятся в архиве ИЦ УВД Свердловской области. Здесь же имеются и копии переданных в центр кладбищенских книг, но их немного. Такие же разрозненные материалы по отдельным лагерям и кладбищам военнопленных хранятся и в архиве ИЦ УВД Оренбургской области. Поскольку основная часть документальных данных о захоронении военнопленных была сосредоточена в Москве и носила гриф «секретно», то местные власти часто и не подозревали о существовании на их территории иностранных воинских кладбищ. Об этом свидетельствует анализ ответов районных и городских администраций на официальные запросы Правительства Свердловской области по данному вопросу. Учитывая, что за время нахождения в плену на территории бывшего СССР умерло 580,5 тысяч военнослужащих иностранных армий и приравненных к ним лиц, данная проблема представляет не только на-

«Об утверждении программы проведения празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

¹ РГВА. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 27-28.

² Там же. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1905. Л. 3-21.

учный, но и практический интерес.

В 1990-е гг. по иностранным воинским кладбищам в стране стал формироваться новый источник сведений. Сотрудниками созданной в Москве ассоциации «Военные мемориалы» стали обследоваться расположенные на территории РФ иностранные воинские кладбища. Финансирование программы обследования осуществляли заинтересованные страны – Венгрия, Италия и, в первую очередь, Германия. После обнаружения и осмотра иностранного воинского кладбища составляется протокол обследования. Прежде всего, в протокол вносятся подробные сведения о месте захоронения. Указывается область и город, а также район, сельсовет и деревня, если кладбище располагается в сельской местности. Указываются размеры захоронения, количество могил и численность захороненных, а также то, к какой армии они принадлежали. Протокол содержит и много других полезных сведений: указывается, например, сохранились ли на месте кладбища памятные знаки и могильные холмики; выясняется, имеется ли угроза разрушения данного захоронения и находится ли оно под охраной; фиксируются адреса и фамилии очевидцев. В протоколе также составляется схема расположения кладбища с указанием ближайших ориентиров, расстояний и частей света. В случае сохранения могильных холмиков делается и план захоронения. Указывается также дата осмотра кладбища, фамилия, имя и отчество проводившего осмотр и его адрес. Данный источник отличается высокой степенью информативности и позволяет в дальнейшем уже не потерять обнаруженные, часто с огромным трудом, иностранные воинские кладбища на территории РФ. Обзор сохранившихся материалов по исследуемой проблеме показывает, что, несмотря на их распыленность по различным архивохранилищам страны, они дают возможность комплексно исследовать целый круг проблем, связанных с пребыванием на территории отдельных регионов России военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан. Массив сохранившихся источников также позволяет и спустя пятьдесят лет после закрытия иностранных воинских захоронений проводить поисковые работы по выявлению их на местности.

Существующие воинские захоронения условно можно разделить на шесть основных типов. Среди них – плановые захоронения (братские или одиночные могилы), санитарные захоронения, боевые захоронения, временные захоронения, мемориальные захоронения и перезахоронения. Иностраные воинские захоронения в тыловых районах России относятся к первому типу. По составу погребенных иностранные воинские кладбища, как правило, интернациональные. Вместе захоронены австрийцы, венгры, немцы, итальянцы, румыны, словаки, поляки, финны, французы и представители других европейских народов. Исключение составляли японцы: их хоронили на отдельных кладбищах, либо выделяли на общих кладбищах специальные участки. Имеются и чисто немецкие, венгерские или румынские воинские клад-

бища, но таких захоронений немного.

Географическое положение Урала и необходимость его хозяйственно-го освоения привели к тому, что на протяжении всей истории его русской колонизации здесь размещали военнопленных иностранных армий. Летом 1945 г. численность находящихся на территории Уральского региона военнопленных и интернированных из стран Восточной Европы гражданских лиц достигала 250 тыс. человек. Прибывший контингент был достаточно ослаблен, условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, были достаточно тяжелыми. В результате количество умерших на Урале только в 1944-1955 гг. иностранных граждан составило свыше тридцати тысяч человек, их захоронили на 191 специальном кладбище. Только за эти годы в Свердловской области было захоронено 14 306 человек, Курганской – 687, в Оренбургской – 6 138, в Пермской – 1 442, в Челябинской – 2 220, в Башкирии – 1 331 и в Удмуртии – 4 967. Кроме того, по обнаруженным в архиве Управления ФСБ по Свердловской области сведениям, в 1942 г. на территории области умерло ещё 2 217 военнопленных.¹ Захоронения военнопленных и интернированных различаются по своим размерам – от одиночных могил до крупных кладбищ в городах Асбест и Нижний Тагил, на каждом из которых было захоронено несколько тысяч человек. Однако большинство кладбищ военнопленных – средние по своим размерам. На них захоронено от 20 до 100 человек. На кладбищах имеются как индивидуальные, так и братские могилы. Братские захоронения характерны для военных лет, индивидуальные – для послевоенных лет, когда смертность в лагерях резко сократилась. Были, разумеется, и исключения. Так, в 1945 г. на территории Среднего Урала в лагерях № 84, 231, 313, 504 умерших в результате эпидемии военнопленных хоронили в братских могилах по 5-15 человек в каждой.²

В ходе обработки выявленных в центральных и местных архивах документальных материалов, а также проведении поисковых работ, в Курганской области нам удалось обнаружить три иностранных воинских кладбища, в Оренбургской – 19, в Пермской – также 19, в Свердловской – 95, в Челябинской области – 30 кладбищ. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях: 11 в Башкирии и 14 – в Удмуртии. Количество кладбищ постепенно сокращается по направлению с запада на восток. В Кировской области, например, нами было обнаружено 24 иностранных воинских кладбища, в Пермской – 19, а в Тюменской – только два. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

Выявление иностранных воинских захоронений на местности часто

¹ РГВА. Ф. 1 а. Оп. 1 е. Д. 96. Л. 32-34; Архив УФСБ. Ф.1. Оп. 1. Д. 161. Л. 44.

² Там же. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.

сопряжено с большими трудностями. Так, в частности, обстояло дело с кладбищем лагеря № 476 сформировавшимся в 1951-1955 гг. в г. Асбесте. В 1950-е годы данное кладбище находилось под надзором органов МВД, однако впоследствии оно оказалось в зоне ведения горных работ, и, в результате изменения характера прилегающей местности, было утеряно. Поиски данного захоронения включали в себя выявление в областном архиве УВД кладбищенской документации, поиск в архивах треста «Ураласбест» картографических материалов и привязки на новых картах к нужному месту с учётом неоднократно менявшейся за эти годы квартальной сетки. В ходе поисковых работ опрашивалось местное население, прочёсывались окрестные леса, на протяжении недели проводилась шурфовка наиболее перспективных участков, что и позволило, в конце концов, в 16-м лесном квартале Асбестовского лесничества обнаружить кладбище шестого отделения лагеря № 476.

Проведённое нами на протяжении 1990-х гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории областей Уральского региона и прилегающих к ним территорий показало, что и теперь, спустя 55 лет после окончания Второй мировой войны, 3/4 кладбищ в той или иной степени сохранились. Причин этого несколько. Во-первых, Урал – это тыловой район, здесь не было военных действий, оккупации, в результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем на западе страны. Во-вторых, следует учитывать состав населения края, источники его формирования, поскольку немалую часть жителей региона составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке или заключении. В-третьих, из-за меньшей, по сравнению с более освоенными западными районами, плотности населения на Урале многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

Уход за данными кладбищами местными властями, как правило, не осуществлялся. Единственным исключением стал участок захоронения военнопленных на Нижнеисетском гражданском кладбище в г. Екатеринбурге. В начале 1980-х гг. за счёт местных властей участок захоронения военнопленных привели в порядок, и уход за ним осуществлял городской трест похоронного обслуживания. Таким образом, это было единственное из иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны на территории Свердловской области, которое содержалось в порядке (следует отметить, что в относительном порядке содержалось и немецкое кладбище в г. Артемовский). Причина особого внимания властей к участку захоронения военнопленных на Нижнеисетском кладбище заключалась в том, что его планировалось показывать приезжающим в город иностранным делегациям. Однако в конце 1980-х гг. на участке захоронения военнопленных был совершён акт вандализма, и большинство установленных на нем бетонных надгробий оказались разрушенными.

В 1993 г. в соответствии с межправительственным соглашением с Германией, в России началось благоустройство иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны. На территории Урала благоустройство иностранных воинских захоронений началось в 1995 г. Первым из них было благоустроено кладбище интернированных в СССР немецких женщин, расположенное в поселке Изоплит Екатеринбург. Одновременно на территории России, а также Белоруссии и Украины, началась работа по установлению мест захоронений итальянцев. После их выявления боевые захоронения военнослужащих итальянской армии вскрывались, останки захороненных там людей эксгумировались и в специальных цинковых гробах отправлялись на родину. В настоящее время эксгумированы, идентифицированы и отправлены в Италию останки нескольких тысяч военнослужащих итальянской армии. Что касается захоронений итальянских военнопленных, то из-за сложности идентификации останков, захороненных в 1943-1944 гг. в братских могилах, приняли решение эксгумацию не проводить, а на местах их захоронения установить памятные знаки. В Свердловской области один такой знак в 1994 г. установили в поселке Рудник им. Третьего Интернационала г. Нижнего Тагила, второй – в поселке Басьяновском Верхнесалдинского района, где захоронены более тысячи итальянцев.¹

В марте 1995 г. в г. Москве Правительствами Российской Федерации и Венгерской Республики было подписано соглашение об увековечивании памяти павших военнослужащих и гражданских жертв войны и статусе захоронений. В соответствии с ним стороны, через уполномоченные ими органы, обязались информировать друг друга о наличии и местонахождении российских воинских захоронений в Венгрии и венгерских захоронений в России. При этом стороны согласились также обмениваться данными о погибших в боях военнослужащих, умерших в плену, а также лицах, насильственно вывезенных на принудительные работы, и о местах их погребения на территории своих государств. Стороны обязались обеспечить защиту и право бессрочного сохранения российских и венгерских воинских захоронений, включая памятники и мемориальные объекты, расположенные в России и Венгрии. В соглашении указывалось, что каждая сторона за свой счёт обеспечивает на территории своего государства содержание и уход за воинскими захоронениями другой стороны, включая памятники и другие мемориальные объекты.²

Анализ сохранившихся архивных материалов свидетельствует, что умершие на территории Свердловской области военнослужащие венгерской армии захоронены на 33 воинских кладбищах. Большинство этих кладбищ –

¹ РГВА. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26; Ф. 1 т. Оп. 13. Д. 6. Л. 4; Отдел спецфондов. Ф. 56. Д. 14. Л. 5-6; *Мотревич В.П.* Военнопленные немецкие генералы на Урале. С. 226-228.

² Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 12. – С. 31, 32.

интернациональные, однако среди них имеются и чисто венгерские захоронения. В марте 1995 г. между Правительствами России и Венгрии был также подписан Протокол об использовании части задолженности бывшего Союза Советских Социалистических Республик Венгерской Республике для обустройства венгерских воинских захоронений на территории России. Стороны договорились о том, что погашение долга будет осуществляться в рамках предоставления некоторых видов услуг нетоварного характера, а также проведения работ по эксгумации, переносу останков и обустройству венгерских воинских захоронений в России.¹ Имеются на территории Свердловской области и захоронения военнослужащих финской армии. В соответствии с подписанным в июле 1992 г. в г. Хельсинки соглашением между Правительствами Российской Федерации и Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших в период Второй мировой войны, в сентябре 1998 г. в г. Асбест приезжала представительная делегация из Финляндии. Целью этого визита являлось открытие памятного знака на кладбище военнопленных лагеря № 84, где предположительно находятся останки 63 военнослужащих финской армии.

Помимо благоустроительных работ, во второй половине 1990-х гг. на территории Среднего и Южного Урала неоднократно проводились и работы по эксгумации останков военнослужащих иностранных армий, их перезахоронению или отправке на родину. В соответствии с соглашением между СССР и Японией о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных, Советский Союз обязался передать японской стороне списки умерших в советском плену японских военнопленных, а также материалы о местах их захоронения. Наша сторона взяла на себя также обязательство содействовать передаче Японии останков умерших в плену японцев во всех случаях, когда это представляется возможным. В соответствии с японским законодательством все расходы по проведению данных работ взяло на себя правительство Японии.

Обследование мест захоронений военнопленных Второй мировой войны показало, что на территории восточных районов России можно благоустроить далеко не все иностранные воинские кладбища. Часть из них оказалась в городской черте и в настоящее время не сохранилась, другие, наоборот – расположены в глухой тайге в тех местах, где активно велись лесозаготовки и торфоразработки. В военные и первые послевоенные годы, крупномасштабные лесозаготовительные работы осуществлялись в северных и северо-восточных районах Свердловской области, особенно в Новолялинском районе. Там дислоцировался «лесной» лагерь № 318, основную часть его контингента составляли венгры. Первое отделение лагеря размещалось в г. Новая Ляля, остальные три – в отдаленных лесных районах. Поэтому в одних

¹ Там же.

случаях проводится эксгумация останков с дальнейшей отправкой их на родину (японская программа), в других, эксгумированные останки перезахораниваются на территории РФ на специальных сборных кладбищах (венгерская программа). Подписанные межправительственные соглашения создали законодательную базу для проведения масштабных эксгумационных работ по японской и венгерской программам, которые и были осуществлены автором данного исследования на территории Уральского региона в 1990-е гг.¹ В настоящее время в уральской тайге существует ещё целый ряд иностранных воинских кладбищ, работы по которым до настоящего времени не завершены. Одни из них не благоустроены и нуждаются в переносе, другие даже не обнаружены, несмотря на значительные размеры и существующие кладбищенские схемы. Созданная в 1990-е гг. в РФ нормативная база позволяет сделать реализацию этих межгосударственных соглашений вполне осуществимыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С началом советско-финской войны в 1939 г. на территории СССР появились первые военнопленных. Всего в период с 1939 по 1945 гг. Красная армия захватила в плен свыше 4 миллионов человек. Правовой статус этой категории лиц регулировался в международных гуманитарных конвенциях и в советских нормативно-правовых актах. Однако в связи с неясностью в вопросе о международных обязательствах СССР и секретностью советских актов 1940-х гг. в литературе возникла научная дискуссия о статусе иностранных военнопленных в СССР. Сегодня на основе «открытых» архивных документов появилось большое количество исторических работ по вопросам пребывания иностранных военнопленных в советском плену, но в правовом аспекте проблема не получила достаточного освещения. Анализ опубликованных исследований по военному плену периода Второй мировой войны позволяет утверждать, что проблема правового статуса иностранных военнопленных поставлена, но изучена недостаточно. Вместе с тем, научная значимость и актуальность данной проблемы, очевидна. Право на жизнь является основополагающим естественным правом человека, то есть его природным, неотъемлемым и неотчуждаемым правом. Международное гуманитарное право содержит нормы, нацеленные на защиту прав жертв вооруженных конфликтов. В нем также определяются механизмы, предназначенные для обеспечения соблюдения этих норм. Согласно нормам международного гуманитарного права жертвами вооруженного конфликта, наряду с гражданским населением, ранеными, больными и лицами, потерпевшими кораблекрушение, признаются и военнопленные. Под военным пленом понимается ограничение свободы лиц, принимавших непосредственное участие с оружием в руках в боевых действиях против неприятеля и обладающих статусом военнопленно-

¹ Там же. С. 32.

го. Цель военного плена заключается в том, чтобы пресечь участие указанной категории в боевых действиях.

На протяжении всей истории человечества нарушение прав военнопленных происходило в наибольшей степени, поскольку именно эта категория лиц причиняла весьма существенный вред неприятелю. При этом следует иметь в виду, что не всякое лицо, задержанное неприятелем, в период вооруженного конфликта международного характера автоматически становится военнопленным. Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. установили чёткие критерии признания лица военнопленным. Исходя из этих критериев как российские, так и зарубежные исследователи определяют данную категорию лиц, до начала плена, как законных участников вооруженного конфликта. Международное гуманитарное право устанавливает, что любой комбатант, попавший во власть неприятеля, является военнопленным.¹ При этом следует иметь в виду, что нарушение норм Международного гуманитарного права участниками боевых действий не является основанием для лишения их статуса военнопленного. Кроме того, если имели место обстоятельства, дающие основание противоборствующей стороне полагать, что лица, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях, не могут наделяться статусом военнопленного, то все сомнения трактуются в пользу захваченного лица, как обладающего статусом военнопленного и находящегося под защитой Женевской конвенции. Это положение сохраняется до того момента, пока его статус не будет определен компетентным судом.

В определенной степени права военнопленных и гарантии их защиты закреплены в Женевской конвенции 1949 г. При исследовании прав заключённых следует учитывать то обстоятельство, что в юридической науке права и свободы традиционно подразделяются на три основные группы: 1) личные; 2) политические; 3) социально-экономические и культурные. Закреплённый в нормах международного гуманитарного права принцип гуманизма проявляется в том, что военнопленные должны быть защищены от актов насилия или запугивания, от оскорблений и любопытства толпы. Ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению либо научному или медицинскому эксперименту, запрещается дискриминация по признаку расы, цвета кожи, религии, социального происхождения. Они так же

¹ *Мотревич В.П.* О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России. Тезисы докладов. – Екатеринбург: УГТУ, 1996. – С. 86-88; *Он же.* Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. – С. 469-471; *Он же.* Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный: третья региональная научная конференция. – Екатеринбург: УГТУ, 1999. – С. 120.

имеют право на уважение к их личности и чести. После пленения военнослужащий на допросе обязан сообщить только свои фамилию, имя и звание, дату рождения и личный номер или другую равноценную информацию.

Деньги и ценные вещи могут быть отобраны у военнопленного лишь для обеспечения их сохранности. Военнопленным разрешается ношение знаков различия и отличия. Умолчание о воинском звании может повлечь за собой ограничения в правах, предусмотренных для соответствующей категории военнопленных. Военнопленным предоставляется свобода для выполнения обрядов их религий, включая посещения богослужений, при условии соблюдения ими дисциплины, установленной военными властями. Военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащего в плену государства. За совершенные проступки военнопленного может судить только военный суд. Запрещаются всякие коллективные наказания за индивидуальные проступки. По отношению к военнопленным не должны применяться никакие физические или моральные пытки, угрозы, оскорбления, ограничения или преследования за отказ дать какие-либо сведения. Не может являться мерой дисциплинарного воздействия задержка или замедление доставки почтовой корреспонденции. Цензура корреспонденции, адресованной военнопленным или ими отправленной, должна производиться в возможно кратчайший срок. Ни в коем случае дисциплинарные взыскания не должны быть бесчеловечными, жестокими или опасными для здоровья военнопленных.

В 1942-1956 гг. в Свердловской области находились десятки тысяч военнопленных Второй мировой войны, оказавшихся в советском плену в основном летом и осенью 1945 г. Создание здесь первых лагерей для военнопленных весной 1942 г., было обусловлено высокой потребностью в рабочей силе, а также удаленностью региона от театра военных действий. Лагеря для военнопленных были организованы во всех областях и республиках Уральского региона, однако наиболее насыщенными оказались Свердловская и Челябинская области, имевших наиболее мощный промышленный потенциал. Потребностью в трудовых ресурсах был обусловлен, по-нашему мнению, выбор Свердловска, и тяготеющих к нему городов, в качестве места размещения самого крупного в СССР лагеря для осужденных военнопленных. Интенсивное использование на протяжении первой половины 1950-х гг. семи тысяч дополнительных работников сыграло важную роль в развитии экономики региона, особенно в жилищном и промышленном строительстве.

В целом материально-бытовые условия нахождения иностранных граждан на Урале можно характеризовать как весьма тяжелые, однако стоит отметить, что в ещё более тяжелых условиях проживало и подавляющее большинство советских граждан. Другое дело, что привыкшим к значительно более высоким жизненным стандартам европейцам было достаточно сложно адаптироваться к советским реалиям. К этому следует добавить и непривыч-

ные природно-климатические условия Уральского региона, а также использования иностранных граждан на тяжелых работах в лесной, торфяной, горнорудной отраслях промышленности, и в строительстве, не требующих высокой квалификации. В целом же, если сравнить положение военнопленных и интернированных в СССР иностранных граждан с положением других многочисленных спецконтингентов – спецпоселенцев, заключенных, трудмобилизованных, то оно было, несомненно, значительно лучше. К тому же, в отличие от советских спецконтингентов, иностранные граждане были защищены нормами международного права.

Ставшие доступными в последние двадцатилетие материалы ведомственных архивов МВД и ФСБ дают основание утверждать, что в военные и, особенно в послевоенные годы, в Союзе ССР в основном придерживались содержания Гагской и Женевской конвенций о военнопленных. На это были направлены как национальные нормативно-правовые акты, так и практическая деятельность ГУПВИ НКВД СССР. Однако при этом СССР преследовал вовсе не достижение целей международного гуманитарного права, а стремился доказать всему миру преимущества социалистического строя. Поэтому Советский Союз и сделал многое для сохранения жизни и создания благоприятных условий существования иностранным военнопленным. Другое дело, что общее состояние советской экономики и существовавший в те годы в СССР тоталитарный режим не позволяли в полной мере выполнять положения международного права в области соблюдения личных, политических, социально – экономических и культурных прав военнопленных. Вторая мировая война давно закончилась, но живы ещё многие её жертвы. Многие из них нуждаются в политической реабилитации, в том числе и необоснованно осуждённые в СССР иностранные военнопленные. В целях восстановления исторической справедливости в октябре 1991 г. был принят закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». В результате кропотливой работы в 1990-е гг. органы военной прокуратуры пересмотрели тысячи уголовных дел и семь с половиной тысяч иностранных граждан реабилитировали, в том числе и бывших военнопленных. В связи с этим практическое значение приобретает исследование как международно-правового статуса военнопленных, так и правового статуса осужденных иностранных военнопленных на территории СССР. Анализ показывает, что практика судебного преследования военнопленных вражеских армий в целом не противоречила ни международному праву, ни национальному законодательству СССР.

Как известно, в 1948 г. процедура привлечения к ответственности, а вместе с ней и осуждения военнопленных и интернированных значительно упрощалась и ускорялась. Становится характерной и к концу 1940-х гг. прочно входит в практику привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности такая его особенность, как ускоренное ведение следствия,

подготовка обвинения и рассмотрение дел в суде. Кроме того, на смену открытым показательным судебным процессам приходят закрытые судебные заседания. Следует отметить, что вообще процедура привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности и порядок рассмотрения дел в суде были максимально ускорены и упрощены. Военные трибуналы выносили приговоры в течение 20-30 минут в присутствии обвиняемого, но без участия обвинения, защиты и вызова свидетелей. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть военнопленных была привлечена к уголовной ответственности на основании ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. за деяния, которые крайне сложно определить, как военные преступления. Источники свидетельствуют, что по сомнительным приговорам осудили значительную часть военнопленных. Нам представляется, что на иностранных военнопленных в полной мере было распространено репрессивное советское законодательство 1930–1940-х гг. И часть иностранных граждан, оказавшихся в результате Второй мировой войны заложниками сталинского режима, разделила участь миллионов советских граждан, прошедших через сталинские лагеря.

Юридическим последствием этого стала развернувшаяся в последние годы в России в целом, и в Свердловской области в частности, работа по реабилитации незаконно осужденных за нарушение законов и обычаев войны бывших военнослужащих вражеских армий. Вообще, нарушение процессуальных норм в дальнейшем сыграло злую шутку, но не с советским, а уже с российским правосудием. Многих осужденных в 1940-е гг. военнопленных спустя 50 лет пришлось реабилитировать, поскольку следствие осуществлялось в спешке, и вина подсудимых материалами уголовно-следственных дел часто не подтверждалась. В результате сотни осужденных военных преступников оказались реабилитированными Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры РФ и причислены, как это ни парадоксально, к жертвам политических репрессий.

Прибывшие на Урал военнопленные были ослаблены, условия их пребывания в регионе, особенно в первое время, были весьма тяжелыми. В результате количество умерших на Урале иностранных граждан составило свыше тридцати тысяч человек, захоронены они были на 191 специальном кладбище. В соответствии с нормами международного права данные захоронения являются воинскими и находятся под защитой того государства, на территории которого они расположены. Однако определенный международным гуманитарным правом порядок отношения к воинским захоронениям в Советском Союзе не соблюдался. В результате значительная часть иностранных воинских кладбищ в нашей стране оказалась уничтоженной, а остальные пребывали в заброшенном состоянии или вообще были утеряны.

В 1990-е гг. Россия заключила межгосударственные соглашения о статусе иностранных воинских захоронений со всеми странами, противниками

СССР во Второй мировой войне. В результате в центре и на местах была создана нормативно-правовая база, что позволило выявить эти захоронения на местности, осуществить вывод территории иностранных воинских захоронений из хозяйственного оборота, обеспечить их сохранность, произвести благоустройство и организовать последующий уход. Первоначально основной объём работ приходился на благоустройство кладбищ военнопленных, впоследствии акцент был сделан на проведение эксгумационных работ на «боевых» кладбищах и создании сборных воинских кладбищ в районах осуществления боевых действий. Тем не менее, в настоящее время на территории Удмуртии, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей Федеративной Республикой Германией благоустроено 21 кладбище военнопленных Второй мировой войны. Венгерской Республикой благоустроены 18 кладбищ и установлены 60 памятных знаков, 5 памятных знаков установлены Итальянской Республикой, 2 – Японией и один – Финляндской Республикой.¹ В ряде случаев не только в районах боевых действий, но и в тыловых областях существует необходимость в проведении эксгумационных работ. Эксгумации проводятся по отношению к военнослужащим японской армии, они также необходимы при невозможности осуществления благоустройства, а также по просьбе родственников, желающих перезахоронить останки своих близких на родине. Созданная в последние 20 лет в РФ нормативно – правовая база позволяет осуществлять данные работы с соблюдением всех необходимых формальностей.

В целом представляется, что выявление, благоустройство и обеспечение сохранности иностранных военных могил в России имеет важное политическое и гуманистическое значение. Восстановление иностранных воинских кладбищ (проводимое за счёт заинтересованных государств), позволит многим семьям из разных стран посещать, как это принято в цивилизованных странах, могилы своих близких. Это будет способствовать укреплению доверия между государствами и их народами, облегчит налаживание отношений в различных сферах и обеспечит сохранность советских военных могил в Европе.

Источники и использованная литература:

Источники:

I. Опубликованные источники:

1. *Адам А.В.* Трудное решение: мемуары полковника 6-й германской армии. – М.: Прогресс, 1972. – 491 с.
2. *Бланк А.С.* Пленники Сталинграда // Новый мир. – 1983. – № 9. – С. 205-226.
3. Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 10, 12.

¹ *Мотревич В.П.* Правовой статус иностранных воинских захоронений в России // Актуальные вопросы историко-правовой науки. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2009. – С. 232-237.

4. Военнопленные в СССР (1939-1956). Документы и материалы. // Сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2000. – 888 с.
6. Катюнь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катюни. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. – М.: Вест мир, 2001. – 688 с.
7. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: Т. 1. – М.: Госюриздат, 1952. – 832 с.
8. Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941-1945. К истории военного союза: Докум. и матер. Т. 14. – М.: Терра, 1994. – 492 с.
9. *Рюле О.* Исцеление в Елабуге. – М.: Воениздат, 1969. – 328 с.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 4.
11. *Штейдле Л.* От Волги до Веймара. – М.: Прогресс, 1975. – 422 с.

II. Архивные источники:

1. Российский государственный военный архив.
2. Архив Администрации Губернатора и Правительства Свердловской области.
3. Государственный архив административных органов Свердловской области.
4. Государственный архив Свердловской области.
5. Архив Информационного Центра ГУВД РФ по Свердловской области.
6. Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области.

Использованная литература:

1. *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – 336 с.
2. *Базаров О.Д.* «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.). – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. – 92 с.
3. *Бакунин. А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. II. Апогей. – Екатеринбург: БКИ, 1997. – 224 с.
4. *Баранова Н.В., Ерин М.Е.* Немецкие военнопленные в Ярославской области // Отечественная история. – 1995. – № 6. – С. 133-142.
5. *Безбородова И.В.* Организация трудоустройства военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена: история и современность. Мат. междунауч.-практ. конф. Ч. 2. – Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1997. – С. 50-58.
6. *Бондаренко Е.Ю.* Долгое возвращение из плена (К истории репатриации японских военнопленных из СССР) // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 4. – С. 102-107.
7. *Бондаренко Е.Ю.* Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. – Владивосток: Изд-во Владивосток. ун-та, 1997. – 67 с.
8. *Бугай Н.Ф.* Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на Родину из СССР (1940-1950-е годы). Докл. факты, комм. – М.: Готика, 2001. – 302 с.
9. *Букин С.С.* Сибирские острова архипелага ГУПВИ // Проблемы истории Второй мировой войны. Сб. науч. работ. – Вологда: [Б. и.], 2000. – С. 98-109.
10. *Букин С.С.* В чужой земле. Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944-1948 гг. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. – 310 с.
11. Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4: Народ и война. – М.: Наука, 1999. – 368 с.

12. *Всеволодов В.А.* «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939-1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плена: Сб. мат. межд. научно-практ. конф. – М.: Красногорск, Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. – С. 25-32.
13. *Выцлан М.* Они все-таки прошли по Москве... // Диалог. – 1995. – № 4. – С. 21-25.
14. *Галицкий В.П.* Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 6. – С. 115-123.
15. *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 39-46.
16. *Галицкий В.П.* Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. – М.: Памятники ист. мысли, 1997. – С. 63-72.
17. *Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939-1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы к Всеросс. науч. конф. – Вологда: Русь, 1995. – С. 3-13.
18. *Галицкий В.П.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 48-63.
19. *Галицкий В.П.* А действительно, куда исчезли 20 000 американцев? // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 8. – С. 80-81.
20. *Галицкий В.П.* Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 10. – С. 44-54.
21. *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.). – М.: Грааль, 1997. – 246 с.
22. *Дементьев Б.П.* Экономика Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. – Екатеринбург: СВ -96, 2000. – С. 91-97.
23. *Денисевич М.Н.* Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 89-92.
24. *Детков М.Г.* Колонии, лагеря и тюрьмы России. – М.: Вердикт-ИМ, 1999. – 448 с.
25. *Долголюк А.А.* Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, 23-25 октября 1997 г. Ч. 2. – Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – С. 73-76.
26. *Долматовский Е.А.* Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. – М.: Политгиздат, 1985. – 319 с.
27. *Егоров М.А.* Бунт генералов // Уральский рабочий. – 1992. – 7 апр.
28. *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен. 1942-1956 годы (Немецкие военнопленные в СССР). Кн. 2. – М.: Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. – 324 с.
29. *Епифанов А.Е.* Дела иностранцев, осужденных по обвинению в военных преступлениях, в современной реабилитационной практике // Право и политика. – 2001. – № 2. – С. 107-112.
30. *Епифанов А.Е.* Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военнопленных вермахта на родину (1948-1949 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической

- конференции, 23-25 октября 1997 г. Ч. 2. – Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – С. 226-242.
31. *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР: (историко-правовой аспект). – Волгоград: ВЮИ, 1997. – 214 с.
 32. *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 24-69.
 33. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10-27.
 34. *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе в 1941-1956 гг. – М.: РГГУ, 2002. – 303 с.
 35. *Колеров М.* Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945-1950) // Отечественные записки. – 2003. – № 3 (12). – С. 355-376.
 36. *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. – Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1996. – 318 с.
 37. *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М.: Ин-т воен. истории, 1998. – 163 с.
 38. *Крупенников А.А.* К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947-1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Тез. межвуз. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – С. 83-85.
 39. *Кузнецов С.И.* Участие японских военнопленных в Токийском и Хабаровском процессах // Историческое, культурное и природное достояние (состояние, проблемы, трансляция). Вып. 2. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. – С. 65-73.
 40. *Кузнецов С.И.* Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). – Иркутск: ИГУ, 1997. – 261 с.
 41. *Кузьмин С.И.* К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, 23-25 октября 1997 г. Ч. 2. – Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – С. 132-142.
 42. *Кузьмина М.А.* Плен: японские военнопленные в Хабаровском крае. – Комсомольск-на-Амуре: КНАГПИ, 1996. – 156 с.
 43. *Лебедева Н.С.* Катынь: преступление против человечества. – М.: Прогресс: Культура, 1994. – 352 с.
 44. *Михеева Л.В.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века): авт. дис. ... канд. ист. наук. – Караганда, 2007. – 30 с.
 45. *Молодяков В.Э.* «Правосудие победителей»? // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 3. – С. 98-107.
 46. *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 гг.). – Сыктывкар: СГУ, 1998. – 156 с.
 47. *Мотревич В.П.* Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий. – 1991. – 31 мая.
 48. *Мотревич В.П.* Где сидел адъютант Гитлера? // Уральский рабочий. – 1992. – 2 февр.
 49. *Мотревич В.П.* Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Вечерний Первоуральск.

- 1992. – 7, 9 июля.
50. *Мотревич В.П.* О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России. – Екатеринбург: УГТУ. 1996. – С. 86-89.
 51. *Мотревич В.П.* К вопросу о захоронениях военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области // Двенадцатые Бирюковские чтения. Тезисы научно-практической конференции. – Челябинск: ЧГУ, 1996. – С. 188-190.
 52. *Мотревич В.П.* Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. – 1997. – № 2 (4). – С. 71-74.
 53. *Мотревич В.П.* Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Первые уральские военно-исторические чтения. – Екатеринбург: УГТУ, 1997. – С. 105-106.
 54. *Мотревич В.П.* Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – С. 120–121.
 55. *Мотревич В.П.* Военные преступники // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – С. 122.
 56. *Мотревич В.П.* Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – С. 469-471.
 57. *Мотревич В.П.* Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный: третья региональная научная конференция. – Екатеринбург: УГТУ, 1999. – С. 117-120.
 58. *Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (состояние источниковой базы) // Урал на пороге третьего тысячелетия. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2000. – С. 48-51.
 59. *Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области // Урал в стратегии Второй мировой войны: материалы всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2000. – С. 123-125.
 60. *Мотревич В.П.* Военные преступники в Свердловской области в 1949-1956 гг. // Военный комментатор. – Екатеринбург: ГУ, 2001. – С. 77-95.
 61. *Мотревич В.П.* Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Курганской области // Емельяновские чтения. – Курган: КГУ, 2006. – С. 126-129.
 62. *Мотревич В.П., Еськов В.Н.* Военнопленные Второй мировой войны на Урале. – Екатеринбург: АПНБ, 2007. – 60 с.
 63. *Мотревич В.П.* Военнопленные Второй мировой войны на Урале: численность, состав, размещение. // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – С. 731-735.
 64. *Мотревич В.П.* Иностранцы воинские захоронения Второй мировой войны в Удмуртии: численность, дислокация и проблема благоустройства // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. – Ижевск: УдГУ, 2008. – С. 744-754.
 65. *Мотревич В.П.* Правовой статус иностранных воинских захоронений в России // Актуальные вопросы историко-правовой науки. Материалы конференции Российского историко-правового общества. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2009. – С. 232-237.

66. *Мотревич В.П.* Благоустройство мест захоронений военнопленных и интернированных на Урале в 1995-2009 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. – Екатеринбург: УрГУ, 2011. – С. 193-201.
67. *Наумов А.В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. – 1995. – № 6. – С. 49- 55.
68. *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. – 184 с.
69. *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941-1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, 23-25 октября 1997 г. Ч. 2. – Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – С. 83-85.
70. *Потильчак О.* Рядянські табори військполонених в Україні (1939-1954). – Київ, КНПУ, 2004. – 53 с.
71. *Пушкарев Г.* «С нами Бог» // Подробности. – 1998. – 27 марта.
72. *Рыбалкин Ю.* Шведские летчики в советском плену (Советско-финская война 1939-1940 гг.) // Родина. – 1998. – № 7. – С. 17-19.
73. *Рыбалкин Ю.* Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, 23-25 октября 1997 г. Ч. 2. – Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – С. 247-251.
74. *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939-1956 гг. – Волгоград: ВГУ, 2001. – 503 с.
75. *Смыкалин А.С.* «Строители» из дивизии СС // Уральский рабочий. – 1995. – 17 янв.
76. *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург: УрГЮА, 1997. – 364 с.
77. *Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. – Красноярск: КГПУ, 2001. – 276 с.
78. *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.). – Екатеринбург: ГУ, 2006. – 500 с.
79. *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. – М.: Прогресс, 1989. – 470 с.
80. *Чайковский А.С.* Плен. За свои и чужие грехи (военнопленные и интернированные в Украине, 1939-1953). – Киев: Парламентское изд-во, 2002. – 970 с.
81. *Чудиновских Е.Н.* Военнопленные Второй мировой в Вятском крае // Отечественные архивы. – 2000. – № 2. – С. 98-100.
82. *Щелокаева Т.А.* О международных обязательствах СССР по обращению с военнопленными в годы Второй мировой войны // Юридический вестник. – 1999. – № 19-20 – С. 27-35.
83. *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М.: РОССПЭН, 2001. – 496 с.
84. *Karner Stefan.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941-1956. – Wien-München: R. Oldenbourg, 1995. – 269 s.